

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-OJAK-4

Открыто: 2012.05.29 04:51
Закрито: 2016.12.25 16:43
Версия: 2018.07.27 23:32

ISBN 9984-9395-5-3

Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN

О.Е. Акимов. «Статьи О Фрейде»

© О.Е. Акимов, 2007

Та самая кушетка

Олег Акимов

Статьи О ФРЕЙДЕ

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Добавление

Акимов О.Е.

Добавление к моим книгам и статьям о Фрейде, сделанное на исходе 2006 года

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/dob2006.htm>

Вышла биография «Зигмунд Фрейд: психоаналитический портрет» (М: МПСИ, 2006), написанная В. Лейбиным. На странице 14 сообщается, что отец Фрейда впервые женился в 17 лет на Салли Коннер, о которой ничего не известно. На странице 26 автор говорит о таинственной Ребекке как второй жене Якоба Фрейда (на момент женитьбы в 1852 году ей было 32). Амалия Натансон – его третья жена. В книге Касафонта Х.Р. «Зигмунд Фрейд» (перевод с испанского А. Берковой, вышла в издательстве М.: АСТ, 2006) на страницах 33–34 есть любопытное место, цитирую:

«Летом 1875 года его [Зигмунда] отец, выполняя данное двумя годами ранее обещание, отправил Фрейда в Манчестер, в дом его сводного брата. Этот визит задумывался как своего рода западня. Родители Фрейда питали надежду, что их юный сын влюбится в Паулину, дочь Филиппа, и таким образом сын останется в семейном ткацком деле, в мастерской, принадлежащей сводному брату. Но ловушка не сработала – к счастью для науки. Юный студент-медик с начинающей пробиваться бородкой и румяными щеками не влюбился. Вместо того, чтобы пасть жертвой чар Паулины, он значительно больше увлекся окружающей обстановкой и английскими обычаями, причем настолько, что даже подумывал обосноваться на острове».

Эта вполне правдоподобная информация объясняет то мерзкое насилие, которое Зигмунд Фрейд совершил на одуванчиковом лугу в отношении Паулины. Видимо, старшие члены рода Фрейдов действовали так же, как некогда поступили с Якобом Фрейдом, женив его, совсем мальчишку, без всякой любви на некой Салли Коннер. Если в этом роду были приняты такие правила, то, возможно, и Амалия Натансон была кем-то, в частности, ее родителями, *назначена* женой Якоба Фрейда. Очевидно, игнорируя любовь детей, родители смотрели сквозь пальцы на сексуальные связи между близкими.

Мой вывод из всего этого таков. Паулина дала Зигмунду негативный сексуальный опыт, который довлел над ним в течение всей жизни. Искреннее чувство любви абсолютно не ценилось в роду, где всё было подчинено меркантильным целям денежного и материального обогащения. Фрейд знал о существовании Небесного Эроса только по книгам Данте и Гёте, но по природе постоянно испытывал на себе могущественную власть Приапа. Созданный им психоанализ – это синтетический продукт его сластолюбивой натуры, дурного воспитания и поверхностного увлечения наукой.

В книге Лейбина есть одно место, которое несет намного более любопытную информацию о биографии Фрейда и его окружении, чем сведения в отношении Паулины. Автор цитирует дневниковую запись Берты Паппенхейм (пациентки Анны О.), которая представлена как пересказ ее сновидения. По-видимому, это искусственный прием, во всяком случае, выраженные ею чувства, выглядят вполне искренне. Приведу отрывок дневниковой записи, помещенный на странице 118:

«Я не Анна из статей, которые они [Брейер и Фрейд] постоянно публиковали, глупая маленькая фрейлин, которую они лечили разговорами, и это всё равно не помогло. Мы все знали, в чем была их проблема – они были мужчинами. Брейер думал, что всё знает. Так же думал и этот наглый друг, с которым я никогда не была знакома, этот Фрейд, который потом писал обо мне так, будто знал меня. Никто из них и близко не подошел к Анне. Она играла с ним [очевидно, здесь имеется в виду Фрейд] в женские игры».

Считаю, что в данном случае мы имеем дело с неточной подачей информации. На первый взгляд выхваченные из контекста предложения говорят о том, что Анна-Берта не знакома с

Фрейдом. Но так думать было бы опрометчиво: она не смогла бы воспользоваться очень верным предикатом «наглый» в отношении Фрейда, если бы не знала его лично. Я уверен также, что и слово «друг» она ставит в связку между собой и Фрейдом, а не между Фрейдом и Брейером, иначе нужно было использовать местоимение и сказать «его друг». Понятно также, что она использует глагол «знать» в смысле *понимания ее женской натуры*. В этом аспекте и Брейер ее не знает, *«Никто из них [Брейер и Фрейд] и близко не подошел к Анне»,* – пишет она. Думаю, фразу *«этот наглый друг, с которым я никогда не была знакома, этот Фрейд, который потом писал обо мне так, будто знал меня»* было бы правильнее перевести иначе: *«этот наглый друг, который никогда не понимал меня, этот Фрейд, который потом писал обо мне так, будто понял меня»*. Тщательный анализ книг «Толкование сновидений» и «Исследование истерии» доказывает, что Фрейд был прекрасно знаком с Анной-Бертой, хотя так и не приблизился к ней и не узнал, чем же она жила, т.е. он не понял ее женскую душу, что правда. Вот, о чем говорит приведенная Лейбиным дневниковая запись.

Лейбин не сообщает, когда была сделана эта запись. Я думаю, где-то после поездки Фрейда в Америку, в период между 1910 и 1915 годами, когда о нём и его психоанализе заговорили во всеуслышанье и когда он стал усиленно выставлять первый случай исцеления Анны-Берты в качестве успешного применения психоаналитической методики. Запись свидетельствует, что Анна-Берта была в курсе событий, а реакция Фрейда говорит, что он также внимательно следил за ее успехами на поприще активной общественной деятельности по эмансипации женщин от мужского диктата. Анна-Берта писала в ответ на шум, поднятый именно Фрейдом, который тянул за собой Брейера, хотя сам Брейер давным-давно находился по другую сторону баррикад. В теоретическом плане он никогда не был с Фрейдом заодно и принадлежал материалистической школе. Об этом много говорилось в моих книгах и статьях, но об этом же можно прочесть и в недавно переизданной книге Ф. Виттельса. «Фрейд. Его личность, учение и школа». Книга была написана в 1924, переведена на русский в 1925 (перевод с немецкого и вступительная статья принадлежат М.А. Рейснеру; второе стереотипное издание вышло в Московском издательстве КомКнига в 2006 году).

Фриц Виттельс с 1905 по 1910 гг. увлекался психоанализом в трактовке Фрейда, потом вместе с Вильгельмом Штекелем переметнулся в кружок Альфреда Адлера, но в 1925 году вновь вернулся к Фрейду во многом благодаря написанной им лестной биографии родоначальника спекулятивного учения. В статье Мартина Гротьяна «Переписка З. Фрейда» (Энциклопедия глубинной психологии, т. 1, с. 103) в подразделе «Протоколы Венского психоаналитического общества» на эту тему написано следующее:

«Обычно Фрейд открывал вечер несколькими объявлениями, часто он начинал дискуссию и столь же часто закрывал заседание. По-видимому, он оставлял за собой право прерывать ораторов, тогда как самого его, судя по протоколу, перебивали лишь в редких случаях (обычно это делал Адлер). Его замечания нередко относились не только к выступающему, но и ко всем участникам. Вильгельм Штекель (1968–1940) и Фриц Виттельс (1880–1950), очевидно, чаще других провоцировали враждебность».

В другой статье Гротьяна «Фрейд в зеркале биографов», написанной совместно с Юргеном фон Шайдтом, говорится:

«В 1925 году Фрейд ответил согласием на желание Виттельса вновь вступить в Венское психоаналитическое объединение. При всех оговорках Фрейд, очевидно, высоко ценил своего первого биографа. В конце письма после получения биографии Фрейд признался: *«В моих замечаниях Вы можете увидеть признак того, что, не соглашаясь с Вашей работой, я ни в коем случае не считаю ее незначительной»*. При всех недостатках книги Виттельса нельзя не признать, что на основе той немногой информации, которой он располагал, ему всё же удалось создать достаточно наглядное описание личности Фрейда, которому тогда было уже около 70 лет».

Авторы статьи приводят и слова Виттельса, сказанные в адрес Фрейда: *«Однажды в личном конфликте он оставил меня в тяжелом положении»* (Энциклопедия, т. 1, с. 209).

Для нас сейчас является важным то, что Виттельс писал еще при живом Йозефе Брейере и поэтому мог точно расставить акценты в отношении влияния последнего на формирование психоанализа. Ясно, что убежденный физиолог, точнее, физиологист, с рациональных позиций критиковавший точку зрения психологистов, не мог оказывать позитивного воздействия на формирование психоанализа как крайнего проявления иррационального психологизма. О

принципиальных и абсолютно несовместимых разногласиях между психологами и физиологами рассказывалось в статье «Анна О. – первая пациентка Фрейда» (подразделы XIII – XVII), в которой приводятся конкретные аргументы Брейера против высказывания Мёбиуса: «Истерическими являются все патологические феномены, обусловленные представлениями». «Нет и еще раз нет», говорит Брейер, «истерия во многом определяется физиологическим дисбалансом». Приведя ключевую фразу Мёбиуса, от которой оттолкнулся Брейер в своей «Теоретической части» книги «Исследование истерии», Виттельс далее недоумевает, почему, собственно, Фрейд записал Брейера в свои попутчики в деле создания психоанализа.

«Таким образом, – пишет Виттельс, – мы видим у колыбели психоанализа трех ученых: Шарко, Брейера и Бернгейма. Из этих трех наименьшей известностью пользовался Брейер, если бы сам Фрейд не упоминал без конца имени Брейера и не выдвигал его как истинного основоположника психоанализа. Я сам, а также и другие всегда удивлялись, что Фрейд столь высоко ценил сообщение Брейера».

Автор высказывает предположение, что психоаналитическая методика непременно возникла бы и без Брейера.

«...Да он и был действительно осуществлен во Франции, где о Брейере ничего не знали. Кроме того, мы вскоре увидели, что существеннейшие открытия Фрейда, составляющие в наше время сущность психоанализа, не имеют ничего общего с Брейером. В виду того, что Фрейд неохотно гипнотизировал [правильнее сказать, не умел этого делать], сообщение Брейера [о случае с Анной О.], по моему мнению, не только не помогло ему в его работе, но оказало скорее задерживающее влияние... Брейер, во всяком случае, не заметил ни фиксации своей пациентки на отце [проявление Эдипова комплекса], ни перенесения на личность врача [сексуальное влечение к Брейеру], ни сексуальной символики [змея, явившаяся Анне-Берте в ее галлюцинациях, была символом фаллоса]. Динамическая сторона вытеснения должна была тем более ускользнуть от него, так как он гипнотизировал. Весь конфликт остался во мраке. Но в виду того, что как раз эти механизмы составляют сущность учения Фрейда, приходится не соглашаться с ним, когда он так демонстративно выдвигает на первый план имя Брейера. Впрочем, ему и самому временами казалось, что он в этом зашел слишком далеко» (с. 53–54 указанной выше книги).

Виттельс, как и многие, абсолютно не понимал фрейдовской игры. Отец-основатель мошеннической психиатрии придумал трюк с Брейером только для того, чтобы отвести подозрения, будто в основе психоанализа лежат французские корни. «Да нет же», уверял Фрейд, «всею причиной – удивительное исцеление брейеровской пациентки. Другое дело, что врач до конца не разобрался, почему выздоровела Анна-Берта и что лежало в основе ее болезни. Это потому, что Брейер был до мозга костей физиологом, я же – психологист, я понимаю, что болезнь возникла и развилась на базе Эдипова комплекса, проявленного к ее несчастному отцу. Фригидность пациентки – явление кажущаяся, на самом деле ее обуревали сексуальные фантазии, которые излились на Брейера, но который, к сожалению, не смог разглядеть их у больной».

Примерно так Фрейд представлял события, в частности, в некрологе на смерть Брейера.

«Ко времени публикации нашего «Исследования», – сообщает он, – уже можно было сослаться на работы Шарко и исследования Пьера Жане, которые, казалось бы, опередили некоторые открытия Брейера. Однако, в тот период, когда он занимался своим первым случаем (1881–1882 гг.), ни одна из этих работ еще не появилась. «Психологический автоматизм» Жане был издан в 1889 году, а его вторая книга «Психическая природа истериков» увидела свет не ранее 1892 года. Таким образом, в своих исследованиях Брейер был совершенно самостоятельным и руководствовался лишь теми размышлениями, на которые навел его конкретный случай из практики».

По-видимому, против такой трактовки первого случая исцеления была направлена выше-протитированная дневниковая запись. Фрейд откровенно врал и на счет бедняжки Анны-Берты и по поводу своего друга Йозефа Брейера. Все последователи психоаналитического учения, включая Виттельса, выступали в роли мышей, над которыми забавлялся коварный кот Фрейд. Почему изучение данной игровой ситуации так важно для тех, кто серьезно занимается теорией познания? Да потому, что ровно такая же эпистемологическая ситуация возникла вокруг Эйнштейна и теории относительности. Везде мы имеем дело примерно с однотипным социально-психологическим и политико-идеологическим паттерном, который возникает независимо от

эпохи, страны, конкретных условий в ней и уж тем более от этнической принадлежности главного игрока. Единственное достоинство названных ситуаций, это их прозрачность. Фрейд и Эйнштейн – величайшие иллюзионисты-мистификаторы, работавшие каждый в своей сфере. Но нечто похожее происходит повсюду, хотя в других случаях обман выглядит, быть может, не столь масштабно, откровенно и выпукло, как здесь, когда, казалось бы, нет абсолютно никаких поводов для возникновения религиозной веры. Можно попасть под обаяние мошенника на день или два, пускай, на месяц или год, но чтобы на сотню и более лет – это уже особый феномен, заслуживающий нашего самого пристального внимания.

Однако перед нами сейчас не стоит в полный рост глобальная эпистемологическая проблема. Нашей целью является написание небольшого обзора вышедших в 2006 году книг, с которыми успел ознакомиться автор данной заметки. В связи с этим назову еще две книги, авторы которых носят созвучные фамилии – Розен – но не одинаковые по написанию. Николь Розен (Rosen) сочинила эпистолярный роман под названием «Марта Фрейд» (перевод с французского М. Рожновой вышел в Московском издательстве «Гелеос» в 2006 году). О чём роман? Дело в том, что практически все биографы, начиная с Джонса, сходятся в одном: жена Фрейда была скромной, по-своему благоразумной домохозяйкой, у которой большая часть жизни протекала на кухне. Наукой она никогда не интересовалась и в дела мужа тоже никогда не лезла. Николь Розен посчитала, что это не справедливо: у гениального человека непременно должна быть какая-то необыкновенная спутница.

«... Принято считать, – пишет Розен, – что она [Марта Фрейд] совершенно не интересовалась работой мужа, поэтому вскоре оказалась на заднем плане, стала незаметным, но не заменимым персонажем в свите профессора, пока вовсе не исчезла со сцены. Такая расстановка фигур всегда удивляла и, должна признаться, несколько возмущала меня... Была ли эта женщина так глупа, что на протяжении всей жизни довольствовалась ролью служанки, равнодушной к трудам жившего рядом с ней человека, который произвел переворот в науке? Действительно ли, в соответствии с распространенным мнением, такое существование совершенно устраивало ее?.. Почему она согласилась уйти в тень, посвятить свою жизнь тому, чтобы быть служанкой мужа?» (с. 328–329).

Вокруг Фрейда ходит много небылиц, но то, что его жена была обыкновенной служанкой при муже, является чистой правдой. Поэтому делать из жены сподвижницу мужа на поприще психоанализа – вещь достаточно рискованная. Марта никогда не заглядывала в опусы мужа, и представить ее за чтением «Толкования сновидений» совершенно невозможно. Отсюда возникли явные натяжки и противоречия. События, описанные в романе, выглядят как-то уж очень неестественно, хотя автор пользуется дежурным набором фактов из жития святого, представленных в ложном свете. *«Я ничего не выдумала о семье Марты, об исторических событиях, на фоне которых происходила ее жизнь, ни о характере действующих лиц, ни об их внешности»* (с. 330), – пишет Николь Розен. Так-то оно так, только в целом написанный роман является полным абсурдом. Выбрав ошибочную исходную позицию, писательница-романистка вынуждена была постоянно противоречить себе. Чтобы продемонстрировать это, возьмем для примера взаимоотношения Марты со своей сестрой Минной и Фрейдом.

Искушенный читатель знает, что сестру подозревали в любовной связи с мужем Марты, но Розен решила отвести эти подозрения, компрометирующие «высокоморального ученого». В результате такой неуклюжей попытки у читателя возникли еще большие подозрения. Розен пишет:

«Минна, одиннадцать лет потерявшая жениха, осталась одна и жила с матерью [в родовом гнезде Бернайсов, расположенного в пригороде Гамбурга]. Она писала, что получила работу во Франкфурте [там, между прочим, в то время проживала близкая подруга Марты, Берта Паппенхейм], но не хочет браться за нее. Надоело ей и жизнь дома. Может быть, она могла бы приехать ко мне, чтобы помочь? Хотя бы на некоторое время. Это был крик о помощи.

– Ну конечно. Почему бы и нет? – ответил Зигмунд с энтузиазмом. – Ты так устала, она тебе будет полезна» (с. 59).

На то, чтобы так ответить, у Фрейда было по крайней мере три резона. Во-первых, он любил находиться в обществе Минны, во-вторых, ему до чертиков надоела домашняя скука, исходящая от жены, и, в-третьих, Фрейд опасался сближения Минны со старой подругой Марты, Бертой Паппенхейм. Далее Николь Розен пишет:

«Я [Марта] знала, что между Зигмундом и Минной возникла крепкая дружба, основанная, как сказал тогда мой муж, на их сходстве: обе были бунтарями, страстными натурами, оба интересовались историей человеческой мысли. Он тут же добавил, чтобы успокоить меня, что именно по этой причине брак между ними был бы невозможен... [Однако] Если он говорил о браке с Минной даже как о невозможном, значит, он думал о нём» (с. 60–61).

Словам Фрейда доверять нельзя – это еще тот лгунишка. А вот психологический фактор здесь действительно является решающим. «Страстные натуры» легко могут слиться в любовном экстазе. Ни тот, ни другой не были огорожены высокими моральными рамками, да и предмет их общего интереса располагал к плотской любви. Нет, Николь Розен сильно заблуждается, когда пишет, что между Зигмундом и Минной не могла проскочить опасная искра. Против этого говорят факты, первым из которых является странное расположение спальни сестры.

Николь Розен через письмо, написанное якобы рукой Марты, разъясняет:

«Когда она [Минна] переехала к нам в начале 1896 года, мы поселили ее в маленькой комнате, единственной свободной в то время. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через нашу спальню. Мне показалось, что и мне, и ей это причинит массу неудобств, но на самом деле это не смущало никого, кроме меня. Никто не чувствовал себя стесненным. И вот что самое странное: когда дети выросли, покинули наш дом и освободились другие комнаты, Минна в одной из них устроила себе гостиную, а сама по-прежнему спала в каморке рядом с нами. Она приехала на время, а осталась навсегда» (с. 62–63).

Розен забыла или не хотела сообщать хорошо известный факт: Фрейд с весны 1893 года спал один в комнате, без жены. О чём еще забыла сказать писательница? Может быть, уместно вспомнить, что отец Фрейда спал вместе со своей экономкой и одновременно воспитательницей маленького Зиги. Очевидно, так было заведено в роду Фрейдов. Трудно сомневаться в том, что родоначальник сексуальной теории, открыватель Эдипова комплекса не сумел объяснить свояченице ту нехитрую мысль, что удовлетворение половой потребности может происходить с кем угодно из близких. Марта, как и Берта, страдала дефицитом либидо, у Минны его было с избытком. Так почему бы здоровому и жизнелюбивому мужчине не удовлетворить свою могучую потенцию с сестрой жены?

Розен абсолютно верно передает факты:

«Зигмунд был рад присутствию Минны. Когда он видел ее, его взгляд светлел. За столом они заводили разговор, в котором я [Марта] не могла принять участие, – о работе, о научных исследованиях [в других местах Розен пишет, будто Марта пыталась во всё это вникнуть]. Они вместе смеялись над своими шутками. По вечерам, прежде чем отправиться в кабинет и сесть за работу, Зигмунд играл с Минной в карты. Он давал ей читать свои рукописи, просил их исправить. У меня было такое чувство, что меня вообще не существует» (с. 63–64).

Между этими очевидными знаками симпатии Розен пытается вставить свои слабые доводы вроде того, что

«Минна не могла вызвать никакого вожделения. Она не была ни соблазнительна, ни кокетлива! Лицо ее было одутловатым, а фигура грузной. Нет, если уж Зигмунд и мог испытывать какое-то желание к кому-то, кроме меня [Марты], то вокруг было столько молодых привлекательных женщин, готовых тут же свернуть с прямой дороги, если бы он только намекнул. Но Зигмунд был человеком безукоризненной нравственности. Он никогда бы не пошел на измену» (с. 64–65).

Святая наивность. Да Фрейд только тем и занимался, что предавал своих близких и некогда страстно любимых людей. Такова его конституция, иначе он и не жил. Говорить обратное, значит выказывать свое непонимание не только этой конкретной ситуации, но и жизненной психологии вообще. Марта словами Розен пишет, что *«Минна с первой встречи была влюблена в Зигмунда»* (с. 65). Это так же верно, как и то, что Зигмунд был по уши влюблен в Минну. Об этом в романе говорилось не раз и не два. Так что же мешало им совместно заниматься любовью, когда в доме всё было устроено именно так, чтобы только этим и заниматься? Неужели, всё держалось на «безукоризненной нравственности» родоначальника сексуальной концепции?

Нет, утверждает Николь Розен,

«Я [Марта] была частью его, а с Минной они были похожи, слишком похожи. Я была спокойной, она увлекающейся, я – мягкой, она порывистой. Но Зигмунду нравилось находиться в окружении преданных и любящих его женщин. Их никогда не было для него слишком много. Он был избалован матерью, страстно любящей его, и сестрами, которые его боготворили. [Причем тут всё это?]

Я понимаю, что пытаюсь убедить себя в том, что говорю, а в глубине души я не в чём не уверена. Теперь всё это меня больше не волнует, мне только странно, почему я не чувствовала ревности к Минне как к женщине. И у меня не возникало ни малейшего подозрения в неверности Зигмунда [очень сомнительное заявление]. А ведь что могло быть проще – изменить мне в какой-нибудь сельской гостинице, где они останавливались на отдых во время прогулок, или же на водах, куда Зигмунд постоянно сопровождал Минну. Невозможно объяснить почему, но я доверяла им. Я страдала от заброшенности, которую чувствовала, видя их духовную близость. Я ревновала сестру так же, как тогда, когда мать выбрала ее своей любимицей. Я завидовала тому месту, которое Минна заняла рядом с Зиги... Значительно позднее, когда между мной и мужем возникла пропасть, которую ничто не могла преодолеть, я никогда не жалела о том, что оставила Минну у нас [здесь всё решал Зигмунд, от Марты ничего не зависело]. В конце концов, я привыкла к этому положению вещей и даже признавала, что всё не так уж плохо. По крайней мере, я не была одна, рядом был человек, который рассказывал мне о том, о чем мой муж уже давно перестал говорить со мной» (с. 66–67).

Этот текст полон противоречий. Перед нами действительно роман, т.е. целиком выдуманная *love*-история, автор которой романтическая девушка, совершенно не ведающая, какие отношения устанавливаются между близкими по духу взрослыми мужчинами и женщинами, не страдающими импотенцией, которые, кроме того, по выходным вместе выезжают за город или на всё лето остаются наедине друг с другом в каком-нибудь заграничном санатории, а в оставшееся время живут и вдохновенно работают в одном доме, где их кровати отделены тонкой перегородкой. Пусть Николь Розен не понимает этих элементарных жизненных вещей. Но как она могла поставить перед собой задачу показать Марту активно интересующейся работой мужа? Это уже полный абсурд.

Другой автор, Пол Розен (Roazen), в книге «Фрейд и его последователи», переведенной с английского языка В. Старовойтовым и опубликованной в 2005 году в Издательстве Восточно-европейского института психоанализа (Санкт-Петербург) на странице 89 привел «план дома Фрейда, с описанием того, как он использовался в 1938 году» (рис. 1). На плане указана «спальня Фрейда», где он спал без Марты; рядом мы видим совершенно изолированную спальню Минны, куда можно было попасть только через спальню Фрейда (правая сторона дома с окнами, выходящими во внутренний двор). Спальня Анны Фрейд находилась по диагонали в противоположном углу дома. А где же спала Марта? Очевидно, чтобы не смущать читателей, Розен решил не указывать помещения, в котором проводила ночи Марта. Но мы без труда догадаемся, где оно находилось, если примем во внимание, что жена Фрейда занималась преимущественно приготовлением пищи для всего семейства. Чтобы приготовить на всех завтрак и накрыть стол в столовой, она должна была вставать рано утром, а до этого находиться где-то рядом с кухней, чтобы своей возней не разбудить спящих. На плане дома мы замечаем два помещения (напротив смотровой, если смотреть через вестибюль), в которых могла бы спать Марта. В любом случае, где бы ни находилась спальня жены, мы должны помнить, что она спала отдельно от мужа.

Пол Розен в четвертой главе «Семейная жизнь», касаясь интересующей нас темы, писал:

«... Сестра Марты, которая пришла в семью Фрейда в 1896 году в возрасте 31 года и оставалась в ней до самой своей смерти в 1941 году, была немаловажной фигурой в жизни Фрейда. Фрейд, Марта и «тетя Минна» сформировали знаменитый треугольник. Физически Минна Бернайс

Рис. 1.

была крупной и тяжелой, намного больше походившей на властную мать Фрейда, чем его жена; подобно Амалии Фрейд, Минна носила на голове маленький старомодный чепец. Сестры Марта и Минна были очень близки друг другу – как это выразил один из его учеников, эмоционально они были «сиамскими близнецами» (с. 88).

Как видим, портреты нарисованные Николь Розен и Полом Розен заметно различаются: первая говорила о противоположности характеров двух сестер, второй указывает на их схожесть. Истина, скорее, на стороне Николь Розен, хотя и Пол Розен вовремя напоминает слова Фрейда, который однажды заявил, что Марта и Шёнберг (жених Минны) – «вполне хорошие люди», а Минна и он – *«необузданно страстные и не столь хорошие: первых вполне устраивают общепринятые нормы жизни, вторые хотели следовать своим собственным путем»* (цитируется по русскому переводу книги Джонса, 1997 года, с. 100; в книге Пола Розена ссылка на Джонса дается на с. 90). После этих слов Пол Розен замечает: *«Можно предположить, что Фрейд хотел объяснить, почему он был помолвлен с Мартой, а Минна со своим женихом, – по контрасту натур. Но на основании такой характеристики может быть построена абсолютно иная (пророческая) конструкция»*. Этот камень полетел в огород Николь Розен. В самом деле, разве мало браков, построенных на сродстве характеров? Внешняя схожесть свояченицы с матерью Фрейда, добавляет лишнюю гирьку на чашу весов большей любви Зигмунда к Минне, чем к Марте.

Джонс в начале второго тома писал, что Фрейд в годы своей изоляции обсуждал «новые открытия» только с Минной и Вильгельмом Флиссом. Об этом вспомнил и Пол Розен, добавив перед этим, что

«Минна, намного более образованная, чем Марта, легко читала книги на иностранных языках и вообще была очень начитанной, она стала реальной помощницей Фрейду в работе» (с. 91) и т.д.

Как и в случае с Николь Розен, Пол Розен часто пускается в умозрительные предположения. А что, собственно, остается делать, когда факты покрыты густым туманом? Добавьте к этому, что все без исключения биографы давали завышенную оценку моральным качествам отца-основателя психоанализа, хотя имеющиеся факты говорят об обратном. Вот и Пол Розен написал, что *«Фрейд, по-видимому, испытал расщепление в своей любовной жизни, его сексуальность оставалась с Мартой, а его духовное увлечение перешло на Минну»* (с. 91).

И откуда взялось это предположение? Всё говорит о противоположной диспозиции. Правда, тут же Розен пытается восстановить свое пошатнувшееся имя честного биографа.

«Насколько нам известно, – пишет он, – для Фрейда было несколько затруднительно сохранять свою сексуальность под контролем в контактах со многими своими женщинами-последовательницами» (с. 91). В примечании Розен разъясняет, что он имеет в виду: «Хичманн однажды наблюдал эрекцию, видную через брюки Фрейда, после нахождения Фрейда в течение часа в обществе привлекательной женщины» (с. 593).

Чуть выше Розен воспроизвел существенную деталь своего интервью с Евой Розенфельд (1966), которой Фрейд говорил: *«Итак, вы верите в мою знаменитую любовную связь с Минной»*. Когда та *«отреклась от этой мысли, Фрейд выглядел несколько раздраженным, оскорбленным как по поводу Минны, так и себя самого»* (с. 91).

Отец-основатель думал как убежденный психологист, но жил в строгом соответствии со своими здоровыми физиологическими потребностями, которые, если не каждый день, то, по крайней мере, через два–три дня, давали о себе знать. Фрейдовское нетерпение и, как выразилась Анна-Берта, его «наглость» вполне могли способствовать тому, чтобы его сексуальный голод был немедленно утолен. Кто больше подходил для улаживания восставшей плоти – холодная Марта или горячая Минна, женщина, которая его во всем понимала, или женщина, духовно чуждая ему? Ответ очевиден. Вопрос, почему Фрейд не бросил окончательно Марту и не женился вторично на ее сестре, тут же влечет короткий встречный вопрос: «А зачем?» Всех всё устраивало.

Если для характеристики натуры Фрейда будет разрешено использовать только три слова, то следует назвать слово Анны-Берты *наглость*, затем, само собой разумеющееся слово *лживость* и, наконец, *безжалостность*. Последнее качество делало Фрейда по-настоящему опасным для окружающих. В моих книгах и статьях немало было сказано об этой выдающейся

черте его характера, которая проявилась, в частности, в связи с трагической судьбой Эрнста Флейшля. Но когда мы читаем книгу Пола Розена мы в деталях узнаем о другой несчастной жизни – Виктора Тауска, покончившего с собой. Джонс только мельком упомянул это имя, когда подробно рассказывал об Адлере и Штекеле. Розен поясняет, что в наглухо закрытом сообществе психоаналитиков на это имя было наложено своеобразное табу. Один этот факт говорит нам о том, что к смерти Тауска был причастен Фрейд. Правда, его иезуитское воздействие во многом осуществлялось посредством двух роковых женщин – Лу Андреас-Саломе и Хелен Дойч. Психоанализ – это выяснение любовных отношений между людьми. Возле Фрейда находились только те женщины, к которым он испытывал сексуальное влечение (женский ум он ценил чрезвычайно низко). Если в его окружении между какими-то женщинами и мужчинами возникала любовная связь, то отец-основатель сексуальной секты испытывал бешенную ревность, которая оканчивалась страшным наказанием соперника.

О Тауске уже немного рассказывалось в книге «Правда о Фрейде и психоанализе» (глава 29 «[Фрейд как соблазнитель женщин](#)»), но в пересказе Лучано Мекаччи, который в изложении этой печальной истории во многом опирался на исследования, проведенные Полом Розеном. У последнего имеется целая книга под названием «Братец-зверь: история Фрейда и Тауска». Однако в биографии «Фрейд и его последователи» автор прекрасно продемонстрировал свой подход к сложнейшей ситуации и моральную оценку событий. Свой рассказ об интересующих нас сейчас мужчинах и женщинах Пол Розен начинает так:

«Виктор Тауск (1879–1919) был одним из наиболее талантливых среди первых сторонников Фрейда... Своим местом в истории психоанализа Тауск прежде всего обязан тому, что был одним из любовников Лу Андреас-Саломе (1861–1937). У них была короткая любовная связь в Вене, когда Лу останавливалась там в 1912–1913 годах. Предположительно, что за много лет до этого ей делал предложение Ницше, а позже она находилась в интимных отношениях с Рильке» (с. 342).

Далее автор касается указанного периода времени:

«В 1912 году Лу отнесла Виктора Тауска к «самым выдающимся» среди учеников Фрейда и начала активно пытаться его соблазнить. Тауск был красивым мужчиной, голубоглазым блондином с пышными усами. Он был также на 18 лет ее моложе. В период 1912–1913 годов Фрейд, Лу и Тауск образовали треугольник, и от этого единения каждый из них получал определенную выгоду. Часто эти двое мужчин существовали в жизни Лу одновременно. Фрейду такое положение приносило как фрустрацию, так и удовлетворение. Он ревниво относился к тому, что у Тауска с Лу любовный роман. Тауск был моложе, с большей потенцией и в целом физически более сильным мужчиной. С другой стороны, Лу могла сообщать Фрейду информацию о Тауске, что помогло держать этого потенциально трудного ученика под контролем. Для обоих мужчин она была буфером» (с. 345).

История первых лет существования психоанализа – это история любовных игр Фрейда. Его позиция была во многом выигрышной благодаря немалым деньгам и богатому дому, что, несомненно, привлекало женщин.

«После окончания войны, – пишет Розен, – Тауск вернулся в Вену, чтобы возобновить практику. Однако в Вене царил экономический хаос. Тауску было в то время около сорока лет, а ему всё еще приходилось жить подобно нищему студенту, в то же время оказывать помощь своей семье. Он оставался зависимым от личного расположения и одобрения Фрейда. Многие его друзья и коллеги находились в таком же положении, однако большинство из них не были столь уязвимы». Далее Фрейд «посоветовал Тауску начать анализ у психиатра Хелен Дойч, которая была более чем на пять лет моложе Тауска и которую Фрейд сам начал анализировать чуть ранее, этой же осенью... То, что Тауска направили к Хелен Дойч, было лестным для нее, но страшным оскорблением для Тауска... Тауск проглотил обиду и начал анализ с Хелен Дойч; она могла быть мостом между ними и Фрейдом. Шесть дней в неделю он мог лежать на аналитической кушетке, зная, что она столь же часто лежит на кушетке у Фрейда. Через нее он мог анализироваться Фрейдом. В то же самое время он вновь восстанавливал треугольник взаимоотношений, обеспечивающий ему связь с Фрейдом через женщину. Повторилась почти та же самая история, как с Лу; снова привлекательная женщина стала связующим звеном между двумя мужчинами» (с. 348–349).

Получалось так, что Тауск жаловался Дойч на Фрейда, а та в сеансах с ним рассказывала всё, что ей говорил Тауск. В конце концов, Фрейду всё это надоело, и весной 1919 года он поставил Дойч перед выбором: либо она останется с ним и отвергнет Тауска, либо он отвергнет

их обоих. Дойч, естественно, отвергла Тауска. Не выдержав этого унижения и перед лицом наступающей нищеты 3 июля 1919 года Тауск *«обвязал шнур от занавесок вокруг своей шеи, приставил свой армейский пистолет к правому виску и нажал курок. Помимо того, что у него отлетела часть головы, он задушил себя во время падения»* (с. 351).

Фрейд написал лицемерный некролог, где говорилось: *«Никто не мог избежать впечатления, что это значительный человек»* и *«что его имя будет с почтением вспоминать в связи с историей психоанализа и первыми сражениями в этой области»* (с. 342). Но в письме к Лу он написал: *«Я сознаюсь, что на самом деле не скорблю о его утрате; я давно уже считал его бесполезным, и даже представляющим угрозу для будущего»* (с. 351). После этого откровения Розен делает следующий вывод: *«Фрейд был как всегда честен, говоря о своих чувствах, и смел в описании некоторых своих самых плохих качеств – которые и сделали его позицию столь уязвимой для критики»* (с. 351).

В чём заключается его «честность» и «смелость»? В том, что он сказал своей сообщнице в деле расправы над Тауском то, что она и без его признания отлично знала? Автор биографии злодея не хочет признаваться, что исследовал жизнь злодея. Розен так и не понял, что психоанализ в руках Фрейда не был никакой наукой, а только способом личного выживания. *«Отвержение Фрейда, – пишет Розен, – было столь личным, что было трудно объяснить его с научной точки зрения»* (с. 350). Да и не нужно пытаться найти в поступках злодея какие-то научные соображения. Их никогда не было у отца-основателя мошеннического учения даже в период его юношеских мечтаний, когда он был никем; тем более они отсутствовали, когда он встал во главе психоаналитической школы.

В отношении Берты Паппенхейм и Йозефа Брейера Пол Розен не сказал ничего любопытного. Единственное, что привлекло мое внимание, так это приведенные слова недоумения, произнесенные Джеймсом Стрейчи. Прежде чем их приводить, напомним, что в пунктах XVIII–XX статьи «Анна О. – первая пациентка Фрейда» говорилось, как пионер психоанализа во многих местах «Теоретической части» книги «Исследование истерии», написанной Брейером, наряду с грубыми искажениями текста вставил собственной рукой ссылки на самого себя, говорившие о том, какой он замечательный ученый. В 1914 году в работе «Об истории психоаналитического движения» Фрейд напомнил об этих своих фальшивых ссылках следующим образом:

«Брейер при всяком упоминании о конверсии в своем теоретическом очерке ставит в скобках мое имя [на самом деле есть только одна сноска на Фрейда], как будто эта первая попытка теоретического обоснования [истерии] была исключительно моим научным открытием. Я думаю, что эта ссылка имеет отношение к терминологии, тогда как теоретическое понимание конверсии одинаково выяснилось для нас обоих».

В связи с этим пассажем Пол Розен пишет:

«В 1914 году Фрейд лез из кожи вон, чтобы выразить свою благодарность за то, что между ними никогда не было ссор относительно приоритета в научном открытии. Например, в их совместной работе была введена концепция «конверсии»...»

Далее Розен приводит процитированное мною место из работы Фрейда 1914 года, после чего продолжает:

«Однако редактор и переводчик Фрейда Джеймс Стрейчи считает, что здесь имеет место некая ошибка. В своей части работы Брейер использует термин «конверсия» (или его дериваты) по крайней мере 15 раз. Но лишь однажды (в первом случае...) он добавляет имя Фрейд в скобках» (с. 106).

Отсюда мы видим, что редактор даже не подозревал, на какую низость готов был автор, труды которого он издавал.

Розен добавляет, что ненависть Фрейда по отношению к Брейеру была настолько сильной, что

«выражение этой ненависти не пропускалось в печать редакторами». «Невестка Брейера вспоминает, – пишет Пол Розен, – как однажды она шла по улице со своим стариком свекром; внезапно он увидел Фрейда, идущего прямо им навстречу, и Брейер инстинктивно раскрыл руки в дружеском

жесте. Фрейд прошел мимо, притворившись, что не заметил его, что дает некоторое представление о том, сколь глубокую душевную рану должен был нанести ему этот разрыв» (с. 108).

Об этом вопиющем факте говорил и Пол Феррис (см.: главу 14 «[Друг-враг Брейер](#)» книги «Правда о Фрейде и психоанализе»). И вот после этого нам подсовывают некролог, сочиненный Фрейдом на смерть Брейера, где мы читаем уйму проникновенных слов, написанных во славу усопшего. Чтобы иметь право подобное писать об умершем человеке, надо при его жизни относиться к нему с искренним почитанием.

Вот, пожалуй, и всё, что мне хотелось сказать в отношении фрейдистской тематики накануне 2007 года. Поздравляю вас, дорогие мои читатели, с наступающим Новым годом!

Острые Иглы

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/markish.htm>

Предисловие

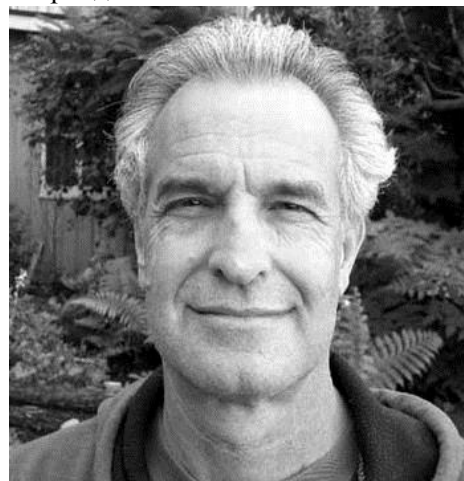
Эссе отца Макария «Острые Иглы» во многом опирается на книгу Дж.М. Мэссона «Посвягательство на правду» (*The Assault on Truth*), впервые увидевшую свет в 1984 году. Параллельно с этой книгой автор трудился над изданием 284-х писем Фрейда, адресованных его другу периода 1887–1902 годов Вильгельму Флиссу (все ответные письма Флисса были уничтожены Фрейдом). После этих двух публикаций состоялось многолетнее судебное разбирательство, возникшее главным образом по причине подрыва авторитета основоположника современной психиатрии. В результате скандала Международная Психоаналитическая Ассоциация наложила запрет, действующий до начала XXII столетия, на публикацию архивных документов, связанных с Фрейдом.

Молодой Джеффри Мэссон (Jeffrey Masson) после окончания Гарвардского университета и защиты докторской диссертации с 1970 по 1980 гг. работал в качестве специалиста по санскриту в университете Торонто. В этом же городе пытливым ученым-лингвистом изучал и проходил необходимую врачебную практику в Институте Психоанализа. В 1978 году его приняли в Международную Психоаналитическую Ассоциацию, и он начал практиковать как частный врач-психоаналитик в Торонто и Беркли (Калифорния), где он тогда жил. Вскоре ему был доверен архив Зигмунда Фрейда и переданы авторские права на публикацию архивных документов. Такое успешное продвижение внутри *закрытого* (чтобы не сказать, *тайного*) психоаналитического сообщества объясняется еще и тем, что у даровитого и трудолюбивого Мэссона сложились доверительные отношения с дочерью отца-основателя, Анной Фрейд.

Под давлением открывшихся новых фактов взгляды Мэссона на Фрейда и психоанализ радикально трансформируются. Отец Макарий об этих фактах рассказывает более ярко и выпукло, поэтому я не стану их пересказывать. Замечу лишь, что в центре внимания книги Мэссона и соответственно эссе Макария оказалась одна из несчастных пациенток Фрейда, а потом и Флисса, *Эмма Экиштейн (Красная Эмма)* – анархистка-социалистка, родом из России, но затем проживавшая в Соединенных Штатах. Эпизод с ней я кратко пересказывал в [девятой главе](#) книги «Психология познания» (2004). В «Острые Иглы» эти же самые события представлены в более художественной форме. Литературное мастерство автора позволяет читателю лучше разглядеть дно души родоначальника психоанализа.

Иеромонах Макарий

Джеффри Мэссон

* * *

Научные изыскания Мэссона не закончились на книге «Посвягательство на правду». В 1988 году он публикует под задиристым названием «Против терапии» (*Against Therapy*) свою вторую

книгу, наделавшую не меньше шума, чем первая. Напомню, что упомянутая выше судебная тяжба шла до 1991 года, так что новая публикация только подлила масло в огонь уже полыхающего конфликта.

Вторая книга, переизданная в обновленном виде в 1994 году, состоит из восьми глав. После первой вступительной, идет глава «Дора и Фрейд». В ней автор рассказывает о скандальном случае с 18-летней пациенткой, настоящее имя которой *Ида Бауэр* (*Ida Bauer*, 1882–1945); она сестра лидера социал-демократической партии Австрии, Отто Бауэра (1882–1938). О ней я писал в конце упоминавшейся главы 9.

Фрейд на примере Доры пытался доказать, что мотивацией для всех истерических реакций служит *психические* состояния больных, а не какие-то там органические изменения, например, невралгия лицевого нерва, которой на самом деле страдала пациентка. Венский доктор разъяснил, что болезненные симптомы развились у нее потому, что отца неудержимо влекло к *Frau K.*, в то время как *Herr K* ухаживал за Дорой и делал ей всяческие «оскорбительные намеки». У девушки появилась депрессия и раздражительность, что, впрочем, является обычным делом для 14-летнего девочки-подростка. Фрейд же решил, что с этих симптомов началось психическое расстройство пациентки.

Ида и Отто Бауэр в возрасте шести лет; она станет фрейдовской пациенткой Дорой, он – лидером австрийских социал-демократов

Для *Herr K* дело кончилось звонкой пощечиной, нанесенной Дорой. Но этот удар каким-то странным психоаналитическим аллюром скрикошетил на ее собственную щеку и дал о себе знать в виде мучительной боли лицевого нерва. Фрейд разъяснил данный медицинский факт таким образом, что Дора недооценила серьезности намерений *Herr K*; подсознательно она желала с ним соединиться, но вместо этого она оттолкнула его и теперь тайное *бессознательное* мстит ей за сексуальную трусость. Эту нелепую интерпретацию вполне можно поставить рядом с ранее упоминавшимся толкованием случая с Эммой Экштейн.

Относительно интерпретации поведения Доры Мэссон заметил:

«Фрейд слишком упрощал ее глубокие переживания и демонстрировал полную неспособность понять ее в поиске правды. Не то, чтобы он отрицал факт «соблазнения», но он, путем своей «интерпретации», лишил его всякого значения, придавая ему совершенно другой смысл. Он рассматривал ее как пациентку, а не как человека. Фрейду не приходило в голову, что Дора могла быть обеспокоена внешними обстоятельствами... Фрейд полагал, что она была просто введена в заблуждение... Такое «объяснение» игнорировало более простое и вместе с тем более глубокое содержание: Дора была очень несчастна. Удивительно, собственное восприятие Доры и ее инстинктивная реакция на окружающую обстановку были зачастую более проницательны, чем интерпретации Фрейда» [1, ¹ с. 97].

В самом деле, отец-основатель психоанализа обладал удивительной способностью извращать жизненные ситуации – кого бы это ни касалось: Доры, Эммы или знаменитой пациентки Анны О. И вот, эти его сексуальные искажения многими психотерапевтами стали восприниматься как некие откровения, вынутые из тайников человеческой психики: «Мол, никто из нас о них ничего не знает, только всевидящее око венского врача обнаружило, что миром правит половой инстинкт». Ровно такая же ситуация наивного доверия сложилась и в современной физике: «Квантовую механику и теорию относительности никто не понимает, но великие умы прошлого века объявили их лучшими из всех возможных физических теорий».

В конце второй главы Мэссон дал свою интерпретацию случая с Дорой, которая радикально отличается от интерпретации Фрейда. Дора, по его мнению, страдала от внешних обстоятельств жизни, а не от своих внутренних фантазий. Мэссон указал также, что Фрейд шел в одном фарватере с Флиссом, который в 1897 году сказал так:

«Среди болей, которые происходят от мастурбации, я хотел бы подчеркнуть одну по причине ее важности: невралгическая боль живота... Известно, что желудочные боли происходят особенно часто у тех, кто занимается мастурбацией» [1, с. 105].

¹ Masson J.M. *Against Therapy*. New York : Atheneum, 1988.

К сожалению, не только Фрейд и Флисс думали таким извращенным образом, многие другие врачи того времени признавали подобные причинно-следственные детерминации. Так, в *примечании* 16 Мэссон упомянул о докторе *Пуиллете (Pouillet)*, который, нисколько не смущаясь, рассуждал о результатах, появившихся у пациентки после хирургического удаления клитора.

* * *

Третью главу книги «Против терапии» Мэссон посвятил Шандору Ференци. Отец Макарий тоже отвел немало ему места; пусть наш читатель ознакомится с этой печальной историей по эссе «Острые Иглы»; я лишь дополню рассказ автора материалом, изложенным Мэссоном во второй книге.

В ней приводятся дневниковые записи, сделанные Ференци 27 июля 1932 года, где самокритично повествуется, как врач-психоаналитик в притворно дружелюбной манере, картинно потягивая трубку, приветствует больного. Затем он усаживается в мягкое кресло и... Вы подумали, что он стал выслушивать пациента? Ничуть не бывало. Он начинает усиленно бороться со своей скукой и сном, так как в действительности ему нет никакого дела до проблем пациента. Полюбуйтесь, говорит Ференци, сколько здесь эгоизма и лицемерия.

Шандор Ференци²

В дневниковой записи от 17 августа он признается в своей собственной черствости к пациентке, которая только что побывала у него на сеансе. Женщина рассказывала ему о том, как тяжела ее сегодняшняя жизнь, какая трагедия случилась с ней в десятилетнем возрасте. А что сделал в ответ на это врач-психоаналитик? Ференци рассказал, как он неожиданно вскочил и отпустил в ее адрес жутко неуместное саркастическое замечание. Далее он пустился безудержно фантазировать по поводу кровосмешения и других психоаналитических выдумок. В общем, констатирует Ференци, любой врач рассчитывает получить от пациентов нечто такое, на что они никогда не идут. Реальность намного богаче, чем это было предусмотрено фрейдовским учением; жизнь не укладывается в заранее очерченные рамки.

Потом Ференци узнал, что после его сеанса терапии эта женщина испытала сильнейший приступ депрессии. Ему стало ясно, что причиной ее подавленного состояния был только он, врач, который обязан был ей помочь. Именно сами психоаналитики нередко являются источниками новых психологических травм. Ференци, наконец, услышал бедную женщину и ее сложнейшие проблемы. Он догадался, что пациент привязывается к врачу, как ребенок привязывается к своим родителям, и не может уйти от него. Но из-за неумелых действий врача пациент вновь погружается в травматическую ситуацию, которую уже когда-то в детстве пережил.

Вспомним, в том же эпизоде с Дорой Фрейд боялся услышать слово «нет». Он слушал только самого себя и навязывал пациенту свое видение ситуации. Мэссон говорит, что всякий врач-психотерапевт ведет себя с пациентом как отец с дочерью. Всякое несогласие он воспринимает, как *сопротивление* его добрым намерениям.

Мэссон пишет: если Адлер, Штекель, Юнг и Ранк пытались радикально изменить теоретическую базу психоанализа, то Ференци на первый взгляд хотел немногого – всего лишь слегка трансформировать традиционную терапевтическую методику, сделав должный акцент на пациенте. Однако это понимание анализа оказалось более принципиальным, чем концептуальные построения его коллег, отошедших от Фрейда.

Получилось так, что для беседы с пациентом все теоретические нагромождения не так уж и важны; пациенты больше всего нуждаются в сочувствии, которого не было у Фрейда и его последователей. В итоге Ференци приходит к парадоксальному выводу: нужно предоставить больному право анализировать врача и наладить полноценный обмен мнениями в обоих направлениях.

² В.Э.: Из Википедии: «**Шándор Фéренци** (венг. *Ferenczi Sándor*, настоящая фамилия **Френкель**; 16 июля, 1873, Мишкольц – 22 мая, 1933, Будапешт) – венгерский психоаналитик, один из наиболее заметных единомышленников З. Фрейда в 1908-24 гг., основатель Венгерского психоаналитического общества (1913), создатель учения об интроекции (1909). Родился в городе Мишкольце в еврейской семье из западной Галиции. С 1900 года занимался частной неврологической практикой. К моменту знакомства с Фрейдом (1908) уже опубликовал не менее 30 работ. Сопровождал Фрейда во многочисленных рабочих поездках, стал членом внутреннего психоаналитического круга. В 1919 году при поддержке Белы Куна организовал в Будапештском университете кафедру психоанализа».

Впервые эта крамольная идея была зафиксирована в дневниковой записи Ференци от 17 января 1932 года в отношении некой пациентки R.N. Из записи от 5 мая мы узнаем, что эту R.N. Ференци анализировал в течение нескольких лет, причем сеансы психотерапии происходили не только в его кабинете, но и у нее дома или в ее офисе. Насколько нова была эта идея?

Известно, что с самого начала в рамках психоаналитического сообщества не было жестких границ между пациентом и врачом: каждый пытался интерпретировать поступки любого человека, попавшего в его сферу внимания. Однако в рассуждениях Ференци прозвучали нотки, которых, кажется, не было в прежних отношениях. Всегда мы видели игру в одни ворота. Верно, что игроки менялись местами, но при этом «врач» неизменно возвышался над «больным». В методике Ференци не было никакой притворной игры. Он позволил R.N. реально атаковать его.

Ференци на собственной шкуре испытал черствость своего учителя и наблюдал его всевластие над пациентом, так что толчком к его идее модернизации психоанализа, как и в случае с Адлером, послужило многолетнее давление надменной натуры учителя. Ференци видел преступное равнодушие своих коллег, которые тоже ставили себя выше больных. Об этом как-то особенно выразительно Ференци написал 18 мая 1932 года в своем дневнике.

И всё же нововведения Ференци мне не кажутся столь уж радикальными, как это изображает Мэссон. Всё, что он предложил, автоматически вытекает из добрых отношений между врачом и пациентом. Я думаю, что идея Ференци сделалась для него открытием только потому, что в суровой школе Фрейда господствовала недоброжелательная атмосфера взаимной подозрительности, зависти и стяжательства. Естественно, что проявление человеческих качеств насторожило учителя.

По всей видимости, истина заключается несколько в другом. Находясь на службе и содержании у Фрейда, Ференци витал в облаках. Например, его совсем не интересовали проблемы оплаты труда. Такого идеализма Фрейд не мог бы себе позволить. Поэтому он отвергал всякую взаимность. Когда врач и пациент беседуют на равных, между ними исчезают всякие трудовые обязательства. Фрейд следовал жесткому временному режиму: прошел час – конец сеансу, заплати. Ференци же забыл про часы: беспечная беседа протекала у него до тех пор, пока не заканчивалась сама собой.

Мэссон отыскал словцо, которое можно перевести как *отбросы общества* [1, с. 129] и решил, что здесь сидит корень зла. Этим термином Фрейд однажды наградил своих пациентов; он рассматривал их как эмпирический материал для подтверждения своих теоретических фантазий – только это ведь еще не вся правда. Ференци никогда бы не построил самодостаточную систему, включая финансово-экономический аспект, которую построил Фрейд и которая работает в наши дни как хорошо отлаженный часовой механизм. Нужно признать, что такой паразитической живучестью обладают очень немногие социальные институты.

* * *

Четвертая глава книги Мэссона называется «Юнг в кругу нацистов». Здесь автор пытается показать, что психоанализ, по крайней мере, в юнговской трактовке, вполне естественно уживается с человеконенавистнической идеологией. Однако было бы не правильно думать, что аналитическая психотерапия внутренне жестко связана с идеологией фашизма. То, что Карл Густав Юнг (1875–1961) сотрудничал с нацистами, является всего лишь прискорбным фактом его личной биографии. Да, он отождествлял коллективное бессознательное с тем, что нацисты именовали «духом нации». Однако здесь отсутствует какая-либо прямая связь с юнговской техникой терапии душевнобольных.

Мэссон предупредил своего читателя, что существуют глубокие исследования по взаимоотношению европейских психиатров с гитлеровским режимом. В частности, имеется книга Джеффри Кокса «Психотерапия в Третьем Рейхе: Герингский Институт» [2]³, где рассматриваемая тема раскрывается во всех деталях. Но Мэссон заострил внимание лишь на тех пунктах, которые касались лично Юнга. Он напомнил, что в 1930 году Международное Медицинское Общество Психотерапии возглавил Эрнст Кречмер, Юнг сделался его заместителем. А через три года нацисты провозгласили, что подобные общества должны придерживаться нацистской идеологии. Кречмер покинул свой пост, Юнг занял его место.

³ Cocks G. *Psychotherapy in the Third Reich: The Goring Institute* / New York: Oxford University Press, 1985.

Немецкое отделение этой международной структуры возглавил Маттиас Геринг, кузен небезызвестного Генриха Геринга (в то время прусский премьер-министр). Юнг возглавил редакцию «Центрального психотерапевтического журнала», в декабрьском номере которого на самой первой страницы был опубликован призыв Генриха Геринга ко всем членам Общества внимательно изучить книгу Адольфа Гитлера «*Mein Kampf*» и взять ее в качестве основы для своей научно-практической работы. В частности, в первом номере реорганизованного журнала Геринг писал:

«Общество имеет своей задачей объединение всех германских медиков под эгидой национал-социалистского руководства... в особенности тех медиков, которые пожелают развивать психиатрию на основе принципов мировоззрения национал-социализма» [3,⁴ с. 573].

Карл Юнг

Где существовал нацизм, там возникала еврейская проблема. По своей природе Юнг не был антисемитом, но, как говорится, положение обязывало. В первом номере в своем вступительном слове в качестве главного редактора журнала он сказал:

«Различия, которые фактически существуют между германской и *еврейской* психологией, давно известные каждому интеллектуалу, больше не должны замалчиваться, и это только послужит на пользу науки» [1, с. 136].

Замечу попутно, что в источнике [3] эта ключевая фраза переведена неправильно, а именно:

«Если мы не будем больше замазывать реальные и хорошо известные различия между германской и *европейской* [?] психологией, это только послужит на пользу науке» [3, с. 578].

Мэссон пользовался надежным источником [4], в котором эта фраза выглядит так:

«The differences which actually do exist between Germanic and Jewish psychology and which have long been known to every intelligent person are no longer to be glossed over, and this can only be beneficial to science» [4,⁵ с. 533].

Во втором номере журнала в статье «Нынешняя ситуация в психотерапии» Юнг обрушился на Фрейда, в частности, на его теорию детского невроза. Попутно он громил «еврейскую теорию» Адлера о влечении к власти. Разумеется, Мэссону такая позиция Юнга очень не понравилась. Однако посмотрим, о чем, в сущности, он говорил. С этой целью обратимся к книге Франца Александера и Шелтона Селесника, которых никак не заподозришь в симпатиях к швейцарскому аналитику. Они пишут:

«Сравнивая собственную идею о первенстве творческого аспекта бессознательного содержания с гедонистскими взглядами Фрейда (принцип удовольствия), он [Юнг] обвиняет Фрейда и Адлера в том, что те видят лишь теневые стороны человеческой натуры. Он приписал популярность среди врачей лечебного метода Фрейда тому, что психоаналитик недооценивает личность пациента и, таким образом, «*бьет пациента в самое больное место и быстро и дешево добивается превосходства... Но есть люди действительно порядочные, не обманщики, не склонные пользоваться идеалами и ценностями других для приукрашивания собственной неполноценной личности. Лечить таких людей редуktивным методом, приписывая им какие-то скрытые мотивы, подозревать наличие за их природной чистотой какой-то грязи не только греховно и глупо, но и преступно*»» [3, с. 579].

⁴ Александер Ф., Селесник Ш. *Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней*. – М.: Прогресс – Культура, 1995.

⁵ *Gesammelte Werke*, Vol. 10, *Zivilisation im Uebergang*, ed. by Lilly Jung-Merker and Elisabeth Ruf (Ölten: Walter-Verlag, 1974).

Не об этом ли писал в своем дневнике Шандор Ференци в последние годы своей жизни? Нет, не всё так просто, как это представляется Мэссону. Человек противоречив, тем более такой, как Юнг. Известно, что он изводил себя медитациями, пока в его комнату не входила *Анима*, мировая душа в виде обнаженной женщины. Однако тот же Юнг самыми рациональными доводами громил нумерологические и каббалистические построения своего учителя. Верно, что наедине с самим собой он был крайне религиозен, но в обществе он говорил и вел себя как циничный прагматик.

Мэссон отыскал слова, где Юнг пренебрежительно отозвался о людях с темной кожей и с симпатией о колониализме [1, с. 156]. Но что-то подсказывает мне, что они не отражали его внутренних убеждений. Просто в то время были «модны» именно расистские взгляды. В мыслях и поступках Юнга было много противоречивого. Не будучи антисемитом, он тем не менее написал такие обидные слова, которые навсегда оскорбили евреев-аналитиков и отвратили их принять юнгианство как метафизику и психотерапевтическую практику. Вот тот отрывок, который Мэссон на нескольких страницах тщательно препарирует:

«Евреям свойственна одна черта, характерная для женского мышления, – как физически более слабые, они находят наиболее уязвимое место в защите оппонента и целятся именно в него. Благодаря этой технике, выработанной в течение столетий, евреи лучше защищены там, где другие беззащитны... Благодаря своей древней культуре, они способны совершенно сознательно и в окружении даже вполне дружеском и терпимом потворствовать своим порокам, в то время как мы еще слишком молодая культура, чтобы не иметь «иллюзий» о себе...

Еврей, культурный кочевник, так и не создал своего собственного культурного стиля и, возможно, никогда не создаст, ибо все его инстинкты и таланты зависят от уровня цивилизации нации, принявшей его. Арийское бессознательное содержание имеет более высокий потенциал, нежели еврейское; это и преимущество, и недостаток молодости, которая пока еще ближе к варварству... Неосознаваемое у арийца содержит напряжения и творческие элементы, которые смогут быть реализованы в будущем. Весьма опасно и непозволительно обесценивать эти творческие силы, считая их детским романтизмом...

По моему мнению, нынешняя медицинская психология делает ошибку, невольно применяя еврейские категории, которые, кстати, применимы не ко всем евреям, к германским народам и христианским славянам. Самый ценный секрет германской личности – ее творческая душа, полная интуиции, – был объявлен банальным детским лепетом. В то же время мой предостерегающий голос подозревают в антисемитизме. Это подозрение началось с Фрейда. Он знал о германской душе так же мало, как и его германские обожатели.

Научились ли они чему-нибудь с появлением на мировой сцене национал-социализма, на который весь мир смотрит удивленными глазами: где же были тот порыв и стремительная наступательная сила до того, как родился национал-социализм? Они были спрятаны в немецкой душе, в самых ее глубинах. И душа эта есть что угодно, только не вместилище детских желаний или нерешенных семейных конфликтов. Движение, захватившее всю нацию целиком, должно было взрасти в каждом человеке» [1,⁶ с. 141–146; 3,⁷ с. 579–580].

Такая позиция Юнга получила резкое осуждение со стороны прежде всего его соотечественника, швейцарского психиатра и психоаналитика Густава Бэлли (Gustav Bally), прозвучавшее в феврале 1934 года. Он писал, что по вине Юнга наука попала в цепкие лапы нацистской идеологии и тем самым лишилась главного – своей объективности. В трех публичных выступлениях на Первом международном конгрессе психотерапевтов, проходившем в середине марта, и особенно в кулуарных беседах Юнг пытался оправдаться перед своими коллегами. Он говорил, что был не в силах предотвратить публикацию политико-идеологических воззваний, вроде геринговского, и что помимо его воли его фамилия появилась на манифесте национал-социалистов.

Он искал доводы, обеляющие его позицию:

«Медицина не имеет никакого отношения к политике..., поэтому она может и должна реализовать себя с пользой для общества, какое бы правительство его не возглавляло... Врач, который в военное время оказывает помощь раненому другой страны, не может считаться предателем своей страны» [1, с. 137].

⁶ Masson J.M. *Against Therapy*. New York : Atheneum, 1988.

⁷ Александер Ф., Селесник Ш. *Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней*. – М.: Прогресс – Культура, 1995.

Но разве могут эти жалкие слова перечеркнуть ранее им сказанное в отношении еврейской и арийской нации? Дело усугублялось еще и тем, что впоследствии подпись Юнга автоматически появлялась на многих «медицинских» документах гитлеровского периода, в том числе таких, которые были так или иначе связаны с истреблением «неполноценных рас».

Мэссон скрупулезно разбирает разгоревшуюся в 1934 году научно-идеологическую полемику, в частности, он анализирует доводы Эрнеста Хармса, который написал статью под заголовком «Карл Густав Юнг – защитник Фрейда и евреев». Такая точка зрения не будет выглядеть так уж смешотворно, если учесть амбивалентную натуру швейцарского аналитика. Всякий, кто хоть немножко представляет тогдашнюю ситуацию, понимает, что Юнг, который, в общем-то, не был в душе не только фашистом, но и просто немцем, бессовестно воспользовался политическим моментом, чтобы отомстить своему учителю, ставшему для него раздражающим оппонентом. Так, с помощью дешевой антисемитской и нацистской фразеологии он в считанные месяцы ликвидировал в Германии и по всей Европе все психоаналитические институты, десятилетиями отстраиваемые Фрейдом и его преданными сподвижниками.

* * *

Фрейд, Ференци и Юнг – столпы современной психотехники. В последующих главах Мэссон детально разбирает многочисленные вариации, созданные на базе этой спекулятивной философии. В заключительной части книги автор приходит к мысли, что практически все они игнорируют вопиющие социальные противоречия, чудовищную несправедливость, которая имеет место в любом обществе, и слишком сосредотачиваются на сексуальных, интимно-личностных или семейных отношениях. Он обвиняет врачей в предубеждениях: если пациент начинает говорить нечто, что не соответствует теории врача, то такой пациент тут же перестает быть для него больным и превращается в несимпатичного «человека с улицы». Беда состоит в том, что *«врач редко признается себе в том, что сама его профессия является мошеннической»* [1, с. 286].

Мэссон чувствует, сколько фальши звучит во фразах вроде: «Я был бы уже мертв без его или ее помощи» или «Ваша терапия принесла мне чрезвычайное облегчение». Эти слова можно услышать от людей, прошедших очень болезненную физиотерапию электрошоком и фактически ничего не давшую. На самом деле люди, высказывающиеся таким образом, подверглись специальной идеологической обработке.

«Общество в целом, – говорит Мэссон, – слишком легкомысленно принимает психиатрические ценности. Даже когда терапия добровольна, существуют эмоциональное и интеллектуальное принуждение, которое редко исследуется учеными» [1, с. 286–287].

Другим широко распространенным мифом, говорит Мэссон, является утверждение, будто злоупотребления в психотерапевтической практике являются редкими исключениями. *«Я не верю, что злоупотребление в области психотерапии нечасты. О них просто не говорят»* [1, с. 287]. Суды буквально завалены исками на врачей от обиженных и оскорбленных пациентов. Автор книги «Против терапии» задал одному видному психоаналитику из знаменитого Нью-Йоркского института вопрос: «У кого из своих коллег он бы предпочел пройти курс психотерапии, если бы оказался больным». Выяснилось, этот врач не доверял подавляющему числу своих коллег.

По сути, науки о душе не существует. Врач смотрит не на болезнь и проблемы человека, а на личность пациента – сможет он наладить с ним эффективный контакт или нет. Главный критерий – комфортность взаимоотношений и содержимое кошелька клиента. Аналогично ведет себя и больной. Так что пациент и врач, как будущие супруги, выискивают друг друга из моря случайных вариантов. Если взаимной симпатии не будет, думают они оба про себя, значит, не будет и взаимной выгоды: для врача – денежного вознаграждения, для пациента – душевного здоровья. Считать, что *любой* врач способен помочь *любому* пациенту, является большим заблуждением. Разумеется, при первой встрече все врачи внимательны и обходительны с клиентами, но за час предварительной консультации они легко понимают, с кем имеет дело. Если врач решил, что это не его клиент, он тут же превращается в холодный айсберг, после чего и клиент быстро соображает, что попал не к своему врачу. Такая притирка часто превращается в один из видов спорта и для врача, и для пациента.

Мэссон предупреждает доверчивых пациентов: не верьте хвастливым заверениям о длительной учебе и тщательности подготовки врачей. Лечить они всё равно не умеют. Мэссон

поделился своим личным опытом: «Я учил психоаналитику восемь лет, но ретроспективно сейчас понимаю, что основные идеи усвоил приблизительно через восемь часов интенсивного чтения» [1, с. 293]. Длительность обучения, говорит он, связана главным образом с долгой «промывкой мозгов» будущего «специалиста»; никаких особых технических навыков он при этом не получает. За многие годы к нему приходит понимание того, что он становится членом элитного клуба, куда далеко не всякий может попасть. Кроме того, нужно время, чтобы окружающие новичка профессионалы по-настоящему поверили, что он их не подведет. Отнюдь не знание теории и владение практическим мастерством делает человека хорошим специалистом. Лояльность к коллегам и преданность профессии – вот две ноги, на которых стоит не только психоаналитическая школа Фрейда, а все 300–400 школ современной психотерапевтической практики.

* * *

Итак, если науки о душе не существует, все психотерапевтические методики лживы, а врачи мошенники, то что делать заблудшей овечке?

Идти в церковь, говорю я (разумеется, не Мэссон). Мне лично она не нужна или *пока* не нужна. Как говорится, слава Богу, обхожусь собственными силами. Кроме того, мой ум большую часть времени занят научными изысканиями, а наука – это всегда *редукция*, т.е. объяснение непонятного и сложного через что-то простое и уже знакомое. Например, биологическую жизнь и психическое состояние ученый должен стараться объяснить через химию белковых соединений. Здесь нет места для Бога, этой нематериальной и абсолютно невообразимой сущности. Двигаться вверх ученому запрещено, в частности, он не имеет право думать, будто наши мышцы сокращаются по воле идеальной души. Материя приводится в движение только материей. Уж такова природа рациональной науки, которая ни в коем случае не должна заходить в трансцендентные сферы, созданные верой.

Однако посмотрите на благообразный вид церковных служителей, на умиротворенную атмосферу храмов: спокойствие, тихое дружеское общение – не в них ли в первую очередь нуждается беспокойная душа? Кому там, в РАН, еще не понятно, что из-за какого-то ничтожного процента атеистов-умников нельзя закрывать путь к душевному равновесию огромной массы народа?

Вот почему меня укололо «Острые Иглы». С первых строк я был приятно поражен превосходным стилем изложения. Оказалось, неспроста. Порывшись в Интернете, узнал, что родитель Макария, Шимон Маркиш (1931–2003), был прославленным филологом, который, между прочим, консультировал саму Анну Ахматову по каким-то вопросам древности. Он много писал о поэмах Гомера и Апулея, разбирал диалоги Платона и переводил Плутарха. Дед Макария, Перец Маркиш (1895–1952), тоже был известной личностью на литературном поприще, писал повести и сочинял стихи на идише.

О самом же Макарии я узнал следующее: родился он в 1954, окончил Московский институт инженеров транспорта, потом пятнадцать лет проживал в Соединенных Штатах, там окончил Свято-Троицкую духовную семинарию, по возвращении в Россию в 2002 принял монашество, в 2003 рукоположен в сан священника; бакалавр богословия, послушник, затем иеромонах Свято-Введенского монастыря города Иваново, где и проживает по сей день.

Этой короткой биографической справкой разрешите закончить затянувшееся предисловие. Ниже идет текст, написанный уже отцом Макарием, который я взял по адресу <http://convent.mrezha.ru/xtra/3freud.doc>, снабдив его небольшим количеством иллюстраций.

Олег Акимов

1. Masson J.M. *Against Therapy*. New York : Atheneum, 1988.
2. Cocks G. *Psychotherapy in the Third Reich: The Goring Institute* / New York: Oxford University Press, 1985.
3. Александер Ф., Селесник III. *Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней*. – М.: Прогресс – Культура, 1995.
4. *Gesammelte Werke*, Vol. 10, *Zivilisation im Uebergang*, ed. by Lilly Jung-Merker and Elisabeth Ruf (Ölten: Walter-Verlag, 1974).

Острые Иглы

Кощей Бессмертный XX века?

Вопреки своему прозвищу, бессмертным он не был. «В море щука, в щуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла, а на острие иглы – смерть моя». Информация доступна; но кому охота нырять за щукой, гоняться за зайцем и уткой, искать, как в известном стоге сена, иголку...

Если внимательно всмотреться в этот сюжет, открывается очень интересная и поучительная картина. Смерть Кощея – это победа над злом. Зло в сердце человека, в обществе, во всей нации, как будто и в самом деле бессмертно, непобедимо. Кощею позарез надо именоваться Бессмертным: тем только и держится его власть, хотя каждый обязан знать, что это обман. И когда Иван-Царевич отправляется в путь, его дело меньше всего напоминает бой с ветряными мельницами на ближнем пригорке, а больше всего – научную экспедицию, уголовное следствие или творческую задачу, изнурительную раскрутку скрытой цепи причин и связей: поймать щуку – догнать зайца – подстрелить утку – найти яйцо... А в результате он обнаружит свою цель на острие иглы: на первый взгляд нечто тривиальное, ничтожное – но это и есть правда, это и есть победа.

Тут, однако, аналогия нарушается. Кощей мертв, царевна спасена, сказка окончена, – а мы, изо дня в день, снова и снова преследуем щуку, целимся в утку, ищем и находим правду: такова природа нашего земного пути. Кощеи, однако, сопротивляются, цепляются один за другого, мелкие за крупных, молодые за старых. Иногда попадется такой мастер-Кощей международного класса, что один стоит целого легиона: но ведь и в Иван-Царевичах недостатка нет. Надо только не поддаваться Кощеевой лжи, не унывать и примечать, где откроется острие иглы.

* * *

Была когда-то в Москве одна знакомая пожилая дама, верующая и весьма хорошо образованная, доброжелательная и участливая ко всем. И когда заходила речь о каких-нибудь странных, сомнительных или огорчительных обстоятельствах личной природы – приснится ли кому носорог в очереди за туалетной бумагой, выскользнет ли у кого в неподходящий момент несуразное словечко, разругается ли кто напропалу с родными и близкими, – она с неизменной готовностью и превосходным знанием дела объясняла:

– По Фрейду (фамилию его она произносила на немецкий манер; не исключено, что она знакомилась с его трудами в оригинале) это означает, что... – и далее следовала такая элоквенция, что хоть святых выноси. Однако держалась она при этом крайне скромно: видно было, что излагать материал ей так же неловко, как окружающим – слушать. Свои консультации она давала с тем же чувством, как люди делятся печальными медицинскими новостями: беда, но ничего не попишешь.

Случалось, ей возражали с тех или иных позиций, и она всегда была готова просветить невежд и убедить скептиков. Мне запомнилась ее недоуменная реплика в ответ на чье-то замечание, что, дескать, Фрейд слабо согласуется с Православием:

– Ну при чем здесь Православие? Вы ведь не идете в церковь за вашими трехфазными трансформаторами...

Почему-то эта короткая фраза запала у меня в душу, и за долгие годы из нее как из семечка выросло большое ветвистое дерево. Не мытьем, так катаньем, я убедился, что если человеческую душу уподобить трехфазному трансформатору (простим ей это неумное сравнение!), то именно Церковь оказывается и теоретическим справочником, и архивом документации, и ремонтной мастерской, и бригадой техобслуживания. Конечно, никому не запрещено этого отрицать – но лишь заодно с Никео – Цареградским Символом веры.

А вслед за первым у моего «критического дерева» стал расти и второй ствол. На сегодняшний день, силою исторических и личных обстоятельств, реальность святого Православия скрыта от большинства жителей Земли. С другой стороны, Церковь никак не причастна к современным научным исследованиям, вроде бы пролившим новый, невиданный прежде свет на тайны человеческой души... Если так, то не справедливо ли всё же требование моей московской знакомой – учиться видеть человеческую душу «по Фрейду»? Ведь и в самом деле, учим же мы механику по Ньютону, химию по Менделееву, генетику по Уотсону-Крику, – а вовсе даже не по св. Писанию. Ну а если при этом обнаруживаются расхождения с церковной доктриной – не беда,

ученые богословы скоро всё объяснят и уладят, как уладили несогласия и недоразумения в естественных науках...

Или нет?? Или правы были те заядлые спорщики, те угрюмые ворчуны, которые на любую заманчивую россыпь щедро закутанных в цветной туман сокровищ фрейдизма хмуро отвечали одной и той же не вполне вежливой и не вполне вразумительной фразой: *«Бред сивой кобылы»*?

* * *

В пользу того мнения, что творец психоанализа – это Кощей Бессмертный XX века, есть масса улик: практически любой аспект современного раскрепощения несложно «подвести под фрейдистскую статью», будь то в семье, в школе, в уголовной сфере, в политике, в гражданском праве, в литературе и искусстве, в развале западного христианства и пр. Однако всё это улики косвенные; они никак не намекают, где искать ту самую иглу... Мало помогают и сведения о том, что Фрейд был атеистом, баловался с кокаином, интересовался свояченицей, участвовал в обществе еврейских масонов Б'най Б'рит, и даже что он служил сатане. Последней теме немало страниц посвящает американский автор, психиатр Рэй Джурджевич: возможно, он и прав, однако обвинение это, как и соображение о сивой кобыле, слишком универсально: увы, каждый из нас, совершая грехи, оказывает сатане ту или иную услугу.

И в то же время архиепископ Нафанаил (Львов) находит нужным заметить: *«Фрейдизм надо признать вреднейшим из вредных течений человеческой мысли»*. Значит, чтобы найти правду, надо нырять глубже, скакать дальше, целиться точнее.

Между Фрейдом и знакомыми нам героями-раскрепостителями – мелкими и крупными мошенниками, лжецами-профессионалами и любителями, сексуально-озабоченными профессорами и обычными маньяками-развратниками – огромная разница. Голыми руками его не взять, за пояс не заткнуть, и со счетов цивилизации так просто не скинуть. Если он действительно Кощей Бессмертный, то самый что ни на есть подлинный, со своей потаенной, тщательно спрятанной иглой. Пока не найдем правду, пока не проведем четкую линию между механикой, химией, биологией и научным знанием вообще с одной стороны, и фрейдизмом с другой, все мы, и особенно наши дети, обречены скользить в сторону широких, оборудованных «по Фрейду» ворот преисподней.

За что благодарить Фрейда

Н.М. Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» (Франкфурт, 29 июля) сообщает следующее:

«В одном трактире со мной живет молодой доктор медицины, который вчера пришел ко мне пить чай и просидел у меня весь вечер. По его мнению, всё зло в мире происходит оттого, что люди не берегут своего желудка. *«Испорченный желудок, – сказал он, – бывает источником не только всех болезней, но и всех пороков, всех дурных навыков, всех злых дел. Отчего моралисты так мало исправляют людей? ...Вместо всех словесных убеждений надлежало бы им дать несколько приемов очистительного. Беспорядок душевный бывает всегда следствием телесного беспорядка. Когда в машине нашей находится всё в совершенном равновесии, ... тогда человек рассуждает и действует хорошо; тогда бывает он мудр, и добродетелен, и весел, и счастлив»*. – «Итак, если бы у Калигулы не был испорчен желудок, то он не вздумал бы построить моста в Средиземном море?» – спросил я. – «Без сомнения, – отвечал мой доктор, – и если бы лекарь догадался дать ему несколько очистительных пилюль, то смешное предприятие было бы через час оставлено...» – Я удивлялся логике г-на доктора.»

Помнится, впоследствии этот сюжет получил развитие в истории о бравом солдате Швейке: цитировать ее здесь не будем. Но то была уже другая эпоха; эпоха, когда удивительные идеи прошлого уже столкнули мир на новую орбиту, и людям с выжженной, словно в газовой атаке, душой, остался юмор в качестве спасительной кислородной трубки. А пока, в первый год Великой Французской революции, русский путешественник просто удивляется, благожелательно глядя на этот лучший из миров, примериваясь к планам его дальнейшего улучшения...

Далее, однако, подобные взгляды стали вызывать всё меньше удивления и всё больше уважения, пока не стали общепринятыми. *«В человеке нет никаких иных сил помимо общих физико-химических воздействий»*, – это уже не анекдот за чашкой чая, а четкий тезис одного из крупнейших ученых и авторитетов XIX века, Германа фон Гельмгольца, знакомого всем нам по школьным учебникам физики. Тех же взглядов твердо придерживался и знаменитый физиолог

Эрнст фон Брюкке, под началом которого в 1876 г. двадцатилетним студентом начинал свою исследовательскую работу Зигмунд Фрейд.

* * *

Сегодня трудно представить себе, насколько была пронизана, пропитана грубейшим и примитивнейшим материализмом наука о человеке того времени. Вот, например, что пишет в одном из своих epochальных трудов, «К учению о периодах», долголетний сотрудник и близкий друг Фрейда берлинский доктор Вильгельм Флисс (1858–1928):

«Вечером 24 марта 1899 г. у моей свояченицы начались роды; в тот же вечер у моей жены была менструация... За этим лежит скрытый закон природы. Ведь если прибавить к 24 марта 280 дней (28×10), получим 29 декабря – тот самый день, когда за 4 года до того родился мой старший сын. А за 20 лет до того, 29 декабря 1879 г. у моей сестры началась внезапная лихорадка, от которой она скончалась через 30 часов.»

Вильгельм Флисс

Глубина «закона природы», что якобы жизнь и судьба женщины, словно вращение шестерен в часовом механизме, подчиняется 28-дневному периоду (а у мужчин Флисс сумел где-то выискать период в 23 дня) поистине не поддается рассудку: уж кто-кто, а доктор должен был бы знать, что *стабильность периода* между менструациями не выдерживается с механической точностью, и независимо от наличия или отсутствия «скрытых сил периодичности» все его многомесячные календарные экстраполяции годятся разве что как упражнение по арифметике для младших школьников. А с многолетними и того хуже: корифей «науки о периодах» упустил из виду, что продолжительность календарного года не делится ни на 28, ни на 23...

Нам еще предстоит вернуться и к «теориям» Флисса, и к его не слишком успешной практике: его сотрудничество и дружба с Фрейдом сыграли решающую роль в истории психоанализа. Сам Фрейд, однако, пошел противоположной дорогой: в его системе взглядов душа человека живет и движется по своим собственным законам, никак не сводящимся к «общим физико-химическим воздействиям». В итоге фрейдизм опрокинул механистический взгляд на природу человека, сначала в узком кругу специалистов, а затем и во всей современной западной культуре. Именно за это его можно поблагодарить.

* * *

Разумеется, *нормальным людям* – тем, кто подобно Карамзину, лишь «удивлялись логике г-на доктора», но перенимать ее не спешили – Фрейд никакого особого откровения принести не мог. Но в профессиональной среде, особенно медицинской, таких было немного: вспомните Базарова, вспомните «медицинские стихотворения» А.К. Толстого. Как отмечает В.Н. Тростников,

«Фрейдизм нашел «рациональные объяснения» бессознательным психическим процессам, о которых не испорченные профессиональной выучкой люди знали испокон веков, но на изучение которых в психологической науке был наложен строжайший запрет. Это позволило снять запрет и спасти психологию от грозившего ей удушья.»

Однако высказанная нами благодарность Фрейду встречает серьезные возражения. Нам скажут, что его «рациональные объяснения» – в том числе, что за всеми движениями души стоит «принцип максимального удовольствия» с вытекающими отсюда последствиями – ничем не лучше Гельмгольца механицизма. Именно они, по сути своей, как раз и несут тот страшный вред, о котором говорит архиепископ Нафанаил: уничтожают *«то единственное, чем очищается душа – сознание вины и ощущение тяжести греха»*.

Это вполне справедливо. Забегая немного вперед, заглянем в письмо Фрейда ко Флиссу от 6 декабря 1896 г. (т.е. еще до того, как оформились основные принципы фрейдизма), вплоть до последнего времени неизвестное читателям. Фрейд сообщает о молодом человеке, который

«...Пришел ко мне на прием и со слезами на глазах уверял меня, что он вовсе не мерзавец, каким его считают окружающие; он болен, он страдает от патологических импульсов и реакций...»

Далее выясняется, что отец пациента, извращенец и развратник, в детские годы оставил у него в подсознании омерзительный след. Фрейд продолжает:

«Он терпеть не может извращений и при этом страдает навязчивыми побуждениями. Иначе говоря, в нем подавлены определенные импульсы, взамен которых возникли другие, в форме навязчивости. Такова вообще тайна навязчивых состояний. Если б он мог стать извращенцем, то *был бы здоров, как отец*».

Могут заметить в ответ, что болезни существуют независимо от достоинств и недостатков человека: дело врача – лечить и праведных, и грешных. Однако именно в контексте этого письма (не публиковавшегося, впрочем, совсем по другой причине), где подробно изложены обстоятельства жизни и детские впечатления пациента и его старшей сестры, до жути ясно видна пропасть между христианским взглядом на грех как на болезнь души и примером «здорового» отца для больного сына... Фрейдизм не спорит с Евангелием, а истребляет в нем смысл: «*Покайтесь, приблизится бо Царствие Небесное*» становится бессмыслицей не столько из-за сомнений в реальности Небесного Царства (еже так или иначе несть от мира сего), сколько из-за явной нереальности покаяния, здесь и сейчас.

К счастью, однако, психотерапия и фрейдизм далеко не одно и то же. Лишь только исчез запрет, о котором говорит Тростников, как практика (а вслед за ней и теория) психотерапии разорвала рамки официального фрейдизма. «Эдипов комплекс», «инфантильный эрос» и тому подобные прозрения достались в наследство шустрому литераторам и сценаристам, секспросветчикам школ и вузов, да мошенникам: у них это ходовой товар. А у тех, кто добросовестно работает с больными (трудно сказать, в большинстве они или в меньшинстве), совсем другие заботы, совсем другие, гораздо более реальные предметы на уме, пускай даже и с фрейдистским уклоном.

* * *

Необходимо отметить еще, что среди психотерапевтов многих стран есть и православные верующие. Насколько это возможно, они пытаются привлечь вековую мудрость святого Православия на помощь всем тем, у кого психика и нервная система искорежена нынешним веком. «*Православная психотерапия: наука св. отцов*» – заглавие одной из книг греческого епископа Иерофея (Влахоса). Всё, что есть доброго и полезного в современной практике психотерапии входит как неразрывная составная часть в церковное сознание.

Если же за последнее положение «прогрессивные специалисты» поднимут нас на смех, мы обратимся за помощью к основоположнику. В хорошо известной работе «К истории психоаналитического движения» Фрейд пишет:

«Я полагал, что моя теория [психического вытеснения] вполне оригинальна, пока Отто Ранк не показал мне отрывок в книге Шопенгауэра «Мир как воля и представление»... как человек сопротивляется восприятию реальности, когда она для него болезненна. Это настолько точно соответствует моему понятию о вытеснении, что мне остается снова признать, что своим открытием я обязан своей недостаточной начитанности».

Как видно, Фрейд не возражал, что накопленный человечеством опыт содержит сведения о лежащих в основе его теорий «бессознательных психических процессах». Это же подтвердит вам любой православный верующий, да и всякий, кто знаком с литературой о православном образе жизни и мысли, от древности до наших дней – о духовной борьбе, трезвении, рассуждении и внимании к себе. То же самое относится и к другому фундаментальному принципу психоанализа – перенесению эмоционального фокуса на того, кто входит во внутренний мир страдающего человека (в терминах фрейдизма – на «аналитика»): достаточно заглянуть в любое православное пастырское руководство, начиная от Златоустовых «*Шести слов*». Теперь возвращаемся назад ко Фрейду и на следующей странице читаем:

«Всякое направление исследования, принимающее в расчет эти два фактора [вытеснение и перенесение] и исходящее из них, *заслуживает названия психоанализа, даже если его результаты отличаются от наших*».

Возможно ли более авторитетное мнение в защиту «православного психоанализа»?

* * *

Прогрессивным учением, *«что нету души, но одна только плоть, и что если и впрямь существует Господь, то Он есть только вид кислорода»*, в наши дни не только никого не удивить, но даже и не рассмешить. Однако же именно с таких позиций нападает сегодня на Фрейда «научная» (в очень жирных кавычках) идеология:

«Представьте себе, что вы сломали ногу или страдаете сахарным диабетом: как бы вы отнеслись к «врачу», который вместо гипсовой повязки или инсулина предложил бы вам серию *терапевтических бесед* на тему о *вытесненной сексуальности*? С тем же успехом вам могут заявить, что вы одержимы бесом и позвать священника! Нет никакой разницы между изгнанием бесов и психоанализом» (*Skeptic's Dictionary*).

Разница есть, и весьма серьезная; о ней будет сказано ниже. А пока заметим, что от подобных союзников по борьбе с фрейдизмом надо держаться подальше. Они душу готовы положить за постулат об *«одной только плоти»*; ради него они и воюют с Фрейдом... Однако, как бы ни был абсурден их постулат, по крайней мере со своей точки зрения они действуют совершенно честно: если согласиться с лечением физических расстройств путем психотерапии (а также «неконтактного массажа», иглоукалывания и прочих непринятых в официальной медицине средств), то есть с реальностью нематериального воздействия на явления физического мира, придется им допустить и изгнание бесов, и исцеление по молитве.

«Вредность учения Фрейда особенно глубока именно потому, — пишет архиепископ Нафанаил, — что включает в себя отдельные элементы истины.» Элементы эти мы видели; как отделить их от лжи? *«То, что в теориях Фрейда правильно, можно и нужно признавать,... — продолжает вл. Нафанаил, — Факты, им открытые, надо признавать, но с выводами его, проповедающими атеизм, нельзя соглашаться... Это нелегко, но можно.»*

Владыка ясно видит стоящую перед нами серьезную проблему: если принять факты, и если в выводах из них нет ошибок, то придется принять и выводы со всею их богопротивной идеологией. Ни ахинеи, как у Флисса, ни подлога, как у Кинзи, мы не найдем: не тот случай. Следовательно, что-то должно быть не в порядке с самими фактами. Но где, и что именно?? Мы как будто угодили в ту же самую яму, что упомянутые выше материалисты: упрямо отвергаем обоснованные выводы, не имея против них обоснованных возражений.

Весьма существенно, что именно мы, а не специалисты-психоаналитики, остановились перед этой проблемой. Их интересует, что «работает» и что «не работает» в клинической практике, какие теории популярны и непопулярны в научных кругах, — а мы ищем правду как она есть, суть дела. Всякий, кто хоть немного знаком с Фрейдом, засвидетельствует, что наш подход гораздо ближе к его собственной сфере интересов; вообще, в столкновении идей часто оказывается, что смертельные враги ближе друг другу, чем теплохладные союзники с той или другой стороны.

«На фрейдизм, насколько я знаю, никто с христианской точки зрения не ответил, — подводит итог своему письму владыка Нафанаил, — Эта работа большая и трудная.» Христианская точка зрения — это точка зрения правды. Дать прямой ответ на фрейдизм с христианской точки зрения — значит найти фикцию среди открытых Фрейдом фактов и разобраться, каким образом она туда попала.

Знал ли владыка, что в то самое время, когда он писал эти строки, некий Иван-Царевич уже седлал коня, готовясь к большой и трудной работе? *«В море щука, в щуке заяц...»*

Иван-Царевич

Глава под таким названием есть у Достоевского в «Бесах». Не дай Бог иметь хоть каплю общего с описанным там персонажем... Но с тех пор утекло столько воды, и мир настолько сильно изменился (хоть и не в лучшую сторону), что мы можем безбоязненно употребить его снова, не рискуя навлечь тень на ныне здравствующего д-ра Джеффри Мэссона.

* * *

Какой раздел в любой печатной работе вам покажется наименее интересным? За редким исключением это будет скушный перечень — *«Автор выражает искреннюю признательность...»* — который никто не читает.⁸

⁸ В.Э.: Я читаю — и очень внимательно.

Но когда вы возьмете в руки книгу Джеффри Мэссона «Посягательство на правду», потрудитесь прочесть в первую очередь именно этот раздел. Он послужит вам и как введение в книгу, и как первое знакомство с ее автором. А ведь первое впечатление, говорят, самое важное... Впрочем, судите сами:

«Вероятно, многие из тех, кто помогал мне тем или иным образом в этой работе, из-за острой полемики по ее поводу предпочли бы, чтобы их фамилии здесь не упоминались. Я могу лишь подчеркнуть, что никто из перечисленных ниже лиц не несет ни малейшей ответственности за мои суждения: они исходят от меня и только от меня.

«Эта книга не увидела бы света без щедрой помощи со стороны Курта Эйслера (директора Архивов Фрейда при Библиотеке Конгресса США, 1908–1999 – *пер.*), Анны Фрейд (младшей дочери З. Фрейда, 1895–1982 – *пер.*) и Мюриел Гардинер (близкого друга и сотрудника первых двух, 1901–1985 – *пер.*). Благодаря им я получил доступ к обширному хранилищу уникальных неопубликованных документов. Поскольку с выводами, сделанными мной на основании этих документов, они не смогли согласиться, наше первоначальное сотрудничество к сожалению прервалось. Тем не менее, я сохраняю глубокую признательность им за всё то доброе, что они для меня сделали...»

Здесь, вероятно, самое время и составителю обзора вспомнить обо всех, кто ему помогал, и сердечно поблагодарить их. Только у нас и речи нет ни о какой полемике, ни о каких недоступных или неопубликованных документах, ни о каких поисках или исследованиях: просто взять несколько известных книг и журнальных статей, проверить материалы по независимым источникам, да изложить в сжатом виде... Мы идем по следам Иван-Царевичей. Характерно при этом, что царство им, как правило, не достается (а иные и вовсе остаются у разбитого корыта), но дело их от этого ничуть не страдает. Знают они о том, или нет, – но правда, которую они добывают на острие секретной иглы, имеет немалую цену совсем в другом Царстве.

* * *

Джеффри Мэссон защитил докторскую диссертацию в 1970 г. по специальности с фрейдизмом решительно никак не связанной: древне-индийская поэзия. И быть бы ему профессором-санскритологом в Торонто, и не знать бы ему горя – сиречь неприятностей по службе, склок, скандалов, угроз, предательства, клеветы, судов, увольнений и разочарований – если бы жажда знаний снова не сделала его студентом. Еще восемь лет ушло у него на второе высшее образование в Торонтском Институте Психоанализа.

Как легко догадаться, мы имеем дело с человеком далеко не заурядным. Неслучайно поэтому в 1980 г. ему была поручена работа над новым изданием писем Зигмунда Фрейда к Вильгельму Флиссу. Письма эти частично уже выходили под редакцией Анны Фрейд под внушительным заголовком «*Происхождение психоанализа*» и послужили источником практически всех сведений на данную тему: в самом деле, кроме Флисса, в 1890-е г.г. у Фрейда не было друзей, не было никого, с кем бы он мог серьезно и откровенно делиться своими медицинскими наблюдениями и находками, гипотезами, планами, взглядами. Надо сказать, что влияние Флисса сильно меняет «официальный портрет» Фрейда как независимого мыслителя, ниспровергателя основ: он безусловно нуждался во Флиссе, как будет потом нуждаться в своих учениках и последователях. Приходится также добавить, что в тех кругах подобные отношения между двумя мужчинами не могли не получить определенной окраски, чему находят подтверждения в переписке Фрейда и приближенных к нему лиц... но к счастью, *эта* помойная яма лежит в стороне от нашего маршрута.

Для работы с литературно-архивным наследием Фрейда – в самом деле очень большой и очень трудной (около 75 тыс. документов на разных языках) – Мэссону предложили поселиться в Мэрсфилд Гарденс, лондонском доме Фрейда, где тот провел последний год жизни и умер в 1939 г. Работа, очевидно, горела в руках у д-ра Мэссона: в Мэрсфилд Гарденс он обнаружил и привел в порядок множество неизвестных ранее документов, записок, заметок, писем, принадлежащих Фрейду и его ближайшему окружению. Мало того: он разобрал оригиналы опубликованных материалов и сделал бесчисленное число дополнений, вставок и исправлений в переводе с немецкого – совершенно, кстати, независимо от того, шли они «на пользу» или «во вред» его позиции, в чем можно убедиться по упомянутой выше книге и особенно по примечаниям к ней.

Так что не прошло и года, как Мэссон был назначен заместителем директора Архивов Фрейда, с тем чтобы вскорости занять должность директора взамен уходящего на покой Курта Эйслера. Кроме того, он стал одним из четырех со-председателей Совета по авторским правам Фрейда. Мэрсфилд Гарденс должен был стать его постоянной резиденцией, где ему предстояло

оборудовать музей и исследовательский центр... И всё выглядело как нельзя лучше, пока вдруг не стало как нельзя хуже. Слово д-ру Мэссону:

«Когда я учился психоанализу, я был убежден, что Фрейд бесстрашно искал правду, что он пытался помочь пациентам разобраться в том, что с ними происходит и что с ними случилось в прошлом, как бы это ни было неприятно. Хотя я знал, что далеко не все в наше время разделяют подобные взгляды, я верил, что в науке психоанализа остались честные и безкомпромиссные искатели правды. Именно благодаря этому – говорил я себе – мои исследования получили такую широкую поддержку безо всяких предварительных условий...

«Я не делал секрета из своего критического отношения к психоанализу в нынешнем его виде и знал, что многие из моих коллег со мною согласны... Однажды я поделился с г-жой Фрейд своим разочарованием как учебой в Торонто, так и последующей работой в Сан-Франциско, и положением дел в психоанализе вообще. Я спросил ее, будь жив ее отец, стал ли бы он участвовать в организациях психоаналитиков или хотя бы просто заниматься психотерапией? *«Нет, – ответила она, – не стал бы».*

«Таким образом я видел, что Анна Фрейд разделяет мой критический взгляд и поддерживает мои исследования. Однако когда они привели меня к личности самого Фрейда, эта поддержка прекратилась.»

Надо заметить, что и в сказках персонажам вроде Иван-Царевича присуща простота сердца на грани с наивностью и неосмотрительностью... На совещании ведущих психоаналитиков в Лондоне, где Мэссон по приглашению Анны Фрейд сделал первое сообщение о своих находках, ему дали понять, что они наносят ущерб престижу психоанализа. Но д-р Мэссон, как он пишет,

«...счел подобные соображения недостойными внимания серьезного исследователя. В июне 1981 г. меня пригласили сделать более подробный доклад на закрытом совещании Психоаналитического Общества в Нью-Хэйвене... Злоба, вызванная моим докладом, направленная не столько на предмет моей работы, сколько на меня самого, открыла мне глаза на истинное положение вещей... Подлинность фактов и справедливость выводов никого не интересовала; речь шла лишь о последствиях их публикации, которая, по мнению моих критиков, наносила удар в самое сердце психоанализа.

«...Когда в августе сообщения о найденных мной материалах появились в газете «Нью-Йорк Таймс», разразился крупный скандал, и меня, к большому облегчению всего фрейдистского сообщества, уволили. Как мне заявили, я *«не оправдал доверия»*, обнародовав результаты своей работы.»

* * *

Казалось бы, сказке конец. Но не тут-то было: теперь предстояло расплачиваться за сломанную иглу. Дальнейшее тоже напоминает волшебную сказку, только уже в современном северо-американском стиле. В конце 1983 г. журнал «Нью-Йоркер» опубликовал серию статей журналистки Джэнет Малколм о д-ре Мэссоне, а в следующем году она напечатала о нем книгу. Входить о них в подробности нет большого смысла, хотя работа была выполнена весьма профессионально: как заметил независимый обозреватель,

«Эти материалы появились как раз накануне выхода в свет книги д-ра Мэссона... Если бы не они, ее обсуждение было бы гораздо справедливее и спокойнее».

Надо полагать, Мэссон не видел, какова связь между ними и заповедью *«Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы, лжущие, Мене ради»* (а также и ради Кого в конечном итоге всё это происходит) и обратился в суд с иском о клевете. Не секрет, насколько трудно в Америке привлечь к ответственности печатный орган, если понятие «свободы слова» растянато либеральными судьями до порнографии включительно. Тяжба продолжалась десять лет: сначала клеветники пытались оспорить правомерность самого иска, и по апелляционной лестнице довели дело до Верховного Суда США, который вынес решение в пользу Мэссона, т.е. потребовал рассмотрения иска. Далее состоялось судебное разбирательство;

Анна Фрейд

суд присяжных постановил иск удовлетворить – но не смог вынести решения о сумме нанесенного ущерба. В результате повторного разбирательства иск был отклонен.

Сейчас д-р Мэссон живет в Новой Зеландии. В связи с подготовкой данного материала я как-то обратился к нему, и он ответил мне очень быстро, очень вежливо и очень коротко:

«Благодарю Вас за Ваше письмо, но никакими сведениями на этот счет я не располагаю и ничем Вам помочь не могу: уже много лет как я с психоанализом и психиатрией ничего общего не имею и занимаюсь изучением эмоциональной сферы у животных. Примите, и проч.»

Очень жаль. Но его можно понять.

«Кто эту боль, дитя, тебе нанес?»

История эта началась примерно за десять лет до решающих событий в истории психоанализа. В 1885 г., когда Фрейд завершал свое медицинское образование, он получил стипендию для занятий под руководством Жана Мартэна Шарко, одного из основоположников науки о нервных и психических болезнях. Пять месяцев, проведенные в Париже, оказали огромное влияние на Фрейда и его научную карьеру.

Ж.М. Шарко доказал, что распространенные симптомы истерического невроза – дрожь, паралич, нечувствительность к боли, и др. – могут возникать и исчезать под воздействием одного внушения, без участия каких бы то ни было физических факторов. Кроме того, он пришел к выводу о травматическом происхождении ряда нервно-психических расстройств, в том числе и в детском возрасте. Именно эти исследования Шарко легли в основу научных интересов Фрейда на ближайшее десятилетие; в своих работах последующих лет он называет Шарко «великим учителем» и отводит ему важное место в развитии основ психоанализа. Всё это хорошо известно.

Однако парижская стажировка дала Фрейду специальные знания и в совсем другой области медицины. В своем отчете университету, как и в частном письме к жене, Фрейд указывает, что, помимо Шарко, он неукоснительно посещал лекции всего лишь одного профессора – судебного медика Поля Бруарделя (1837–1906).

Впоследствии Фрейд писал:

«Во время занятий у Шарко в Париже в 1885 г. я был глубоко заинтересован анатомическими лекциями Бруарделя. Он наглядно демонстрировал нам в морге, сколь многое должно бы быть известно докторам, но что наука предпочитает не замечать».

Что здесь подразумевает Фрейд? Что именно *«предпочитает не замечать наука»*? Намек на ответ есть в упомянутой выше работе «К истории психоаналитического движения», написанной почти 30 лет спустя. Фрейд рассказывает, как в Париже он оказался невольным свидетелем частного разговора между Шарко и Бруарделем о каком-то невропатологическом случае. Бруардель говорил тихо, и существо вопроса осталось Фрейду не вполне ясным. Но Шарко отвечал во весь голос, оживленно жестикулируя:

««... Говорю вам, в подобных случаях дело всегда в половой сфере... всегда... всегда!» Я помню, как на секунду я опешил и в полном изумлении подумал: «Почему же, если он это знает, он никогда об этом не рассказывает?»»

Однако какова связь между «половой сферой» (Шарко выразился более конкретно) и судебно-медицинскими вскрытиями? Ради ответа на этот вопрос Мэссон изучает море литературы, включая архивы и библиотеку парижского морга. Оказалось, что как сам Бруардель, так и его предшественник по кафедре судебной медицины Амбруаз Тардьё (1818–1879) в те годы занимались исследованиями извращений и половых преступлений, жертвами которых становились весьма часто (а в определенных случаях – исключительно) дети. Изучив более 10 тыс. судебных дел об изнасиловании, Тардьё обнаружил, что 79 % из них было совершено над детьми. К такому же результату – 79 % – пришел другой исследователь, Поль Бернар (1828–1886) на основании еще более обширного материала, свыше 45 тыс. случаев половых преступлений.

Излишне говорить, как сложно расследовать подобные дела, особенно когда обвиняемый и жертва стояли на противоположных концах социально-классовой лестницы. Но судебные медики указывали на вполне определенные методы и закономерности, позволяющие найти истину и доказать вину развратника, растлителя, а иной раз к тому же и убийцы. Именно таким случаям,

как выяснил Мэссон, часто посвящал свои лекции в парижском морге Поль Бруардель в тот самый период, когда Фрейд был в числе его внимательных слушателей и зрителей. И более того: в личной библиотеке Фрейда он обнаружил книги именно этих французских авторов – Тардьё, Бернара, Бруарделя – именно на эту малопривлекательную и малопопулярную тему.

* * *

Заслуживают пристального внимания слова Фрейда, что *наука предпочитает этого не замечать*: десять лет спустя он испытает это на самом себе. А пока попытаемся понять отношение современников к судебно-медицинским исследованиям Тардьё и его школы. Оно было далеко не простым; обыватели сомневались, что *«такое в принципе возможно»*. В медицинской науке это мнение поддерживалось ученым медиком Альфредом Фурье (1832–1914) и его последователями: они настаивали на том, что доверять показаниям детей в делах по обвинению в половых преступлениях просто нельзя... Мэссон приводит несколько выдержек из подобных работ, показывая их классовую окраску – в судебной практике сплошь и рядом приходилось защищать людей из «общества», когда свидетели обвинения были из низших сословий – и демонстрирует их явную несостоятельность на основании современного опыта. Полезно, однако, посмотреть на проблему несколько шире: какие факторы определяли в то время взгляды французов (и европейцев в целом) на реальность, или, наоборот, нереальность, половых преступлений против детей?

Ответ получим, если вспомним европейскую историю XIX века – когда издавна засеянные семена взойшли по всей Европе дружными всходами (плоды они принесут только в следующем, XX веке), когда революции взорвали изнутри вековой жизненный уклад и стало заваливаться здание европейской цивилизации – а люди всё еще пытались измерять окружающий мир привычными мерками. В этих условиях прежде всего бросается в глаза неоднородность общества, не столько на внешнем уровне богатства и власти, сколько на внутреннем, гораздо более близком к обсуждаемой теме. *«Половые преступления против детей, – замечает Поль Бернар, – особенно характерны для крупных городов и индустриальных центров»*. В современном западном обществе это всё равно как сказать, что снег характерен для зимы: *любые* преступления, *любое* зло характерно для крупных городов, тогда как «отсталая» деревня и провинция еще сохраняют остатки цивилизации. Но тогда это было внове...

В этой связи полезно заглянуть в работы по истории семьи. Современный историк Жан-Луи Фландрен приводит интереснейшие документальные данные о жизни и обычаях французской деревни: выясняется, что «золотой век» – во всем том, что относится до воздержания, до целомудрия, до чистоты добрых отношений среди молодежи, до сохранения супружеской верности – в большой мере был осязаемой реальностью лишь немногим более ста лет тому назад. Какой же реакции можно было ожидать от тех людей на уголовные новости подстать сегодняшним? *«Этого не может быть»*. Естественно, публика была готова скорее согласиться, что «ребенок нагло лжет» (в конце концов, это не такая уж редкость), чем что приличный, хорошо образованный господин и т.д.

А что же приличный господин? Мы его прекрасно знаем со слов других, куда более красноречивых и популярных французских свидетелей, как например маркиз де Сад, Бодлер или Мопассан. И не надо возмущаться, что эту тройку запрягают в одну упряжку: их имена говорят всего лишь о разнообразии той социально-культурной среды, где утвердились сексуально-прогрессивные начала, и о динамике их распространения (скажем ли: «демократизации»?) – так что к концу века у профессора Бруарделя уже не было недостатка в демонстрационном материале.

Исторические работы Фландрена интересны еще тем, что он никак не скрывает своего анти-церковного настроения и без обиняков толкует о жестоком «закрепощении сексуальной сферы у молодежи» благодаря усилиям церковников. Таким образом, следует отдать должное его честности: изображенная им картина в целом противоречит его собственной идейной установке. Впрочем, к концу века, по мере раскрепощения и де-христианизации (о чем тоже упоминает Фландрен), жизнь стала местами приобретать черты современности: недаром Бернар указывал на большие города...

* * *

Следующий исторический пример имеет смысл рассмотреть чуть подробнее: он имеет самое прямое касательство и к реальности упомянутых преступлений, и к ее преломлению в глазах современников. В том же самом 1885 году в Петербурге слушалось дело по обвинению ростовщика Мироновича в покушении на изнасилование и убийстве 13-летней Сарры Беккер. В

деле участвовали известные адвокаты того времени: А.И. Урусов представлял гражданского истца, С.А. Андреевский и Н.П. Карабчевский защищали подсудимого (дело слушалось дважды). Их речи, обращенные к присяжным заседателям, крайне важны для нас в связи с судьбой работ Фрейда и историей психоанализа.

Характерно уже самое начало речи Урусова, задача которого – убедить присяжных в виновности подсудимого:

«...Возможно ли, чтобы Миронович, которому за 50 лет, настолько прельстился 13-летней девочкой? Врожденный нам оптимизм отвечает: нет, такое преступление немыслимо. Оно противно человеческой природе!»

Понятно, что это ораторский прием: далее Урусов, опираясь на улики, опровергает первоначальный тезис. Но само упоминание о «врожденном оптимизме» и «немыслимости» изнасилования и убийства девочки в наши дни звучит даже не столько безтактно, сколько попросту глупо. Однако мы можем положиться на профессиональное мастерство адвоката: очевидно, таковы были взгляды на этот предмет у его слушателей, петербургских присяжных 1885 года. В качестве «шага навстречу» он в риторической форме высказал именно то, что присяжные заседатели наивно принимали за истину.

И не только, впрочем, присяжные, но и большинство причастных к делу обывателей. Из свидетельских показаний мы узнаем, что Миронович систематически пытался развратить девочку; она сопротивлялась ему как могла, и чистосердечно жаловалась на его домогательства – *«Хозяин всё рассказывает мне о своих любовницах... Лучшие мне видеть малех-амовеса (ангела смерти), чем его, разбойника»* – но как видно все, включая и отца убитой, полагались на свой врожденный оптимизм...

Защита тоже дает нам немало свидетельств о настроениях тех лет, хотя и другого характера. *«Миронович Карре в отцы годится!»* – восклицает Карабчевский, объясняя случай особенно наглой «ласки». Однако это не мешает ему тут же напомнить присяжным, что она *«по своему развитию начинала уже вступать в тот период, когда девочка становится женщиной, ей уже было присуще женское кокетство»*: стало быть, если что не так – сама виновата. Как о чем-то весьма достойном, говорящем в пользу «немыслимости» обвинения, он сообщает, что тот, *«человек здоровый, сильный»* с ведома жены имел двух любовниц. А другой защитник добавляет: *«Притом, однако, не утратил способности любоваться и другими хорошенькими женщинами»*. Выше мы уже видели подобный образчик «душевного здоровья»: раскрепощенный Париж отзывался звонким эхом в Санкт-Петербурге.

Неподходящее было время для «врожденного оптимизма» – но только никого это не трогало. Потому и пришлось заплатить за внешнюю трезвость такую страшную цену.

* * *

Вернемся между тем к Зигмунду Фрейду. С 1886 г. он ведет в Вене частную практику по нервно-психическим болезням, совмещая ее с научными исследованиями. Десять лет напряженной работы привели его к однозначному выводу, который он наиболее сжато и четко сформулировал в докладе Венскому обществу психиатрии и неврологии. Исходной причиной истерического невроза у пациентов Фрейда была глубокая полузабытая психическая травма: в детстве все они стали жертвами половых преступлений, от жестокой попытки изнасилования до длительных развратных действий, как правило, со стороны близких родственников или хорошо знакомых им взрослых.

Типичный пример подобной причинной связи: девушка вечером испытывает приступы навязчивого страха и не может заснуть, когда в комнате нет ее сестры. Выясняется, что в раннем детстве некто из членов ее семьи имел обыкновение по вечерам проникать к ней в спальню; если же в одной комнате с ней спала сестра, она была в безопасности.

Как заметил Фрейд, ребенку, перенесшему в детстве такую травму, лишь постепенно, с возрастом открывается весь ужас того, что именно с ним когда-то произошло: отсюда – замедленное развитие симптомов нервно-психического расстройства. Сознание отвергает мучительную реальность; память, однако, сохраняет ее у себя в глубине в «вытесненной», подсознательной форме. Реальность эта дает о себе знать на первый взгляд случайными, малозначительными проявлениями вроде обмолвок или сновидений, и человек иногда бывает способен обратить на них внимание и понять их природу. Происходит это не только в острых болезненных случаях, но и на всех крутых поворотах человеческих судеб:

«Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься: Одно и то же снится лишь мне»

– написано хоть и примерно в те же годы, но без подсказки Фрейда.

Выяснение самого факта давней травмы и сопутствующих ей обстоятельств оказывает терапевтическое воздействие на пациента: патологические симптомы ослабевают или исчезают вовсе. Однако добиться этого крайне трудно: рассудок человека, в особенности нездорового, сопротивляется осознанию «вытесненной» реальности. Предложенные Фрейдом практические приемы ускорения и облегчения этого процесса стали первыми опытами современного психоанализа.

Несмотря на терапевтический успех, подобные выводы о происхождении неврозов вызывают естественные сомнения и вопросы. Во-первых, не замешано ли здесь влияние врача на пациента или его собственное воображение? Во-вторых, известны многие, кто испытал ту же участь без последствий для нервно-психической сферы. И в-третьих, сам факт что *все* пациенты Фрейда, в большинстве своем из очень приличного общества, оказались жертвами половых преступлений, выглядит ошеломляющим...

Первому возражению Фрейд противопоставляет, с одной стороны, богатое разнообразие уникальных подробностей в воспоминаниях пациентов, а с другой – их упорное сопротивление аналитическим усилиям врача. Но еще убедительнее «внешние» соображения: в ряде случаев удалось обнаружить независимые подтверждения их слов (когда, например, одновременно лечились две сестры), а мелкие детали воспоминаний о давних событиях, ничего не говорящие самим пациентам, понятны специалисту как несомненные признаки их реальности.

Второй вопрос решается очень просто. Никто не утверждает наличия механической связи между детской травмой и последующей болезнью, как нет механической связи между пьянством и белой горячкой или охлаждением и простудой, – и тем не менее одно вызывает другое, в совокупности со множеством дополнительных факторов, внутренних и внешних.

И, наконец, третий вопрос. О «невозможности» подобных вещей на взгляд тогдашней публики было уже сказано достаточно, но единообразие случаев в клинической практике Фрейда 1880-х – 90-х г.г. заслуживает внимания. Разумеется, его пациенты не составляли независимой выборки: к нему на прием приходили *больные* люди, чье высокое социальное положение служило им защитой от детских психических травм другой природы: насильственной смерти близких, стихийных бедствий, нищеты и пр. Тем самым внутрисемейные травмы и половые преступления оставались едва ли не единственными причинами их болезни.

В этой связи иногда указывают на еврейское происхождение многих его пациенток того периода и на высокие моральные качества традиционной еврейской семьи. Но при этом упускается ключевое слово: *традиционной*. Всё сказанное выше о де-христианизации можно повторить – с многократным усилением – о де-иудизации эмансипированных евреев Европы, которые среди своих менее продвинутых единоплеменников были известны как «апикурсим» (интересно, что слово это греческого происхождения, от «*апокритос*» – отделенный, осужденный). Приведем лишь два примера. Митрополит Антоний (Храповицкий) в своей известной проповеди в неделю св. Жен-Мироносиц в 1903 г. в связи с погромом в Кишиневе напоминал слушателям:

«...Должно уважать евреев-караимов и евреев-талмудистов, но горе и нам, и им самим от евреев-нигилистов, которые растлевают и семьи, и общество своих единоплеменников, которые сеют заразу свою и среди русского и среди польского юношества, и которые являются главной причиной ненависти к потомкам святых праотцев и любезных Господу пророков!»

(Заметьте точность выражений вл. Антония: он говорит именно о «талмудистах», то есть о живых людях – последователях еврейской традиции, не затрагивая вопроса о движении от Талмуда к нигилизму...) Другой пример – наблюдение еврейского историка Ханны Арендт в работе о происхождении тоталитаризма. 3-я глава ее книги посвящена положению евреев в европейском высшем обществе в конце XIX века; один из разделов в ней назван «*Между пороком и преступлением*». Арендт показывает сходство во взгляде общества на эмансипированных (то есть, по ее выражению, «де-иудизированных») евреев с одной стороны и на половых извращенцев с другой, – что при повышенной рефлексивности оторванных от своих корней евреев не могло не оказать на них глубокого влияния. Неудивительно, что по тогдашним данным душевные заболевания у евреев встречались гораздо чаще, чем у окружающего населения.

* * *

Ниже станет ясно, почему нам пришлось уделить столько места возражениям против результатов Фрейда и контр-возражениям на них. А пока посмотрим, какова была реакция ученого собрания под председательством знаменитого профессора психиатрии барона Рихарда фон Крафт-Эбинга (1840–1902) на его доклад 21 апреля 1896 года. Пять дней спустя в письме Флиссу Фрейд сообщает:

«Ослы оказали ледяной прием моей лекции об этиологии истерии, а Крафт-Эбинг обронил странное замечание: *«Звучит как сказка с научным уклоном»*. И это после того, как им продемонстрировали решение тысячелетней научной загадки, можно сказать, истоки Нила!»

Надо полагать, этот факт не вызовет у читателей такого наивного удивления, как у Фрейда – хоть он был уже далеко не юношей: в тот год ему исполнилось 40 лет. Он придавал огромное значение своим исследованиям: на фоне тогдашнего состояния науки они и в самом деле были ярким лучом света. Но дело не ограничивалось любовью к истине и состраданием к больным (последнее качество хорошо видно у молодого Фрейда; позже оно улетучится): в денежном смысле жизнь его семьи была далека от благополучия, и Фрейд рассчитывал, что этот успех станет поворотным пунктом в его карьере.

Само по себе такое желание вполне естественно и ничем не предосудительно. Однако еще через неделю Фрейд пишет Флиссу:

«Я в полнейшей изоляции... Пущен слух, чтобы всем от меня отвернуться, и вокруг меня уже образуется вакуум».

Несколько раньше он передает мнение своего бывшего учителя, сотрудника и друга Йозефа Брейера (1842–1925) в отношении своих исследований:

«[Брейер] считает, что я должен ежедневно проверяться, не страдаю ли я моральным уродством или научной паранойей».

Немецкий рецензент расценил клинические материалы Фрейда как «сексуальный треп», а его методы лечения – как «психиатрию старых баб»⁹... Но Фрейд ясно видел важность своих открытий; из переписки мы узнаем, что год–полтора спустя его уверенность в сделанных выводах только укрепилась за счет новых сведений. 22 декабря 1897 г. он посылает Флиссу историю болезни, где речь идет о садисте, искалечившем жену и дочь, и с протокольной точностью приводит врезавшуюся в память ребенка сцену нервного припадка ее матери, в котором легко различаются гнусные подробности ее «отношений» с извращенцем-мужем.

«Откуда она может знать [если допустить, что это не воспоминание, а фантазия], что во время припадка больная сама повторяет насильственные действия, совершенные над нею когда-то? Откуда она может знать, какое положение принимает тело и т.д.?... Новый девиз: *«Кто эту боль, дитя, тебе нанес?»* Впрочем, довольно моих грязных историй.»

Удивительным образом, ничего не значащая заключительная фраза стала пророческой. С «грязными» историями зла, горя и боли было покончено; на смену им пришли истории не в пример грязнее. Строка из песни Миньоны (из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера») не стала девизом психоанализа и даже не попала в его анналы: это письмо, наряду с предыдущими отрывками и множеством других материалов, было признано «не относящимся к делу» и вовек не увидело бы света, если бы не упорство и внимание Джеффри Мэссона.

От факта к фикции, или рождение психоанализа из пены морской

Как известно, из пены морской родилась древнегреческая богиня Афродита, ответственная за те самые функции, которые так волнуют фрейдистов. Заметим, что пена (*«афрос»*) была не природного происхождения: она возникла под ударами морских волн из некоей части тела бога Урана, отсеченной любящим сыном Кроном, – наподобие как взбивают яичницу. Но это не единственное объяснение имени богини: *«афросини»* означает «безумие», что весьма точно

⁹ В.Э.: Видимо, «старых дев».

соответствует ее прямым служебным обязанностям. Впрочем, когда идет речь о рождении психоанализа, у нас есть основания для аналогии как с той, так и с другой версией.

* * *

Большинство из тех, кто знаком с психоанализом и его историей, прочтя предыдущую главу и ожидая найти там какие-то сенсационные разоблачения, лишь плечами пожмут: всё это давно и хорошо известно. Ничем не удивит их и содержание опубликованных Мэссоном писем Фрейда; разве что датировка заставит самых дотошных слегка поскрести в затылке. Мало ли о чем там Фрейд узнал в парижском морге; мало ли какие драмы случаются временами, в том числе и с детьми... Всё это в буквальном смысле *не относится к делу*. В доказательство они снимут с книжной полки любое из десятков справочных, популярных или специальных изданий и в один голос прочтут нам что-нибудь в таком духе:

«...Снова и снова узнавал он от своих пациентов, что в детстве они подвергались насилию или разврату. Вслед за тем Фрейд сделал новое открытие: все эти события прошлого были плодами их фантазии на почве инфантильных эротических переживаний.»

Вот так: *новое открытие*, не больше и не меньше. Согласно официальной истории психоанализа, Фрейд сделал его не позже осени 1897 года, поскольку в письме всё тому же Флиссу от 21 сентября он пишет, что отказывается от своей теории о происхождении неврозов. На каких основаниях? Их нет смысла перечислять: Фрейд почти дословно повторяет прошлые возражения своих оппонентов, приведенные выше вместе с их опровержениями. Но теперь почему-то Фрейд с ними полностью согласен... И вполне естественно, что в отличие от прежних уголовных историй, новости об «эротических фантазиях» были восприняты интеллигентной публикой с изрядным энтузиазмом: научная карьера Фрейда пошла, наконец, на взлет.

«Новое открытие» – это и есть догмат психоанализа в узком, классическом смысле, хотя сам Фрейд, как мы видели выше, не возражал против гораздо более широкого определения. Когда его слава уже была в зените, он не раз писал о своих «ошибках молодости», о том, как он был «непростительно доверчив» к словам пациентов и, «принимая фантазию за факт», оставался слеп «ко всему широкому спектру детского эротизма». И нечего теперь ворошить «плоды эротических фантазий», даже если они в чем-то и напоминают отдельные неприятности из области реальной жизни. Открытие сделано, назад его не закроешь...

Но так ли оно было в действительности? Насколько убежден был Фрейд в своем «новом открытии»? Об этом можно судить по тем же самым письмам Флиссу. Вспомните: три месяца спустя после официальной даты открытия «инфантильных фантазий», 22 декабря 1897 г., Фрейд сообщает ему о новых клинических данных и о новом девизе: «Кто эту боль, дитя, тебе нанес?» Видимо, процесс вытеснения фактов фантазиями сопровождался упорной борьбой с совестью врача.

И современные фрейдисты прекрасно понимают, на чем построено причудливое здание их так называемой науки. Анна Фрейд пишет Джеффри Мэссону (10 сентября 1981 г.) по поводу обнаруженных им материалов:

«Сохранить гипотезу о реальности развратных действий означало бы отказаться от Эдипова комплекса, а вместе с ним – и от принципиальной роли сексуальной фантазии, сознательной или бессознательной. По существу, я полагаю, это означало бы потерять весь психоанализ.»

Издатели «Происхождения психоанализа» тщательно вымарали все упоминания о случаях растления и развращения детей из писем Фрейда, написанных после 21 сентября 1897 г. Перед нами тот самый случай, когда правду можно обнаружить лишь буквально «читая между строк».

* * *

И всё же это еще не острие иглы. Мы ведь имеем дело не с математикой, химией или биологией: здесь открытия другого рода, и критерии истины другие. Как бы серьезно не относились мы к свидетельствам пациентов Фрейда, мы не можем с уверенностью утверждать, что все они истинны: в конце концов, заблуждения и фантазии действительно свойственны людям. Что если Фрейд, на основании неких данных (в том числе – «самоанализа»), и в самом деле сделал некое новое открытие? Может статься, ему придали излишнее значение, но впоследствии всё утряслось: и досадным половым злоупотреблениям, и всеобщему Эдипову комплексу есть место в этом прекрасном и яростном мире...

Именно так рассуждает сегодня и публика, и большинство специалистов. Нет смысла толковать им о христианском мировоззрении, которое-де противоречит фрейдизму. «Очень хорошо, – скажут они нам, – оставайтесь при своем мировоззрении, никто вас не гонит. Сами видите: сколько людей, столько и мировоззрений. Главное, чтобы никто не настаивал на абсолютной истинности своего мировоззрения, и всё будет в порядке...»

Какой будет порядок, известно: кое-где он уже замечен. Очень важно понять самим и внушить нашим оппонентам (кто способен слышать), что спор не о мировоззрениях и взглядах, а о *событиях и фактах*, наблюдаемых и проверяемых в земном, видимом мире всеми желающими, кто бы они ни были. В этом и состоит принцип научного знания, в этом и основа нашей общности с такими людьми, как д-р Мэссон. Нас самих это нимало не удивляет; а если наши оппоненты всерьез зададутся вопросом, почему так вышло, он приведет их к очень интересным выводам касательно христианского мировоззрения. Но это уже другой разговор.

Итак, надо не просто доказать, что «новое открытие» Фрейда уводит от фактов к фикции, но и обнаружить саму эту фикцию, и понять, почему она была для него так привлекательна, и почему осталась привлекательной в наши дни. Однако в гуманитарных областях, сегодня как и 100 лет назад, научная мысль обладает редкостной свободой. Парит себе вольной птицей в небесах: легко ли достать ее стрелой? Легко ли найти яйцо, вытащить иглу? Посмотрим, как это удалось Джеффри Мэссону.

* * *

Эмма Экштейн была родом из хорошо известной в Вене семьи социалистов. Ее брат сотрудничал с Каутским, сестру одну из первых среди женщин выбрали в парламент. Сама она выступала в печати по различным социально-гигиеническим вопросам, в том числе – о «сексуальном просвещении» детей. Недаром, видимо, на секспросвете тяготеет проклятие; однако эта несчастная женщина заслуживает не злорадства, а сострадания за всё то, что ей довелось перенести, независимо от своих предрассудков.

Она начала лечиться у Фрейда в 1892 г., когда ей было 27 лет. От чего в точности она лечилась – неизвестно; среди симптомов были боли в нижней части живота и расстройство менструального цикла. В процессе психотерапии выяснилось, что в детстве она перенесла посягательство педофила. Теперь нас уже не удивит материнская забота об интересах читателя со стороны Анны Фрейд:

«...Многие письма к Флиссу, где идет речь об Эмме Экштейн, мы изъяли из публикации, чтобы читатель не запутался.»

Эмма Экштейн

Но в истории психоанализа Эмме досталась особая роль. В то самое время, когда Фрейд пытался помочь ей прояснить память прошлого, его верный друг Флисс усиленно собирал материалы для своей новой работы под названием «О причинной связи между носом и женскими репродуктивными органами». Никаких признаков реальности такой связи обнаружить не удалось; однако в феврале 1895 года Флисс кладет инструменты в саквояж, садится в поезд и едет в Вену.

С согласия Фрейда и при его помощи Флисс удалил Эмме Экштейн малую носовую раковину – одну из костей в нижней части боковой стенки носовой полости. Звучит это как дурной анекдот про хирурга в клинике, долго выбиравшего, что бы такое отрезать больному «на бис»... Но смеяться здесь решительно нечему: молодая женщина, обезображенная бессмысленной операцией, на всю жизнь лишилась здоровья и сравнительно рано сошла в могилу.

Почему Фрейд, так заботившийся о своих больных, а об Эмме – особенно, согласился на операцию? Очевидно, дружба с Флиссом в те годы значила для него слишком много. Судя по письмам, Фрейд дал себя убедить, что операция эта «совершенно безвредная»... Это была дань, с одной стороны, механистическому духу времени, а с другой – влиянию Флисса, воплотившему этот дух в наихудшем виде. Так в наши дни энтузиасты-любители перебирают двигатели своих мотоциклов и ставят никому не ведомые программы на свои компьютеры: но это всё же машины... Как показал Мэссон, именно идея «безвредности» операции вместе с ее горестным опровержением шаг за шагом подвела Фрейда к его «новому открытию».

* * *

Флисс возвратился в Берлин, оставив Эмму на попечении Фрейда, который писал ему регулярно и часто, сообщая о положении дел. После операции состояние больной внушало всё

большую тревогу: отеки, обильные кровотечения из раны, признаки нагноения. Так прошло две недели; Фрейд обращался за помощью к специалистам, но безрезультатно. Наконец, в первых числах марта, осматривавший Эмму отоларинголог

«...Очистил область вокруг раны, удалил сгустки крови, и вдруг нащупал нечто вроде нити; потянул – и прежде чем мы оба успели что-либо сообразить, вытащил из полости не менее полуметра марли. В следующую секунду хлынула кровь. Больная резко побледнела, глаза вышли из орбит, пульс исчез... Это продолжалось около полуминуты, и бедняжка стала совершенно неузнаваемой. Вдобавок ко всему, когда появилось инородное тело, и мне всё стало ясно, и я увидел, что случилось с больной, меня чуть не вывало».

На следующий день более толковому, чем Флисс, хирургу пришлось повторить «безвредную» операцию для очистки и дезинфекции раны. Флисс, между тем, получив неприятное известие, позаботился о том, чтобы затребовать из Вены официальное письмо, снимающее с него ответственность за исход операции. Письма такого он не получил: в большинстве стран, как тогда, так и теперь, «забытая» марля могла бы быть основанием для лишения медицинского диплома, гражданского иска или уголовного преследования.

Ну а что же «стало ясно» Фрейду с такой силой, что он, сорокалетний врач, еле удержался от рвоты, так что его, по собственному признанию, пришлось отпаивать коньяком? Не иначе, что он по гроб жизни виноват перед Эммой, что он безо всякой причины поставил под угрозу ее жизнь и здоровье, и что его приятеля Флисса нельзя на пушечный выстрел подпускать к больным. Он был слишком умен, чтобы этого не понять, и в том же самом письме тому есть ясное свидетельство:

«Мы были к ней несправедливы. В ней не было ничего ненормального. Все дело было в марле...»

Как замечает Мэссон, фраза о «ненормальности», как и приступ рвоты, выдает настроение Фрейда. После нескольких лет лечения нервного расстройства Эммы Экштейн он с раскаянием признавал, что ненормальность надо искать не в ней, а в нем самом и в его «забывчивом» коллеге, едва не отправившем ее на тот свет.

Однако продержалось у него это покаянное настроение очень недолго. Вопреки его ожиданиям, после удаления инородного тела и повторной операции состояние больной оставалось тяжелым. Продолжались обильные кровотечения; на подозрении была сонная артерия. В последующих письмах Фрейда ясно слышен профессиональный холодок, и сочувствие изувеченной девушке сменяется сочувствием к изувечившему ее шарлатану:

«Мрачные времена, непередаваемо мрачные. Прежде всего, эта история с Экштейн, которая быстро катится к развязке»... «Я потерял надежду, что она выживет, и не нахожу себе покоя из-за того, что втянул тебя в такой переплет».

Из-за Эммы он уже покоя не теряет. И пока венские врачи пытаются найти средство от угрожающих ее жизни внезапных кровотечений, Фрейд озабочен поддержкой своего незадачливого друга. Вполне естественно, что его мысль движется по накатанным психоаналитическим рельсам:

«...У нее сказываются невропатологические последствия инцидента: истерические припадки по ночам и т.д., чем мне и предстоит заняться. А тебе уже пора простить себе это мелкое упущение...»

Джеффри Мэссон подчеркивает, что к такому же выводу – об *«отчаянных попытках Фрейда уклониться от признания потенциально смертельной ошибки Флисса, за которую тот подлежал суду»* – независимо от него пришел другой исследователь, Макс Шур, чья работа также осталась неопубликованной. Можно сказать, что раскаяние Фрейда оказалось «вытеснено» у него из сознания, хотя и далеко не самопроизвольно. Уместно привести заключение, сделанное д-ром Мэссоном на основании писем Фрейда за март–апрель 1895 г.:

«Фрейд начал представлять дело Флиссе и самому себе таким образом, что источник неприятностей у Эммы Экштейн лежит не во внешнем мире (двое не в меру ретивых докторов), а

внутри нее самой. Открытое им мощное оружие – объяснение физических болезней душевным состоянием человека – он применял теперь для защиты своего сомнительного поведения и еще более сомнительного поведения своего ближайшего друга. Фрейд взялся сочинять оправдания для своей собственной нечистой совести.»

Такой вывод нуждается в более серьезных обоснованиях, чем несколько туманных намеков, тем более что к маю месяцу («вопреки усилиям врачей», как бы сказал Лев Толстой) непосредственная опасность для жизни Эммы миновала. Но настоящий ученый не ограничится парой надерганных там и здесь цитат, а исследует весь объем доступного материала прежде чем делать выводы (еще одно важное сходство с православным мировоззрением вообще и с православным богословием в частности). И действительно, Мэссон обнаружил, что через год, весной 1896 года, Фрейд снова возвращается к этой истории – как раз когда Крафт-Эбинг произвел на него впечатление своим замечанием о «сказке с научным уклоном». Он сообщает Флиссу, что нашел

«...Совершенно неожиданное объяснение кровотечений у Экштейн, которое тебе будет весьма приятно». «...Я могу тебе доказать, что ты был прав: ее кровотечения были истерической природы, по причине неудовлетворенной прихоти, возникавшие по всей вероятности в периоды, связанные с половым циклом (из-за сопротивления пациентки мне пока не удалось это выяснить).»

Прежде всего, отсюда видно, где Фрейд черпал свои идеи (*«ты был прав»*; письма Флисса Фрейду не сохранились). Какой же научной истине, открытой ему некогда Флиссом, нашел теперь подтверждение Фрейд? Что Эмма истекала кровью вовсе не потому, что некий мясник, сделав опасную и абсолютно бессмысленную операцию, забыл у нее в носовой полости полметра хирургической марли: нет, всё дело в ее истерических прихотях и половых циклах. В упомянутом опусе Флисса мы находим сходный случай кровотечения после такой же операции, растолкованный с обычным для Флисса математическим блеском в терминах 28-дневных и 23-хдневных периодов.

Итак, Эмма сама нафантазировала себе кровотечения из сонной артерии; если год назад Фрейд был еще не готов принять такую «теорию», то сейчас он созрел. В последующих письмах развивается та же тема, с упором как на идею «перенесения», так и на циклы и даты, до которых Флисс был большой охотник:

«Пока могу определенно сказать, что ее кровотечения были результатом прихоти... Когда она заметила мою реакцию на ее первое кровотечение, для нее это было реализацией давнего желания быть предметом нежной заботы во время болезни... Позже она потеряла сон за счет подсознательного желания видеть меня ночью, но по ночам я у нее не появлялся, и тогда она возобновила кровотечения как безотказный способ стимуляции моих нежных чувств. Внезапные кровотечения повторялись трижды, и подолжались каждый раз четыре дня; в этом наверняка есть глубокий смысл»... «Специфические даты ее периодов к сожалению не были никем зарегистрированы».

Проделанная научная работа позволила Фрейду прийти к окончательному выводу, с которым он ознакомил Флисса в январе 1897 г.:

«Что касается кровотечений, то ты абсолютно не при чем.»

* * *

Дадим слово д-ру Мэссону для подведения итога:

«Фрейд стоял перед выбором: либо признать свою вину за несчастье с операцией, просить прощения у Эммы, изложить ситуацию Флиссу и принять ответственность за последствия – либо изобретать оправдания. Он выбрал второе. Но для этого ему пришлось сконструировать теорию, в которой реальные страдания пациента становятся фантазиями. Если болезненные симптомы Эммы Экштейн (кровотечения) не имеют ничего общего с реальными событиями (операцией Флисса), то и сведения о ее прежних травмах также естественно превращаются в фантазии. Дружеская услуга Флиссу отозвалась далеко за пределами одной истории болезни.»

Непосредственно вслед за тем и было сделано «новое открытие», хотя, как мы видели, и не без горьких сомнений со стороны Фрейда.

«Теперь выходило, что нет никакой разницы между реальными и воображаемыми событиями. Существенны лишь психологические последствия тех или других, а они, согласно новому взгляду

Фрейда, неотличимы друг от друга»... «Никто не принял всерьез работы Фрейда 1896 г. о происхождении неврозов; никто не критиковал ее с научной точки зрения; ничего, кроме ругани, ни от кого он не слышал. Что ж; в конце концов он и сам стал на сторону своих противников... Перенеся фокус с истинных страданий, горя и жестокости на некую внутреннюю сцену, где душа разыгрывает выдуманную пьесу для несуществующей публики, Фрейд начал отторжение науки от реального мира; в итоге – бесплодие современной психотерапии и психиатрии.»

И, наконец, самое острое, буквально кончик иглы под микроскопом: заключительные строки упомянутого письма Флиссу от 21 сентября 1897 г., где Фрейд пишет об отказе от своих прежних взглядов и о постигшем его разочаровании:

«...У меня и вправду немало причин для досады. Так приятно было ожидание неуязвимой славы, как, впрочем, и определенного достатка, полной независимости, возможности для путешествий, для воспитания детей без тех суровых лишений, в которых пропала моя молодость. Всё зависело от того, выйдет ли толк из истерии. А теперь снова надо быть тихим и скромным, снова беспокоиться, откладывать на старость...»

Люди с так называемым «рациональным мышлением» любят повторять, что бытие определяет сознание. Что ж, доля истины в этом есть. Психоаналитическая революция в сознании Фрейда, подготовленная прошлыми событиями, оказалась если не определена, то спровоцирована простейшим бытовым поворотом: «из истерии не вышло толку», а ему уж так не хотелось снова быть скромным...

Страдание и смерть Шандора Ференци

«Посягательство на правду» – книга небольшая, но крайне насыщенная: недаром понадобились такие героические усилия чтобы обогатить ее и ее автора. Нам пришлось пройти мимо целого ряда важных разделов: о публикации ранних работ Фрейда, об изучении его библиотеки, о спорах касательно доверия к показаниям детей, об интересе Фрейда к следственным данным эпохи «охоты на ведьм» (XVI–XVII в.в.), о его сотрудничестве со знаменитым мюнхенским психиатром Л. Левенфельдом, о книге Х. Эллиса, на которую ссылается Фрейд в поддержку своего «нового открытия», и о доказательстве Мэссона, что эта ссылка сделана вслепую, о сыне Вильгельма Флисса Роберте, что было с ним в детстве и к каким выводам он пришел, когда сам стал психоаналитиком, о взаимоотношениях Фрейда с Эммой Экштейн и т.д. И это не говоря о том, что Мэссон написал еще с десяток книг (помимо чисто научных работ) на всевозможные темы, от близких к нашей («Билет в психоанализ, туда и обратно») до весьма далеких («Нераскрытая тайна Каспара Гаузера»).

Необъятного не охватишь; но к одному-единственному предмету из «Посягательства на правду» нам все-таки необходимо вернуться. И не только потому, что мы увидим и очень существенное подтверждение первоначального открытия Фрейда, из которого «не вышло толку», и поразительный портрет Фрейда в старости; если фрейдовский психоанализ был крупным и уверенным шагом от факта к фикции, то мы увидим, как в среде фрейдизма возникло некое обратное движение.

* * *

Шандора Ференци (1873–1933) можно по праву назвать любимым учеником Фрейда. В известной мере он заменил ему Флисса, с которым Фрейд порвал в начале 1900-х г.г.; но тут уже расклад сил был совсем иным. Вокруг Фрейда сложилась группа почитателей и последователей, впоследствии выросшая в Международную Ассоциацию психоанализа; верность идеям основоположника, естественно, была ее краеугольным камнем. В 20-е г.г. Ференци занимал в ней особое место благодаря своей близости к Фрейду.

Творческими способностями и воображением Ференци вряд ли уступал своему учителю, за что и был всеми чтим. С его именем связан целый ряд психоаналитических концепций, теорий, практических приемов и методов. Экспериментируя с техникой психоанализа, Ференци пытался, проявляя некоторую жесткость, привести больных к воздержанному образу жизни и самоограничению в тех или иных областях, но такой подход далеко не всегда приводил к успеху (что в целом и неудивительно: вред от внецерковного поста и прочих «подвигов» не нуждается в пояснениях).

Шандор Ференци

Однако к концу 20-х г.г. Ференци неожиданно стал вносить нечто новое (лишь для психоанализа, разумеется) в свою практику. Среди терминов, определяющих отношение врача к пациенту, появились «забота», «доброта», «участие», «сострадание», «нежность», «любовь»... Именно такими качествами, на основании своего обширного опыта и глубоких знаний, Ференци рассчитывал преодолеть замкнутость больной, раненой души; во многих случаях это ему удавалось. Помимо традиционных для психоанализа интересов, Ференци стал обращать внимание на такие области психики пациента, как чувствительность к правде и искренности. Элизабет Северн, ученица Ференци, пишет о нем, что он, наперекор общепринятым методам, сумел стать «добрым самарянином» для страдающих пациентов, то есть «целителем души». В какой мере Ференци и подобные ему психотерапевты могут считаться подлинными целителями души? Тема эта сродни упомянутому выше вопросу о разнице между психоанализом и изгнанием бесов или исповедью. Ответить далеко не просто; мы мало что знаем о бесах, а больше этого узнать неспособны: бесы не относятся к материальному миру, научное знание к ним неприменимо (забывая об этом, люди, даже верующие, становятся жертвами неслыханного жулья).

Церковь, из своего тщательно взвешенного векового опыта, сообщает нам о мире падших духов ровно столько, сколько полезно нам знать для защиты от них на нашем земном пути; то, что не сообщается, пошло бы во вред. И если научное знание остается истинным и действенным независимо от личности (то есть *объективно*), то знание духовное бессмысленно и бездейственно в отрыве от живой, активной веры, от христианской жизни. Иначе говоря, защита верующего от духов зла – не «техника», не «метод», не «обряд», а *общий молитвенный подвиг* его самого (кроме некоторых случаев, например крещения младенца), его близких, священнослужителей и всей Церкви в целом.

А способен ли психотерапевт защитить от бесов неверующего? Может быть. Ведь недаром как раз на слова ап. Иоанна о человеке, «который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами», сказано: *«Не запрещайте ему»*. Могут возразить, что психотерапевты, даже лучшие из них, навряд ли действуют «именем Божиим», – но Спаситель продолжает: *«Кто не против вас, тот за вас»*. Очень важно видеть разницу между этими словами, сказанными о посторонних, не знающих истинного Бога, но способных прийти к Нему людям, и грозным предупреждением: *«Кто не со Мною, тот против Меня»*. Оно обращено к фарисеям, знавшим, кто Он, и своею волей отвергших Его.

Приблизительно то же относится и к исповеди. Исповедь – опять же не «техника» и не «метод» (хотя она обязательно включает в себя и то, и другое): это святое Таинство покаяния, устроенная Церковью встреча верующей души со своим Творцом. Вопрос «Что будет на исповеди с неверующим?» лишен смысла: прежде всего не будет исповеди. Но из этого вовсе не следует, что психотерапевт, подражающий в чем-то священнику на исповеди, не способен помочь своим неверующим пациентам: если, по словам ап. Павла, «дело закона написано у них в сердцах», то те самые качества, которые «открыл» Ференци, – доброта, участие, сострадание и любовь – становятся для них лекарствами.

Беда, однако, в том, что в психоанализе лекарства даются и принимаются наудачу, вслепую, – так что дело может кончиться трагедией и для больного, и для лекаря. В худших случаях психоанализ подобен попытке, подковырнув крышечку, починить ногтем карманные часы: иной раз, глядишь, что-то и получится...

* * *

В одной проповеди было как-то сказано:

«Что значит *«Сердце чисто созижди во мне, Боже»*? Это значит, когда жена спрашивает у тебя, «О чем ты сейчас думаешь?», ты хочешь ответить ей не задумавшись ни на секунду.»

Очищение сердца – дело длиною в жизнь. Многие ли не задумаются, прежде чем ответить на такой простой вопрос даже самому близкому в мире человеку? Недаром Бог создал нашу душу непроницаемой для обычного взгляда. Недаром исповедь покрыта строжайшей тайной, причем с *обеих* сторон. Мало того: исповедь, как правило, не включает в себя «откровения помыслов», то есть отчета о своих мыслях и образах, явно не связанных с собственными поступками и душевными состояниями: надежный подход к случайным помыслам – игнорировать их (хотя и это далеко не просто).

Этой азбуке православного верующего, как, впрочем, и соображениям здравого смысла, фрейдистская практика решительно противоречит. Данные психоанализа в той или иной мере разглашаются, становятся предметом ученых рассуждений или скандальных слухов. Психоаналитики к тому же подвергают анализу друг друга, особенно в процессе обучения; на основании

этого возникали долгие конфликты между приближенными Фрейда. И даже дружба между этими людьми имела под собою нечто ненормальное и нездоровое, так что последствиям не приходится удивляться.

Неприятное отношение Фрейда к Ференци, судя по их переписке, развивалось в течение нескольких лет, но до последнего времени этот факт тщательно скрывали: большинство материалов осталось под спудом, а в «официальной» биографии Фрейда, работе видного психоаналитика Эрнеста Джонса (1879–1958), Мэссон обнаружил пропущенную без многоточия фразу в письме Фрейда, которая выдает истинное положение дел: Фрейд проводит параллель между психотерапией Ференци и давнишней некрасивой историей с одной его пациенткой...

Впоследствии Фрейд писал про Ференци:

«Нам стало известно, что им полностью овладела одна-единственная проблема. Для него не было ничего важнее, чем лечить людей и помогать им».

Казалось бы, лучшего комплимента врачу не придумаешь. Однако Фрейд имеет в виду, что тот в своих исканиях якобы сошел с надежной позиции, перешел разумные границы. Какая эта позиция и какие это границы, Фрейд не указывает, но кое-что на эту тему можно найти в неопубликованном дневнике самого Ференци:

«...Вспоминаю, как Фрейд в моем присутствии, рассчитывая, очевидно, на мою скромность, называл пациентов «*Gesindel*» – «сбродом»».

Удивительный человек встает перед нами. Удивительный даже на вид, по сравнению с прочими столпами психоанализа. Несмотря на всю свою «психоаналитичность» – настоящий, живой, добрый, чувствующий и думающий человек. Не слишком ли много для фрейдовского «внутреннего круга»?

* * *

И действительно, слишком много. Это стало ясно во время подготовки к 12-му Конгрессу Ассоциации психоанализа осенью 1932 г. в Висбадене. Докладу, который Ференци на нем сделал, д-р Мэссон посвящает особенное внимание и приводит его полный текст в качестве приложения к своей книге. Обсуждается там знакомый нам предмет – развращение детей взрослыми, особенно родственниками, – хоть и упакованный в уклончивую и обманчивую фрейдистскую терминологию. Но не стоит предъявлять за это претензий к Ференци: он был продуктом психоаналитической среды, он вырос на ней, и если теперь ему открылся обратный путь от фикции к факту, этот путь был *гораздо* труднее, чем дорога туда.

По существу Ференци воспроизводит тезисы Фрейда 1896 г. в свете собранных за долгие годы сведений. Но он уже не считает этих сведений фантазиями. Мэссон пишет:

«Доклад Ференци, как бы демонстрировал слушателям ход развития психоанализа, если бы Фрейд не отказался от своей гипотезы о происхождении истерии. Но поскольку Фрейд в действительности отказался от нее, его работа стала поперек всему прежнему направлению науки. И это, конечно, не уклонилось от внимания рецензентов.

«...Повторив содержание работы Фрейда 1896 г., Ференци идет дальше: он исследует защитные реакции, вызываемые детскими травмами. Его доклад – это ответ Фрейду, закрывшему глаза на реальность развратных действий над детьми; Ференци показывает, как реальная травма влечет за собой ужасные фантазии [речь идет о кошмарах и навязчивых страхах], которые вовсе не заменяют собой истинного события. Причина болезни – то, что произошло с человеком, а вовсе не то, что ему кажется.

«Ференци словно говорит Фрейду: *«У вас не хватило отваги устоять в истине и защитить ее. Вся ваша школа психоанализа – плод вашей трусости. Я больше не хочу ей принадлежать. Я не стану выдавать ложь за правду.»*»

Накануне Конгресса Ференци сам прочитал свой доклад Фрейду. На следующий день тот писал организаторам (сам он в Висбаден не поехал из-за болезни):

«Ему нельзя разрешать выступление с этим докладом. Пусть либо сделает другой доклад, либо молчит...»

Доклад свой Ференци всё же сделал. Реакция слушателей – единообразно отрицательная: «распространение подобных взглядов опасно для общества». Публикация доклада по-английски

(ведущая роль в психоанализе того времени уже переходила к США, но большинство американских специалистов иностранными языками не владели) задержалась на 17 лет. Тотчас после Конгресса Фрейд извещает Джонса (неопубликованное письмо):

«Курс, взятый Ференци, конечно, весьма огорчителен... Последние три года я наблюдаю у него все большее отчуждение, невнимание к предупреждениям об ошибочности его методов, и что важнее всего, личную неприязнь ко мне.»

* * *

Ференци умер через 9 месяцев после Конгресса. Современные источники указывают, что «отношения между Фрейдом и Ференци открыто разорваны не были». Это правда: его затравили втихую. Живой, правдивой и любящей душе, вытянувшейся из фрейдистского болота благодаря состраданию к больным, нужна была броня истины и веры, которую Бог дал любящим Его душам: *«Мне убо еже жити – Христос, и еже умерети – приобретение»*. А без нее, беззащитная перед ложью и злом этого мира, она погибла как цветок на морозном ветру. Из дневника Ференци за октябрь 1932 г.:

«...Лишь тогда я был храбрым, лишь тогда был способен к чему-то, когда подсознательно прибегал под его [Фрейда] защиту: получается, что я так и не стал взрослым. Научные достижения, брак, споры с влиятельными коллегами – всё это было возможно лишь под прикрытием той идеи, что я при всех обстоятельствах могу положиться на него как на отца... Что же теперь? Единственный способ выжить – это отказаться в огромной степени от самого себя, чтобы выполнять волю этой «высшей силы» как свою собственную?»

«...В 59 лет я стою перед выбором: умереть или перестать быть собой? А с другой стороны, есть ли смысл в том, чтобы всего лишь продолжать жизнь (и исполнять волю) кого-то другого? Не слишком ли это похоже на смерть? Рискую такой жизнью, много ли я теряю? Кто знает?... Не скрою, я был рад даже нескольким теплым словам в письме от Джонса; все отвернулись от меня... Все боятся Фрейда; никто не хочет не только видеть правду в нашем споре, но и просто пожалеть меня.»

Через неделю после его смерти Фрейд пишет Джонсу (неопубликованное письмо):

«...У него был какой-то параноидальный бред: он верил всяким странным историям о детских травмах и пытался их защищать от критики. В таких расстройствах угас его некогда блестящий интеллект. Но лучше сохраним печальные подробности его исхода между нами.»

Джонс отвечает Фрейду в следующих теплых словах (неопубликованное письмо):

«...Что Ференци был параноиком, боюсь, ни для кого не секрет: это было достаточно очевидно всем участникам Конгресса после его доклада».

А в биографии Фрейда Джонс освещает дело под несколько иным углом:

«Моя переписка с Фрейдом, и как собственная моя память, не оставляет никаких сомнений, что слухи о его неприязни к Ференци насквозь лживы».

Индустрия разводов, ручные акулы и обжорство на нервной почве

Пророк предупреждает нас, что пословица о кислом винограде отцов и оскоmine у детей далеко не универсальна: «Каждый будет умирать за свое собственное беззаконие», – говорит он, – «кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет». Но, конечно, этим не устраняется причинная связь между прошлым и будущим. Виноград XIX века оказался столь кисл, что от него в XXI лезут глаза на лоб, и чем дальше – тем хуже. Чтобы не умереть за свое собственное беззаконие, мы должны разбирать доставшиеся нам в наследство плоды, а не лопать всё подряд без разбора.

Чем же обернулось для нас наследие Фрейда? Проследить за ним лучше всего по реальностям современной американской жизни: здесь фрейдизм получил свою первую постоянную прописку, здесь он выбрался из кабинета врача на авансцену массового сознания. И здесь же мы сегодня видим поразительно много общего с тематикой «Посягательства на правду». К тому же, не приходится забывать, что когда в Америке празднуют, всему миру икается.

Была такая давняя шуточная история: как в разных странах мира, в зависимости от своих порядков и обычаев, издавали книгу про слонов (нам она кстати потому, что недавняя книга д-ра Мэссона называется «Когда слоны плачут»). Так вот, в США прежде всего массовым тиражом выйдут две книжечки, «На слоне за миллионом» и «Золотой хобот вашего бизнеса», причем одна начисто опровергнет другую. Затем какой-нибудь университет выпустит нечто солидное, под многозначительным заголовком «Американский избиратель: Час Слона»; и наконец, с опозданием на 18 месяцев, федеральное издательство в Вашингтоне опубликует свод административных положений о выпасе слонов на шестистах пятидесяти страницах, потом – сборник дополнений и разъяснений вдвое большего объема, и далее – список поправок и опечаток к первому и второму.

Иными словами, Америка способна превратить в карикатуру всё, что угодно. Происходит это по трем каналам: а) деньги, б) политика, а точнее, влияние на избирателей, и в) вмешательство властей. И действительно, хотя все три фактора тесно связаны друг с другом, ни один из них не сводится к остальным. Кто учил математику, тот назовет их неортогональным базисом американской жизни (или пародии на жизнь). Попробуем разложить нашу тему по этим трем составляющим.

* * *

Начнем с политики. Старинное правило гласит: «*Натрави богатых на бедных, а бедных на богатых; одни дадут тебе деньги, а другие – голоса*». И всё шло бы как по маслу, если бы не конкуренция: слишком много стало желающих стравливать людей по классовому принципу. А не стравливать, как вы понимаете, нельзя: без страха, зависти и злобы вряд ли возможно контролировать избирателей.

Раз так, надо искать новых путей. Можно, например, натравить мужчин на женщин и наоборот. Это, конечно, гораздо труднее, но зато и возможности богаче: семья – последняя линия обороны перед Новым Мировым порядком. Расколи семью, и открывается очень заманчивая дорога. Вспомним «Отважный новый мир»¹⁰ О. Хаксли: чтобы заставить свою утопию «работать», чтобы сделать ее живой, четкой и логичной, ему пришлось уничтожить семью подчистую. Насколько важно это решение, видно уже из композиции романа, который открывается описанием «технологической линии» по производству граждан. Заметим, что Дж. Оруэлл, неизмеримо превосходящий Хаксли как мыслитель и художник, не рискнул на такой же шаг в «1984-м» и разыграл там другой сценарий, куда менее яркий, но зато более реалистичный. Впрочем, это уже другая история.

Идеология феминизма – это гибель семьи. (Предвижу обильные возражения, но позвольте напомнить, о чем идет речь; любая идеология важна здесь лишь в той мере и в той форме, в какой она воздействует на избирателей.) В одной команде с феминизмом, как ни странно, играют наследники доброго доктора Кинзи. В 1973 году на гребне волны феминизма Верховный суд США легализовал аборт по первому требованию. Но идеология лжи, как показала Х. Арендт в упомянутой книге о происхождении тоталитаризма, без движения не работает: она должна развиваться, двигаться вперед, – иначе она вянет. И в 1978–80 г.г., словно очередной фасон туфель, на политической сцене появляется новый термин: кровосмешение. Вот вам ваша «традиционная семья»! Вот вам ваша «традиционная мораль»! Женщин ставили в известность, что в раннем детстве мужчины употребляли их на потеху своему сладострастию. Пусть не всех, но многих; впрочем, это роли не играет:

«Если вы не помните, как вас растлили, не огорчайтесь: вы не одиноки. Многие женщины не помнят, а некоторые так никогда и не вспомнят. Это еще не значит, что с вами ничего такого не было.»

(Боевой клич феминисток Лоры Дэйвис и Эллен Бэсс – всего лишь жалкий плагиат с замечательной поговорки: «*Если вы не страдаете манией преследования, это еще не значит, что ФБР за вами не следит*».)

Само собой, поднялся спрос на фрейдистский товар; про «фантазии», однако, уже не заикались, а наоборот, упирали на «вытесненную память». Как грибы после дождя росли группы в поддержку жертв кровосмешения и политические комитеты против отцов-детораствителей.

¹⁰ В.Э.: «O brave new world!» – строчка из «Бури» Шекспира (слова Миранды), переводимая по-русски как «О дивный новый мир!». Хаксли озаглавил свою книгу цитатой из Шекспира, и русские ее переводы носят название из перевода шекспировской трагикомедии.

Можно было бы подумать, что такая атмосфера пойдет на пользу книге д-ра Мэссона: но ничего подобного. Никому не нужен такой союзник, для которого правда – всё, а партийная линия – ничто (хотя, разумеется, феминистки и ссылались на его книгу, не будучи в силах понять и десятка страниц). Те же, кто мог бы его понять и всерьез оценить его работу, склонны были априори видеть в ней лишь очередную пачку фем-макулатуры. Так и пришлось ему оставить людей и заняться слонами.

* * *

В послесловии к переизданию «Посягательства на правду» 1992 г. д-р Мэссон признает, что за последнее время отношение психиатрии к реальности детских травм полового характера изменилось на 180 градусов: от упорного отрицания до безусловного подтверждения:

«Перемены были обусловлены тем, что новый контингент пациентов и широкая кампания «просвещения» публики оказались источником немалых доходов.»

Экономические факторы обладают куда большей стабильностью чем политические. Так, в своей книге о злокачественном влиянии фрейдизма на американскую культуру д-р Е.Ф. Торри замечает:

«Вероятно самым существенным последствием фрейдизма стало ощущение вины, которое распространилось на целое поколение родителей... Словно в противоположность библейскому порядку, отцам воздается за грехи детей. Чувство вины за эти грехи требует искупления и очищения, и с этой целью родители прибегают всё к тому же психоанализу. Тем самым учение Фрейда одновременно и генерирует спрос, и предоставляет услуги по его удовлетворению; эта элегантная коммерческая стратегия столь же проста, сколь и прибыльна».

Кто видит здесь лишь беспочвенную иронию, благоволил обратиться к цифрам. За 15 лет, с 1975 по 1990 г.г. число психиатров в США возросло с 26 до 36 тысяч, клинических психологов – с 15 до 42 тысяч, клинических консультантов по социальным проблемам – с 25 до 80 тысяч, и клинических консультантов по семейным проблемам – с 6 до 40 тысяч.

Прогрессивные политические волны набегают одна за одной, оставляя за собою всё тот же страшный след. Еще одна смертельная ложь: «развод по обоюдному согласию». Развод – убийство семьи, и в нем воплощается всё зло, какое ни есть в человеческом сердце. «Обоюдное согласие» адвокаты предпочитают разбирательству дела в суде (последнее хоть и прибыльней, зато кто-то из двух потерпит поражение), но для «согласия» нужна «надежная позиция»... И вот, под диктовку адвоката мать сообщает в суд, что и как сделал отец со своей дочерью, «клинический консультант» пишет свое профессиональное свидетельство о «вытесненных воспоминаниях», по жалобе возбуждают уголовное дело, а затем жалобу забирают в обмен на недвижимое имущество и гарантию щедрого пожизненного содержания. Вот и обоюдное согласие. Пусть не за миллионом, но за приличным финансовым подспорьем на таком слоне только ленивый не поедет: мудрено ли, что консультанты без дела не сидят, а индустрия разводов раскалывает больше половины американских семей?

Однако чем замечателен коммерческий подход к жизни? Отсутствием границ. «Давай-давай» без берегов. Что делать, если нет подходящего мужа для иска о растлении любимой дочери (или там сына, неважно)? Не отчаивайтесь, вам помогут, кого-нибудь да найдут. Хоть бы и родного отца. Но тут, в отличие от бракоразводных дел, иной раз находит коса на камень.

Некая Холли Рамона из штата Калифорния, 23-х лет от роду, в 1990 году лечилась у психоаналитика г-жи Марш Изабеллы. Лечилась, как водится, от обжорства. И благодаря своему мастерству, г-жа Изабелла выявила доселе скрытую причину гастрономических неурядиц своей пациентки: оказывается, ее отец Гэри Рамона лет двадцать тому назад поступил с ней очень гадко. А чему ж тут удивляться? все кругом только и твердят, как отцы насилюют своих дочерей, и какие потом суммы выплачивают по суду.

Шутки шутками, но Гэри тут же уволили из винодельческой компании, где он занимал крупную должность; заодно его бросила и жена. Несчастный человек обратился в суд с ответным иском, только не против дряни-дочери (и в прямом, и в переносном смысле, что с нее возьмешь?), а против г-жи Изабеллы. И присяжные присудили ему пятьсот тысяч долларов. По прочтении вердикта г-жа Изабелла воскликнула, что это удар по ее профессии, и пролила горячую слезу. Может быть доктор Мэссон теперь напишет книгу «Когда плачут крокодилы»?..

* * *

«Защита детей» стала важным инструментом для дальнейшего развала конституционного порядка и усиления вмешательства властей, федеральных и штатных, в частную жизнь. В самом деле, трудно спорить с эмоциональными призывами оградить детей от опасности. На практике, однако, главный итог всех детозащитных мероприятий – подтачивание принципа независимости семьи, то есть опять-таки ее разрушение.

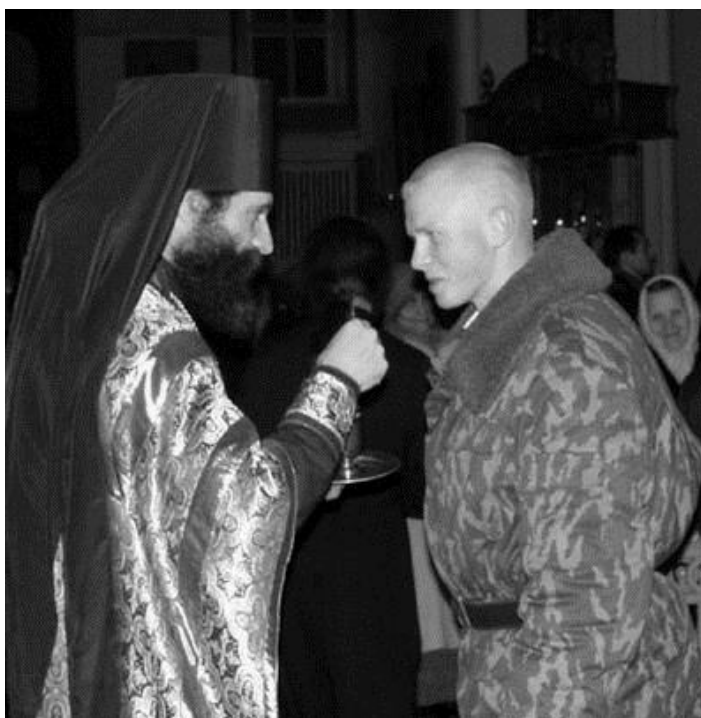
В некоторых штатах чиновникам предоставлено право вторжения в частные дома «в целях защиты интересов ребенка» без законной санкции на обыск. Разного рода опросы и гинекологические осмотры без уведомления родителей вошли в обычай школьной жизни (хотя, как правило, существуют законы, прямо это воспреещающие). Врачи и учителя, обнаружившие нечто подозрительное и не сообщившие куда следует, несут ответственность перед законом «за недонесение о преступлениях против детей».

Всё это приобретает особую остроту в связи с развитием домашней школы. Родители, забирая детей из местных школ, мечтают не только дать им приличное образование, но и вывести их из поля зрения заботливых властей; в то же время профсоюз учителей и «социально-прогрессивные» идеологи с надеждой смотрят на законы «об охране интересов детей» как на верное средство переломить хребет домашнему обучению.

При всем том половые преступления против детей совершаются в ужасающих масштабах; опасность эта с каждым годом усиливается за счет распространения половых извращений, о чем шла речь в выпуске, посвященном Альфреду Кинзи. Процветающий в США оккультизм также вносит сюда свой грязный вклад. Но уголовное преследование виновников осложняется подозрительно высоким процентом напрасно осужденных.

Новая книга отца Макария

Отец Макарий на службе

Названия детских садов МакМартин в Калифорнии и Феллз Эйкерз в Массачусеттсе приобрели громкую славу. В связанных с ними уголовных делах об «оккультных сектах» фигурируют такие материалы, что даже самые опытные комментаторы не пытались сдерживать ухмылку. Четырех–пятiletние свидетели, словно читая по справочнику, давали показания о ритуалах с многообразными способами удовлетворения половой страсти, участники которых в ряде случаев прибывали и убывали на летающих блюдцах, а жертвы шли на корм дрессированным акулам. Надо только учесть, что показания с детей снимают, по поручению суда, знакомые нам «клинические консультанты»...

Обвиняемые по этим и еще нескольким сходным делам после многих лет страданий были оправданы (кое-кто, правда, умер под следствием или в заключении). Но кому и зачем понадобился этот безумный цирк? Объяснение лежит на поверхности: громким скандалом

подорвать доверие к прокуратуре и устранить даже самую возможность уголовного преследования сатанистов.

Как назвать XX век?

Всеобщее желание назвать его зототым не исполнилось. Да и долларowym вряд ли кто его назовет, хотя золото теперь ценят в долларах. Веком мира, добра и благополучия называют его лишь в кругах, близких к обновленчеству («*После конца 2-й Мировой войны других войн уже не было... Сейчас, на рубеже XXI века... человечество отказывается от насилия*»), да в желтых домиках.

Вспоминая о стратегических успехах науки и техники, предлагают XX веку название атомного; оно бы и кстати, да только за полгода до Хиросимы «союзники» сняли не менее богатый урожай с мирных жителей гор. Дрездена посредством обычных авиабомб. Тогда, говорят, назовем его просто кровавым: уж точно не ошибемся. Но в этой связи приходится сделать печальный вывод: если в XX веке кровь лилась как вода, то и цена ей была столь же низкой. Иными словами, крови так много, что она уже ничего не решает и ничего не значит.

Если не кровь, то что же? Что может быть страшнее миллионов загубленных жизней? Ответ известен: «*Не убийтесь от убивающих тело, души же не могущих убить; убийтесь же паче могущего и душу и тело погубить в геенне*». Трезво мыслящие люди, независимо от нации и вероисповедания, всё чаще строят свою оценку происшедшего на основе этих слов.

* * *

Есть превосходная журнальная картинка, один из тех скромных шедевров, в которых, словно допотопные мухи в каплях янтаря, застывают образы наших дней:

Ночь. Лес. Проливной дождь. У обочины машина. Капот поднят; человек держит в руках абсолютно бесполезный гаечный ключ. В окне машины – встревоженные, испуганные детские лица. Человек говорит: «Дети... Сколько раз вам повторять... Я не могу переключить на другой канал.»

Под конец века простой смысл этой сценки оказался вытеснен из коллективного сознания западного мира. Граница между реальностью и фантазией, первую брешь в которой пробил Фрейд, сегодня уже не просто размыта, а совершенно невидима. Сталкиваться с этим приходится ежедневно, и что особенно важно, никого это не трогает.

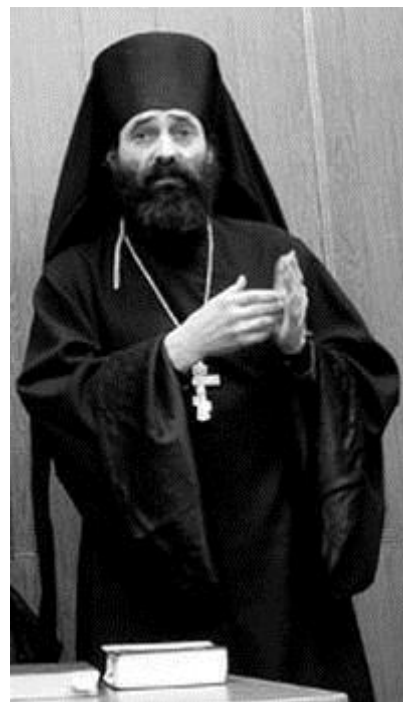
Конец 1999 года в США – «тысячелетнее безумие». Всюду, от первых полос ведущих газет до рекламного листка местной продуктовой лавки, назойливо жужжат, что-де начинается Третье тысячелетие, и что по этому поводу надо думать, делать, и особенно покупать. Но ведь до него еще год, не так ли?... Или, может быть, в Америке особая арифметика? Я зашел в местную библиотеку и спросил микрофильм с газетой столетней давности. Нет, всё в порядке: читателей поздравляют с Рождеством и Новым 1900 годом, а дальше делятся новостями про какого-то сумасброда, вздумавшего встречать XX век на год раньше срока...

Тот, кто знает Америку, объяснит это падением общей культуры: за последние 25 лет реальность чисел и счета выветрилась из сознания публики. Но большого интереса, а тем более беспокойства, никто не проявит. Поделитесь этой историей с кем-нибудь, кто способен ее понять, и в ответ только плечами пожмут: «А что тут такого? 2000, круглая цифра, людям приятно... *годом раньше, годом позже, не все ли равно??*»

Когда Фрейд у себя в Вене еще только-только разбирался со своими фантазиями, было не всё равно. Сегодня стало всё равно, это факт.

* * *

На любой иконе Спасителя есть особая примета, отличающая Его от всех остальных людей. В нимбе вокруг Его головы – буквы $\Omega\Omega\Omega$. Это не сокращение, а причастие мужского рода от греческого глагола «быть», прямая цитата из св. Писания ([Исх. 3:14](#)), где Бог открывает

Отец Макарий при чтении
просветительской лекции

Моисею Свое имя: «Аз есмь Сый» – Тот, Кто есть. «Сие Мое есть имя вечное, и память из рода в род». Бытие – отличительная черта Бога.

Мир существует постольку, поскольку существует Он: «Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть». Различие между фактом и выдумкой, между реальностью и фантазией, лежит в самой основе христианского мировоззрения.

Но часто ли люди, даже если они внимательно смотрят на иконы и читают Евангелие, задумываются об этом? Абстрактные размышления о категории бытия вряд ли относятся к числу наших повседневных забот – по крайней мере, большинства из нас. Наш разум устроен по-другому, он тяготеет к гораздо более конкретным предметам. Конкретным – вовсе не значит низменным, суетным, лишним. Наша церковная, молитвенная жизнь, наша внутренняя и внешняя борьба, вполне конкретна; она ведет (по крайней мере зовет) нас по земному пути к небу, но докторами философии мы при этом не становимся.

Но вот, в поле нашего зрения попадает уже не абстрактная категория, а нечто очень конкретное и близкое из окружающей нас жизни, что волнует наше сердце и занимает наш ум. Именно этим силен Фрейд и многие другие, подобные ему, талантливые мыслители и писатели прошлого и настоящего: не абстракциями, не «учением» самим по себе, а живым, конкретным воздействием на человека. Умеем ли мы, приняв этот материал (кое-какой «материал» мы отбрасываем не глядя, но не о нем здесь речь), обработать его и поместить в рамки христианского мировоззрения? Если нет – беда. Вот тут-то и начнут разваливаться наши собственные категории, тут-то и поползут трещины сначала по картине окружающего мира, а там и по собственной нашей душе. И тогда, расколотая, она уже и вправду будет на всё согласна.

* * *

Так как же назвать XX век? Веком лжи? Отцом лжи, как известно, именуется тот, кто губит душу и тело в геенне. По-английски есть хорошее выражение: *plastic world* – «пластмассовый мир», то есть мир лживый, поддельный, дутый. Какое слово по-русски связано с теми же свойствами – непрочностью, податливостью, дешевизной, фальшью, пригодностью для подделок? *Липа*. XX век – *липовый век*.

Не надо думать, что в липовом мире всё стало липой: это невозможно. Больше того, что липой было, то липой и осталось, а золото осталось золотом, камень – камнем, сталь – сталью. Но вот что исчезло – так это способность и желание различать между липой и не-липой: «*Не все ли равно??*» Телевизор у Оруэлла в «1984-м» умеет следить за зрителем, и если что не так – лично призывает каждого к порядку. Много чести, г-н зритель: куда надежней и проще заменить вам весь мир телевизором. Переключайте себе каналы, а об остальном за вас позаботятся.

Старинные, привычные сюжеты в этот липовый век вдруг всплывают какой-то дикой стороной. Выше шла у нас речь об изгнании бесов. Известно: бывает и в этом деле липа. И всегда бывала. Церковь всеми средствами воюет с ней: напомним, для разоблачения ложного чуда – *и более ни для чего* – священник обязан нарушить тайну исповеди. Того же естественно ожидать и в других религиях. Так что когда один из лидеров израильской религиозной партии ШАС, раввин Давид Базри, изгонял беса из вдовы Йегудит Сигавкер (оказалось, это был дух ее мужа), процесс этот, дабы избежать недоразумений, был заснят на видеокассету. А дальше кассета пошла в продажу, ради просвещения публики и облегчения бремени партийных долгов, достигших неканонической суммы в 16 миллионов фунтов стерлингов. Да вдруг мадам Сигавкер в интервью газете «Хаарец» возьми и объяви как самого беса, так и его изгнание, липой; к тому же, говорит, ей недодали против уговору... Обсуждение данного случая на «Интернете» было встречено жалобой на распространение «антисемитских новостей» и неуважение к памяти еврейских жертв фашизма; но это уже давно не новость.

И даже трагедия Эммы Экштейн сегодня снова разыгрывается как жуткий фарс. Житель гор. Нью-Йорка Филип Бонди принадлежал к секс-меньшинству апотемнофилов, пусть не столь славному и политически влиятельному, как другие секс-меньшинства, но всё же. Стало быть, он искал путей и средств реализации своего либидо-потенциала, и очень огорчался, что у него ничего не получалось. (Для тех, кто отстал от века, поясним, что речь идет о мании членовредительства). На радость судьба свела его с доктором Джоном Р. Брауном. Правду сказать, докторства он давно лишился, да и в зоне побывал, по делу о неудачной смене половой принадлежности семи пациентам в Калифорнии. Ну, не беда. Сошлись на десяти тысячах долларов, Джон Браун наострил ланцет, и заветная мечта г-на Бонди осуществилась: ноги у него как не бывало. Он успел выразить по этому поводу свой глубочайший восторг, но через двое суток гангрена взяла свое. Брауну предъявили обвинение в убийстве. Защитник настаивал, что

его клиент «проявил гражданское мужество, сделав всё ради пациента, который искал его помощи». Это не помогло, и мужественный Браун получил свои пятнадцать лет. Прокурор отозвался об аргументации защиты весьма неуважительно, хоть и кратко (английские ругательства вообще короткие): не исключено, что это будет поводом для апелляции решения суда.

* * *

Некто, переехав из России в Америку, сетовал:

– Не виноват ли я в том, что не зажег живую искру в душе своей дочери к пятнадцати годам?... Впрочем, не слишком ли много я на себя беру?

Другой, хорошо его знавший, отвечал ему безпощадно и точно:

– Ты слишком мало на себя берешь. Ты виноват в том, что позволил угаснуть живой искре в ее душе к пятнадцати годам.

В липовом мире живая искра не к месту. Липовый мир душит жизнь, потому что жизнь – по определению – *настоящая*. В липовом мире посягательства на правду не бывает: никто не знает, что такое правда.

Школьникам из разных стран дали задание по математике, а кроме того, предложили вопрос: как они оценивают свои собственные знания. Американцы заняли первое место по самооценке и последнее – по результатам. Вы огорчены? А почему, собственно? Докажите-ка, что результаты важнее самооценки. В липовом мире вам это не удастся.

«Д-р Зигмунд Фрейд захватил наши классы» – сетует публицист Мартин Гросс в своей новой книге об американской школе «Заговор невежества», – «...Теплые, дружеские отношения между учителями, родителями и детьми стали новым критерием качества образования. В результате дети не умеют считать, но зато под завязку довольны собой».

Автор связывает имя Фрейда с интересом к психологии взаимоотношений между взрослыми и детьми: но что в этом плохого? *Не за то волка бьют, что сер...* Если бы Гросс прочел «Посягательство на правду», он бы предъявил Фрейду счет за открытие «Эдипова комплекса» и «инфантильных фантазий», а по существу – за торжественное открытие липового века. Век прошел с таким боевым успехом, что не только дети, но и взрослые понятия не имеют, когда он кончается. И никого это не трогает.

* * *

Свиньям не повезло. В ветхозаветные времена они были нечистыми животными, и пророки обличали евреев за склонность к ветчине. В стране Гадаринской Спаситель как-то позволил легиону бесов войти в свиное стадо, с печальным результатом для последнего. В самых разных языках переносный смысл этого слова – один и тот же. Бывает, он даже преобладает над прямым. Как-то была дискуссия на «Интернете», где некая прогрессистка разбивалась в лепешку, проповедуя раскрепощение, преодоление границ и слияние с окружающей средой:

«Устраним барьеры... ощутим единство... уподобимся птицам в небесах... дельфинам в морской глубине... антилопам в степи...»

«...и свиньям», – добавил кто-то.

На том проповедь и оборвалась. А чем свинья хуже антилопы или дельфина? И никто ведь не напишет книгу «Когда плачут свиньи». Наверное они плачут, не хуже слонов. Но такую уж горькую долю положил Господь свиному племени: в эпоху раскрепощения служить для людей неким отрезвляющим зеркалом.

В финале книги Дж. Оруэлла «Скотный Двор» – еще одного пророчества о нашем липовом веке – свиньи и люди становятся так похожи друг на друга, что их невозможно различить. Всякое серьезное пророчество надо уметь истолковать. Человек еще кое-как может «приложиться скотом несмысленным и уподобиться им» – и то, образ Божий останется в нем до конца, сохраняя возможность для покаяния и освобождения. Но свинья-то человеку не уподобится никоим образом: мы же не в Дарвина играем. Тогда как понять этот финал?

А очень просто. Люди остаются людьми, до конца. Пусть кто-то и раскрепощается до свиного образа, но люди остаются. Свиньи остаются свиньями. Только в липовый век мы сами, своей волей, теряем отличие человечества от свинства. «Мы уходим во тьму, где светить нам нечем.» Отравленная игла у нас в сердце – безразличие ко лжи.

Дело не в посторонних людях и не в посторонних свиньях. Дело в нас самих.

Литература

- Jurjevich, R.-R.M. *The Contemporary Faces of Satan*. // Ichthys Books, 1985.
- Архиеп. Нафанаил. *Беседы о св. Писании и вере*, т. 5 // Russian Orthodox Youth Comm., 1995.
- Carroll, R.T. *The Skeptic's Dictionary*. // <http://www.SkepDic.com>.
- Masson J.M. *The Assault on Truth*. // Pocket Books, 1984.
- Тростников В.Н. *Мысли перед рассветом*. // YMCA-Press, 1980.
- Freud, S. *Complete Psychological Works*. // Hogarth Press, 1953–1974, vol. 14.
- Hierotheos, Bishop of Nafpaktos. *Orthodox Psychotherapy*. // Birth of the Theotokos Mon., 1994.
- Family and Sexuality in French History*. // Univ. of Pennsylvania Press, 1980.
- Flandrin, J.-L. *Families in Former Times*. // Cambridge Univ. Press, 1979.
- Судебные речи известных русских юристов. // Госюриздат, 1957.
- Жизнеописание Блаженнейшего митр. Антония. // Изд. С.-А. и Кан. Епархии, 1957, т. 2.
- Arendt, H. *The Origins of Totalitarianism*. // Meridian Books, 1958.
- Jewish Encyclopaedia. // Funk & Wagnalls, 1905, vol. 10.
- Armstrong, L. *Rocking the Cradle of Sexual Politics*. // Addison-Wesley, 1994.
- Torrey E.F. *Freudian Fraud*. // Harper Collins, 1992.
- Чистяков, о. Г. *Размышления с Евангелием в руках*. // Путь, 1997.
- Rabbis accused of faking exorcism. // The Times, December 23, 1999.
- Doctor jailed as 'butcher'. // The Australian, December 22, 1999.
- Bennett, W.J. *The Index of leading Cultural Indicators*. // Simon & Schuster, 1994.
- Feder, D. Gross shoots, point blank at public education. // Jewish World Review, Sep. 7, 1999.

Сущность фрейдизма

Олег Акимов

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/fre.htm>

В 1995 г. по всему миру в среде психоаналитиков прошли пышные торжества по случаю 100-летнего юбилея выхода в свет «Исследования истерии». Да, было что праздновать. Эту книгу по праву называют *Библией психоанализа*. Ведь в ней содержится секрет успешного лечения самой известной в мире пациентки – Анны О. или Берты Паппенхейм, нервно-психическое расстройство которой носило сексуально окрашенный характер. Доктор Йозеф Брейер, лечивший ее в течение 1880–1882 гг., не смог обнаружить сексуальных причин ее истерии. Это сделал его молодой друг, начинающий врач-психотерапевт Зигмунд Фрейд.

В Предисловие к первому изданию, под которым стоит дата *апрель 1895 года*, родоначальник психоанализа написал:

«...Нам [т.е. Фрейду и Брейеру] пришлось отказаться от публикации наиболее содержательных и показательных историй болезни. Конечно, это касается прежде всего тех случаев, когда причиной болезни послужили обстоятельства *сексуальной и супружеской жизни*. По этой причине мы можем представить далеко не все доказательства того, что *сексуальность*, будучи источником психических травм и мотивом «защиты», вытеснения представлений из сознания, *играет главную роль в патогенезе истерии*. Именно яркие сексуальные эпизоды нам пришлось сразу исключить из книги» [с. 11].

Однако в четвертой части книги (она называется «О психотерапии истерии») автор утверждает нечто абсолютно противоположное. Первый пациент (случай заболевания Анны О.) пишет Фрейд,

«расценивался врачом, за ним наблюдавшим [т.е. Йозефом Брейером], *отнюдь не с точки зрения сексуальных неврозов, и ныне его попросту нельзя использовать в этом качестве*. Когда я сам приступил к анализу второй пациентки, фрау Эмми фон Н., *я и помыслить не мог о том, что сексуальный невроз может служить основой для истерии*. Я только-только покинул лоно школы Шарко, и *даже намерение увязать истерию с сексуальностью казалось мне оскорбительным*, как и самим пациенткам» [с. 314].

Отсюда мы видим, как Фрейд признается в том, что в начале своего врачебного пути он и не думал о сексуальной этиологии истерии. Ниже отец-основатель психоанализа еще раз отчетливо подтвердил свою антисексуальную ориентацию в период своей врачебной практики, которая касалась первых четырех пациенток (без случая Анны О.):

«...Если я и решил объединить четыре этих случая под названием «истерия» и не подходил к ним с мерками, пригодными для сексуальных неврозов, то объясняется это лишь тем, что лечение проводилось давно, когда *я еще не занимался целенаправленным и настойчивым поиском невротической сексуальной подоплеку этих заболеваний*» [с. 315].

Так где же Фрейд говорит правду – в предисловии или в последней части написанной им совместно с Брейером книги? Принципиальное расхождение по важнейшему пункту генезиса психоанализа, а именно, по сексуальной этиологии истерии, склоняет нас к более внимательному прочтению «Исследования истерии». Наряду с приведенным противоречием в этой «Библии» обнаруживается множество других несоответствий. Главным здесь является, пожалуй, то, что первый случай, касающийся пациентки Анны О., которую якобы лечил Брейер, изложен Фрейдом. Доказать это несложно, поскольку текст, написанный *психологистом* Фрейдом, и по стилю и по содержанию радикальным образом отличается от текста *физиологиста* Брейера, который в основном составляет «Теоретическую часть» книги.

Впрочем, брейеровская часть книги существенно пострадала от правки «соавтора». Приведем фрагмент, стоящий в конце «Теоретической части», в которую Фрейд ввел приблизительно в 1908 году сексуальную тематику, которая не обсуждалась до 1900 года ни им самим, ни, тем более, Брейером.

«Как установил Фрейд, — пишет Фрейд, — некоторые болезнетворные факторы, обусловленные отсутствием достаточного полового удовлетворения (по вине *coitus interruptus* [преванный половой акт], *ejaculation praecox* [преждевременное семяизвержение] и т.п.), способствует развитию невроза тревоги, а не истерии. Но, на мой взгляд, даже в подобных случаях возбуждение, вызванное сексуальным аффектом, довольно часто преобразуется путем конверсии в соматический феномен.

Разумеется, появление истерических симптомов способствует не только сексуальные аффекты, но и такие аффекты, как испуг, страх и гнев. Об этом свидетельствуют и результаты наших исследований. Но хотелось бышний раз подчеркнуть, что *сексуальный фактор имеет куда большее значение для развития истерии*. Возможно, наивные представления наших предшественников, от которых нам досталось в наследство само слово «истерия» [в переводе с греческого «матка»], были ближе к истине, чем воззрения современных исследователей, готовых выставить сексуальное начало чуть ли не на задворки теории, лишь бы оградить больных от обвинений в безнравственности. Конечно, *в целом истерики не испытывают более сильную половую потребность, чем здоровые люди*, а степень выраженности половой потребности среди истериков тоже варьирует. *Но заболевают они именно из-за этой потребности, а точнее говоря из-за того, что стараются защититься от сексуальных чувств*» [с. 299–300].

Еще раз напоминаем, что эти слова Фрейд приписал Брейеру, хотя в процитированном пассаже выражена квинтэссенция сексуальной теории «позднего» Фрейда, которую он излагал много раз в других своих работах и по причине которой он поссорился с Брейером. Его наставник, убежденный физиолог-материалист, прославленный венский врач, не ставил половой инстинкт выше инстинкта голода. На основе своей гомеостатической модели Брейер понимал, что причиной истерии может быть любой сильный аффект, не обязательно связанный с половой потребностью. «Ранний» Фрейд тоже мыслил сходным образом, делая при этом акцент на *психических* механизмах. У него Анна О. страдала истерическими симптомами, которые были вызваны переживаниями за отца, привидевшейся ей змеей и т.д., но никак не из-за перенесенной на Брейера *сексуальной страсти*. Много позже родоначальник психоанализа стал трактовать отца и змею в сексуальном значении.

Приведенный отрывок перекликается с другими местами из «Теоретической части», которые никак не мог написать Брейер. Внимательный читатель заметит, как неожиданно прерывается текст Брейера и начинается текст его фальсификатора. Например, Брейер пишет:

«...Мы вправе предположить, что под влиянием этого процесса может развиваться и предрасположенность к истерии». Фрейд, цепляясь к этому «предположению», добавляет: «Стало быть, мы уже признали тот факт, что сексуальность вносит немалый вклад в процесс развития истерии. Вскоре мы убедимся в том, что сексуальности отводится в этом процессе куда более важная роль, поскольку именно она всячески способствует развитию истерии» [с. 296].

Автора этой вставки нетрудно распознать, поскольку при написании своего текста Брейер и не помышлял о сексуальной подоплеке истерии. Его задача формулировалась в совершенно иной плоскости. Он хотел доказать, что при формировании истерических реакций физиологические факторы преобладают над психическими.

Дальше сексуальная тематика захватывает Фрейда целиком, и он начинает ее развивать уже без оглядки на Брейера, напроць забывая, что только ему принадлежит авторство «Теоретической части».

«Среди представлений, — пишет псевдо-Брейер, — которые зачастую вызывают защитную реакцию и подвергаются конверсии, следует особо выделить представления сексуального характера. Они чаще всего лежат в основе истерии, развивающейся в период полового созревания» [с. 298].

«Соавтор» запомнил, что, по Брейеру, в период полового созревания начинают работать сначала соответствующие *физиологические* системы, а те, в свою очередь, вызывают *сексуальные образы*, но никак не наоборот. Разве физиолог многократно не доказывал, что психические образы не могут вызвать истерию?

Заметим также, что Фрейд пользуется терминами «защитная реакция» и «конверсия», не придавая им того теоретического смысла, который вкладывал в них Брейер. Все рассуждения Фрейда настолько расходятся с позицией его наставника, что не нуждаются в каком-то дополнительном комментарии. Последние страницы «Теоретической части» написаны единолично Фрейдом в пику физиологической теории истерии Брейера, причем довольно сумбурно. Однако сексуальная тональность звучит у него отчетливо. Он, как в паранойальном бреде повторяет одну и ту же мысль:

«...Сексуальность и впрямь должна оказывать значительное влияние на развитие истерии, ибо влюбленные, да еще, пожалуй, сиделки, ухаживающие за больными родственниками [намек на Анну О., сидевшую возле больного отца], больше кого бы то ни было склонны грезить наяву. Кроме того, в момент наивысшего сексуального наслаждения человека переполняют чувства, а сфера его сознательного мышления сужается до предела, так что оргазм сам по себе очень напоминает гипноидное состояние» [с. 301–302].

Таким образом, «Исследование истерии» дает ключ к раскрытию *сущности фрейдизма*, которую можно передать одним-единственным словом – *ложь*. Фрейд обманывает нас во всех написанных им работах (см. [Перечень работ Фрейда](#)), но первая сверстанная им книга, окончательно поссорившая его с «соавтором», занимает особое место в «научном» наследии венского авантюриста. Чтобы лучше осознать спекулятивную сущность психоанализа, рекомендуем начать знакомство с ним со статьи [Как возник психоанализ](#), которая является расширенным вариантом настоящей статьи. Разобравшись с тем, как психологист Фрейд заочно разделался со своим идейным противником, физиологистом Брейером, которого он постоянно называл другом и учителем, можно переходить к [Правде о Фрейте и психоанализе](#). В этой книге анализируется наиболее известная и, вместе с тем, малопонятная книга – «Толкование сновидений». Следует иметь в виду, что с помощью сновидений Фрейд зашифровал наиболее пикантные моменты своей биографии. Далее советуем прочитать книгу [Психология познания](#), знакомящую читателя с общей научно-философской атмосферой, в которой вызревал фрейдизм. Между прочим, в шестой главе этой книги подробно рассказывается о *кокаиновом* периоде жизни отца-основателя, приходящемся как раз на время становления психоанализа. Остальные работы, опубликованные на сайте *Sceptic-Ratio* в разделе [Психология](#), дополняют сущность фрейдизма теми или иными деталями и более широко раскрывают жульнический характер творца психоаналитического учения.

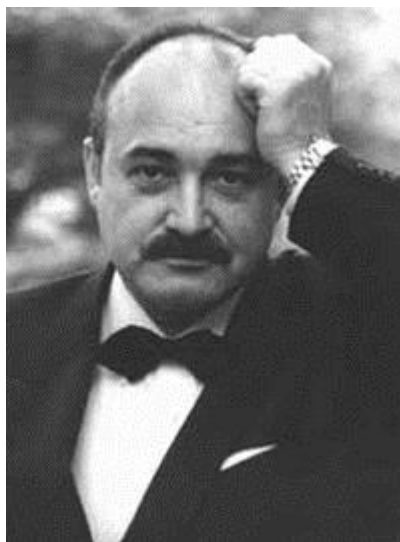
Вскоре после выхода в свет книги «Исследование истерии» я обратился к ее издателю с [открытым письмом](#), в котором просил академика М.М. Решетникова прекратить выпуск Собрания сочинений Фрейда как антинаучной литературы. Для утверждения в нашей стране пагубного фрейдизма академик сделал немало (см. страницу [М.М. Решетников: ПСИХОАНАЛИЗ — Национальная Федерация Психоанализа](#)). Однако он и его товарищи до сих пор не осознали, кто такой Фрейд и какой вред он нанес психотерапевтической науке и практике. На сегодня существует более трехсот психотерапевтических методик. К сожалению, благодаря таким людям, как Решетников, в России получили распространение самые неэффективные терапии, которые, например, в Германии не вошли в официальный реестр разрешенных психотерапевтических технологий. Наряду с психоанализом здесь имеются в виду NLP, гештальтпсихология и другие мошеннические пси-технологии, которые шума в прошлом столетии наделали много, но их сторонники пока не предоставили убедительных доказательств, что могут лечить людей. В частности, достоверно известно, что Зигмунд Фрейд не вылечил ни одного душевнобольного. Вместе с тем также хорошо известно множество скандальных историй по соращению «докторами» беззащитных пациентов.

Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. — СПб.: ВЕИП, 2005.

ПСИХОАНАЛИЗ

Национальная Федерация Психиатрии

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/address.htm>

Выдающийся русский ученый, практик и организатор,
президент Национальной Федерации Психиатрии,
ректор Восточно-Европейского института психиатрии,
главный редактор собрания сочинений Зигмунда Фрейда в 26 томах,
академик¹¹

Михаил Михайлович Решетников¹²

Почему нам нужно объединиться

(Задачи периода становления)

Михаил Решетников

По статье «Психиатрического вестника», № 2 (8), 1999, стр. 223–26

¹¹ В.Э.: Согласно интернетовским данным на 2012.06, он член семи самозванных «академий», но, разумеется, не член РАН или РАМН – т.е. настоящих академий.

¹² В.Э.: Родился 3 сентября 1950 года в селе Успенка Ворошиловградской области (самая восточная область Украинской ССР), в 1973 г. окончил Ленинградскую Военно-медицинскую академию, после чего до 1982 г. служил в ВВС СССР, а потом перебрался в ту же Академию научным (сначала младшим, потом старшим) научным сотрудником, где занимался вопросами психологически-психиатрической экспертизы военнослужащих и защитил кандидатскую диссертацию; в 1986 году («под занавес») посетил Афганистан, на основании чего числится «ветераном Афганской войны»; в 1993 году вышел в отставку в звании полковника медицинской службы. С 1991 – консультант при Администрации президента РФ... Ну, в общем: карьерист «до мозга костей», сначала «поставивший на карту» карьеры военно-медицинско-научной, а когда эта карта не выиграла, армия СССР разрушалась, а армия России сокращалась, то он поставил на другую карту – на фрейдиизм, чтобы обеспечить себе уютное существование «доктора», «профессора», «ректора», «академика». (При фрейдиизме можно было ожидать дотации и поддержку различных западных институций и фондов). Я видел в Интернете несколько видео с его выступлениями: у Решетникова «на лбу написано», что это типичный карьерист, мошенник и плут. Женат, имеет двух дочерей.

Прежде всего, профессиональная идентификация. В такой области, как психотерапия (где всегда сочетаются факторы личной одарённости, науки и искусства) – это особенно важно и... особенно болезненно. Мы хотим объединиться, чтобы выработать максимально честные и общие для всех правила «игры», принципы построения профессиональной этики и иерархии, понять: «Кто есть кто?». Сюда же примыкает проблема профессиональной подготовки и профессионального признания. Это одна из самых сложных проблем, так как затрагивает очень много административных, материальных и глубоко личных аспектов.

Профессиональная конкуренция и примыкающая к ней проблема материального вознаграждения за свой труд. Идёт абсолютно естественная борьба за персональное лидерство, и, к нашему счастью, – у лидеров хватает доброй воли для поддержания коллегиальных и кооперативных отношений. Рано или поздно перед объединениями и их лидерами встанет вопрос об общих принципах деятельности, формировании общих концептуальных и стратегических подходов к решению назревших проблем. И хорошо, что есть специалисты, желающие взять на себя эту тяжёлую ношу.

Специалист, который не работает ежедневно как психотерапевт минимум 6–8 часов, утрачивает навыки. Психотерапия была и остаётся искусством.

Необходимо более широко привлекать психологов в клинику, прекратить их профессиональную дискриминацию.

Я убеждён, что нельзя быть специалистом одновременно даже в двух методах психотерапии. Понадобятся годы, пока сформируются школы, супервизорские советы по конкретным специализациям и выработаются принципы сертификации по конкретным направлениям. Это важная задача, но, как мне кажется, не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

Президент НФП проф. М.М. Решетников
29.12.2000

Российский психоанализ слишком молод и пока не может претендовать на эпохальность осмысления: мы только в начале пути, и это имеет свои преимущества – всё ещё впереди! Удивительная духовная привлекательность и жизнеспособность теории Фрейда. Модернизация психоаналитического образования и тренинга – это уже не лозунг и не абстрактный принцип, а реальная проблема, существование которой уже не может игнорироваться мировым психоаналитическим сообществом.

Будем надеяться, что, начав с психоаналитически ориентированной психотерапии и консультирования, перешагнув порог третьего тысячелетия, мы будем всё больше интегрироваться в мировое психотерапевтическое и психоаналитическое сообщество. Для этого есть все предпосылки и условия.

Мы не должны спешить, так как нашей высшей целью является формирование и развитие российской школы (это в будущем), а сейчас главные задачи состоят в создании реального профессионального поля, активной популяризации гуманистических идей и систематической подготовке и переподготовке специалистов-практиков. В решении всех этих задач мы будем руководствоваться интересами личности и российского государства.

Особое значение мы придаём истории развития психоаналитических идей и их авторам, а также российским приоритетам. Наша выдающаяся соотечественница Сабина Шпильрейн. Это, безусловно, не имеет никакого отношения к малопродуктивным попыткам некоторых специалистов «русифицировать» анализ. Психоанализ – это мировое явление, но его глубокий смысл далеко не прост и не очевиден. Нередко для этого требуется многолетние и весьма специфические усилия, которые мы обозначаем как «персональный тренинг» и познание психоанализа посредством практики. Именно поэтому девизом 2-й Международной конференции (2001) стали слова: «Единственный интернациональный язык психоанализа – практика». Теоретическое познание психоанализа – это нонсенс.

Тем не менее, изучение мирового теоретического наследия, а также современного клинического опыта и прикладного применения психоанализа остаются нашими главными задачами. Мы можем гордиться своими успехами, но лишь при условии, что мы не будем скрывать наших ошибок и недостатков друг от друга, потому что только таким образом мы можем вместе идти по пути профессионального совершенствования.

Будем стараться, чтобы в нашем общем доме – НФП – мы постоянно учились и трудились все вместе, развивая уже сложившиеся принципы коллегиальности, обогащаясь профессионально

и духовно, сохраняя наше единство и заботливо выращивая древо науки и аналитической практики.

* * *

«Психоаналитический вестник» (НФП) (основан 1991)

Ежегодный научный психоаналитический журнал, основан в 1991 г. Русским психоаналитическим обществом (РПО). Публикуются материалы по проблемам клинического, прикладного и теоретического психоанализа, вопросам психоаналитической методологии и культурологии, истории психоанализа, статьи о жизни и деятельности психоаналитиков, информация о научной жизни, обзоры новейших психоаналитических публикаций и др.

Редколлегия:

Главный редактор: А.И. Белкин

Зам. гл. редактора: А.В. Литвинов

Члены редколлегии: П.С. Гуревич, В.В. Зеленский, С.И. Капелуш, А.Н. Копылов, В.М. Лейбин, И.И. Маслова, В.А. Осипов, А.Н. Харитонов

Ред. совет:

Председатель: М.М. Решетников (президент НФП)

Члены редсовета:

Ю.А. Баранов (Гос. факультет соц. медицины ГЕА, декан)

А.И. Белкин (РПО, президент)

П.С. Гуревич (издательство «Архетип», гл. редактор)

Б.А. Ерёмин (Открытое Психоаналитическое Общество, президент)

В.В. Зеленский (СПб. Психоаналитическое Общество, президент)

В.Н. Кривочуров (Сибирская Ассоциация Психоанализа, президент)

В.А. Мазин (Музей Сновидений Фрейда, директор)

Х.Э. Мариносян (Академия Гуманитарных Исследований, президент)

В.А. Медведев (Профессиональное Психоаналитическое Общество, президент)

А.Г. Попов (Региональная Психоаналитическая Общественная Организация «Катексис», президент)

Э.Н. Потёмкина (Общественная Организация «Психодинамика», президент)

В.А. Шамов (Ассоциация Группового Анализа, президент)

Л.М. Щеглов (Фонд Возрождения Русского Психоанализа, вице-президент).

Адрес редакции:

121 002 Москва, ул. Арбат 25-2

тел. (095) 291-71-47

Факс: (095) 291-71-16

e-mail: in-psa-rus@peterlink.ru

Период иллюзий и надежд

Концептуальные подходы Национальной Федерации Психоанализа. К проблеме психоаналитического образования и тренинга в России. Доклад М. Решетникова 2001 года.

Передо мной стоит достаточно непростая и ответственная задача – подвести итоги предшествующего периода, дать анализ современной ситуации и сформулировать основные направления деятельности Национальной Федерации Психоанализа в России. Я, конечно же, постараюсь быть максимально объективным, но вслед за Фрейдом повторю первую строчку «Очерка истории психоанализа» (1910): «Не стоит удивляться субъективному характеру излагаемого...», ибо я был инициатором и участником многих из описываемых событий. Еще раз обращаясь к Фрейду, я напомним его слова из «Интереса к психоанализу» (1913): «не всякий анализ психологических феноменов имеет право называться психоанализом».

Я убежден, что такая серьезная социально-психологическая феноменология, как возрождение и развитие психоанализа в России, нуждается в аналитическом исследовании. Но это будет, вероятно, задачей уже следующего поколения специалистов. Мой доклад не предполагает

такого глубокого подхода. Это скорее отчет функционера о проделанной работе. Я не вкладываю отрицательный смысл в понятие «функционер». Более того, я думаю, что на этом этапе мы очень нуждаемся в значительном количестве психоаналитически ориентированных специалистов, которые могли бы взять на себя обязанность и, более того, ответственность за организационную работу.

* * *

Десять лет назад, когда работа по возрождению и развитию психоанализа в России только начиналась, соотношение энтузиазма и представлений о трудностях, с которыми нам предстоит столкнуться на этом пути, было несоизмеримым. Энтузиазма не стало меньше, но понимания существенно прибавилось.

Мы не случайно подчеркиваем, что речь идет не только об опыте, но и об определенном эксперименте. В частности – о попытке укоренения психоанализа в стране, где он был вначале насильственно ликвидирован в 20-е годы, и затем почти 70 лет находился под запретом. В результате была разорвана связь поколений, утрачены методологическая преемственность и связи с мировым психоаналитическим сообществом.

Сейчас эти связи начинают восстанавливаться. Но это очень сложный и в чем-то даже болезненный процесс, – и для нас, и для наших западных коллег. И мы видим, что и с той, и с другой стороны имеются весьма амбивалентные чувства. Тем не менее, процесс сближения России с мировым психоаналитическим сообществом идет. Этот процесс существенно осложняется известными причинами политического и социально-экономического характера. Россия остается страной мало привлекательной для долговременной работы западных специалистов и трансляции психоаналитических знаний и практического опыта.

Массовый экспорт психоанализа в Россию, как это случилось (в свое время) с Англией или Америкой, невозможен. К этому можно добавить достаточно прохладное отношение к бывшему «грозному соседу» со стороны государств ближайшего окружения. Предшествующие десятилетия страха – не лучшая основа для формирования любви и сотрудничества. Чтобы не быть голословным, приведу только один пример: за прошедшие годы нашими гостями и учителями были более 100 специалистов из Америки, некоторые из них работали у нас несколько лет. Но за это же время состоялся лишь один однодневный визит психоаналитика из Финляндии, которая находится в двух часах езды отсюда.

Эти внешние условия, безусловно, не могли не учитываться, и во многом определяли стратегию и тактику нашей работы.

В качестве внутренних условий следовало бы отметить такие немаловажные факторы, как исторически сложившееся неприятие психоанализа всеми официальными структурами России, включая высшие. Особенно – (за исключением амбивалентной психотерапии) структурами, действующими в области образования, медицины и психологии. И это также имеет свое объяснение. Потому что всякий раз, когда мы прикасаемся к проблеме психики и сознания, мы тотчас вторгаемся в сферу идеологии. А идеология – это очень консервативная структура, которая, как правило, уходит только с ее конкретными носителями.

Это неприятие и попытки дискредитации психоанализа сохраняются по настоящее время, так как еще не произошла естественная смена поколений, и руководство большинством ведущих государственных и образовательных структур осуществляется специалистами, воспитанными на идеях полупрезрительного отношения к психоанализу. Но именно этим структурам предоставлено право государственного лицензирования и аккредитации, без которых любая деятельность в области психоанализа является незаконной. Понятие общественной аккредитации специалистов только начинает формироваться. И Национальная Федерация Психоанализа является одним из пионеров в создании этого нового общественного института в России.

Все эти внешние и внутренние особенности сейчас осознаются нами гораздо лучше, и сейчас мы гораздо больше, чем раньше, ориентируемся на собственные силы и возможности, включая накопление собственного терапевтического опыта, опыта преподавания психоанализа и проведения профессионального тренинга.

Десять лет назад, начиная работу по реинституции психоанализа в России, мы исходно рассматривали его в качестве одного из направлений в клинической психотерапии. Должен сразу сказать, что на первом этапе этот подход не был общепризнанным. И даже мои ближайшие друзья и коллеги считали, что мы никогда самостоятельно не сможем выйти за границы теоретического психоанализа. Но сила, привлекательность, терапевтическая направленность и действенность идей Фрейда оказалась сильнее этого предубеждения. Я скажу об этом чуть

позднее, а сейчас хотел бы лишь констатировать, что реинституция психоанализа в России онтогенетически во многом повторяет его филогенез, включая историческую трансформацию теоретических представлений и даже таких явлений, как отступничество, извращения идей и расколы.

Подводя итоги 10 лет, я еще раз напомним о специфике профессиональных условий нашей работы. Как я убедился, не только зарубежные, но и отечественные специалисты новой волны не всегда знают о ней. До 1975 года такого понятия как психотерапия у нас – официально – вообще не существовало, а неврозы, по официальной версии, поражали исключительно западное, «загнивающее» общество. В 1975 году приказом Министерства здравоохранения на 220 миллионов населения впервые в истории СССР (в качестве эксперимента) было введено 200 должностей врачей-психотерапевтов (один психотерапевт на миллион населения). Эксперимент длился 10 лет. И в 1985 году (другим приказом Министерства здравоохранения) психотерапия впервые была введена в перечень врачебных специальностей. Психотерапевтом мог стать любой врач. Но затем это положение корректируется, и психотерапия становится уже не врачебной, а только психиатрической специальностью. Это решение, по нашему мнению, существенно (негативно) сказалось на развитии психотерапии, ее методологическом и кадровом обеспечении.

Большинство психиатров не стремятся стать психотерапевтами. И на декабрь 2000 года в России было всего 2 тысячи психотерапевтов. Один психотерапевт на 75 тысяч населения (при росте психопатологии за последние 10 лет в 1,5 раза). Наша специальность всё еще оценивается как «второсортная». И только за последние 5 лет здесь начали формироваться определенные перемены. В частности, в 1995 году к психотерапии были допущены психологи, правда только в качестве ко-терапевтов, действующих под контролем психиатра. При этом от контролирующего психиатра не требуется никакой подготовки в области психотерапии. Подразумевается, что он и так всё знает.

Требования к психотерапевту остались прежними. В соответствии с действующими до настоящего времени законодательными актами, психотерапевт – это врач, имеющий подготовку по психиатрии, стаж работы в психиатрическом отделении, как минимум, 3 года и получивший затем дополнительную подготовку в области психотерапии. Эта подготовка заслуживает отдельного упоминания. Общий ее объем составляет 700 часов, из которых 422 часа отводится на повторение курса психиатрии и 278 часов на изучение более 40 методов психотерапии, то есть – в среднем – 7 часов на один метод. Эта подготовка длится от 3-х месяцев до одного года. И завершивший такую подготовку психиатр получает сертификат специалиста сразу по всем методам психотерапии.

Такие термины, как «супервизия» и «персональный анализ» еще 10 лет назад были вообще неизвестны в России. Сейчас они известны, но (как обязательная процедура) применяются только в психоанализе.

Поэтому, когда в 1991 году мы открыли первый Институт психоанализа и провозгласили, что он будет 4 года готовить специалиста только по одному направлению в психотерапии, это вызвало не столько удивление, сколько скепсис: «Да кто же на это пойдет?» Удивление началось позднее, когда оказалось, что этот вид подготовки востребован, подтверждением чему является ежегодное увеличение наборов студентов, которые начинают изучать психоанализ. В прошлом году количество студентов первого курса в нашем Институте увеличилось в два раза. И теперь среди этих студентов гораздо больше дипломированных врачей и психологов... Но здесь я уже забегаю вперед. Подводя итоги десятилетия, я хотел бы, прежде всего, обратить внимание на организационно-методическую работу, состояние образовательной деятельности и профессионального психоаналитического тренинга, а также культурно-просветительскую деятельность и взаимодействие с международными психоаналитическими организациями и центрами.

Нужно сказать, что, несмотря на официальный запрет, психоанализ всегда существовал в СССР в качестве своеобразного подполья. Фрейда читали, обменивались немногочисленными книгами, проводили дискуссии и даже практиковали психоанализ, правда, называя это как-либо иначе. Одним из российских вариантов психодинамических подходов была и остается психотерапия по Мясищеву, а также реконструктивная психотерапия по Карвасарскому. Период подполья и, будем говорить прямо, – страха идентификации себя в качестве психоаналитически ориентированного специалиста закончился в 1989 году.

Я считаю своим долгом напомнить, что первое психоаналитическое общество (еще в СССР) было создано профессором Аароном Белкиным в Москве в 1989 году. В последующем в адрес профессора Белкина звучало много критики. Но его заслуга как организатора первого

психоаналитического общества никем не может быть оспорена. Его пример продемонстрировал всем чрезвычайно важный вывод: за это больше не сажают и не вызывают в КГБ. Через год, в 1990 году, сформировалось первое Психоаналитическое Общество в Санкт-Петербурге, которое возглавил Валерий Зеленский, а я некоторое время исполнял обязанности Вице-президента.

В 1991 году в Санкт-Петербурге нами был учрежден первый в России Институт Психоанализа. Я позволю себе нескромное утверждение, что это было стратегически очень важное решение. Это решение исходно было ориентировано на создание отечественной образовательной базы, системы профессиональной подготовки и тренинга, национальных стандартов сертификации и аккредитации. И такая система уже частично сложилась, действует и активно развивается.

Примерно в это же время формируется группа Сергея Аграчева, затем преобразованная в Московское Психоаналитическое Общество (в настоящее время возглавляемое Игорем Кадыровым), а Российская Психоаналитическая Ассоциация выпускает первый номер «Российского психоаналитического вестника».

Благодаря этим новым структурам, начинают активно развиваться международные контакты с ведущими психоаналитическими центрами, в первую очередь – Англии, Германии и США. Я бы назвал этот период романтическим. Мы мало разбирались в разнообразных течениях и школах, мало обращали внимания на уровень подготовки западных специалистов, и наши объятия были открыты для всех, кто, так или иначе, обозначал себя в качестве психоаналитика. Мы романтически надеялись на методическую и финансовую поддержку западных коллег в наших начинаниях. И хотя мы не получили эту помощь в том объеме, на который рассчитывали, я должен сказать, что у нас нет ощущения разочарования. Даже наоборот. На примере нашего государства мы видим, что финансовая помощь скорее развращает, чем помогает, а методическая помощь должна иметь адресата. Сейчас этот адресат – российское психоаналитическое сообщество – гораздо больше подготовлен к получению такой методической помощи. И мы ее получаем. Я еще скажу об этом.

В этот же период обозначились первые различия в подходе к психоаналитическому образованию и тренингу в России. Часть (надо сказать, весьма незначительная) психоаналитически ориентированных специалистов категорически не приняла идею организации психоаналитических институтов. Эта группа считала, что подготовка специалистов может вестись только на Западе. Это мнение в несколько иронической форме прозвучало и на первой организованной нами Международной конференции в Санкт-Петербурге в 1996 году. Один из выступавших гостей, обращаясь к руководству Института, сформулировал свое отношение следующим образом: «Странно: психоанализа у нас нет, а институт психоанализа уже есть и конференции проводятся». Мне приятно вам сообщить, что через некоторое время этот непримиримый критик стал деканом одного из Московских институтов психоанализа. С тех пор появилось еще 3 института психоанализа в Москве (ректоры: П. Гуревич, С. Зимовец, Е. Спиркина), а специалистами Национальной Федерации Психоанализа только за последние два года созданы еще 3 института психоанализа в различных регионах России – в Москве, в Новосибирске и Хабаровске. И это еще раз подтверждает, что в 1991 году мы приняли верное решение. Институты, безусловно, пока находятся в стадии формирования и развития и существенно различаются по уровню преподавания и практического тренинга. В качестве первоочередной задачи для всех этих структур можно было бы выделить разработку национального стандарта психоаналитического образования и тренинга. И я надеюсь, что, даже не смотря на некоторые различия в подходах новых институтов к проблеме, эта задача будет решена.

Различия в подходах, безусловно, сохраняются. В частности, между специалистами, ориентированными на формирование отечественной школы, и так называемыми «западниками». Молчаливо признав целесообразность создания психоаналитических институтов в России, эта (весьма незначительная часть) наших оппонентов провозгласила новый лозунг: «Никто не имеет права практиковать или преподавать психоанализ, если он не прошел подготовку на Западе и не является членом зарубежных психоаналитических обществ». Мы хорошо знаем, что это чисто декларативный лозунг, так как наши оппоненты, так же, как и мы, давно ведут преподавательскую и психоаналитически ориентированную практику в России. И пока лишь один-два специалиста аккредитованы при западных обществах и институтах. Тем не менее, мы относимся к этим декларациям с пониманием. При отсутствии авторитетного психоаналитического сообщества в России такая апелляция к заимствованному авторитету может иметь рациональное объяснение. Так уже было в Германии, и это – один из возможных путей. Но никак не

единственный. Мы понимаем, что эта тенденция у некоторой части специалистов пока будет сохраняться, но не думаю, что долго.

Мы исходно шли другим путем и зарабатывали свой авторитет здесь. И ориентировались на легализацию себя как специалистов также – здесь, в России. И исходили при этом из острой потребности своей страны в квалифицированных психотерапевтических кадрах. Во многом нынешняя ситуация повторяет процесс реинституции и легализации психологии в СССР в шестидесятые. И успехи психологической науки за прошедшее тридцатилетие – реальное подтверждение тому, что мы на верном пути.

Наша общая позиция по поводу разногласий между отдельными психоаналитическими обществами в России в настоящее время предельно проста:

а) на нынешнем этапе мы не считаем продуктивной какую бы то ни было теоретическую полемику,

б) для нас единственным языком психоанализа является практика. Мы стараемся максимально открыто обсуждать и предъявлять свою практику для критических замечаний коллег, как в процессе презентаций и супервизий, так и в профессиональной прессе. И призываем к этому всех. Все другие способы обозначить свое особое место в психоанализе нами не принимаются.

Должен сказать, что на начальном этапе наша активность и энтузиазм воспринимались с опаской даже психотерапевтическим сообществом. Нам потребовалось приложить много усилий, чтобы доказать на деле, что мы не пытаемся заменить всю психотерапию психоанализом, уважаем другие направления и готовы к сотрудничеству. В настоящее время между нашей Национальной Федерацией Психоанализа и ведущими российскими психотерапевтическими сообществами, в первую очередь – с Российской Психотерапевтической Ассоциацией, возглавляемой Главным психотерапевтом России профессором Карвасарским – сложились кооперативные отношения, я бы сказал даже – отношения полного взаимного доверия и взаимопонимания. И то, что Президент РПА оказал нам честь и участвует в этом Конгрессе – реальное подтверждение таких отношений.

* * *

Когда мы начинали нашу работу 10 лет назад, мы четко разделили два очень существенных понятия: а) психоаналитическое образование, которое уже сейчас становится массовым в России, и б) клинический психоанализ и профессиональный тренинг, к которому сейчас обращается около 20% тех, кто завершил или завершает психоаналитическое образование. 20% – это очень хороший результат на сегодняшний день. 5 лет назад такие специалисты составляли всего 5–7%. То есть, я думаю, нужно уточнить: из более чем 900 членов НФП только около 100 являются практикующими специалистами. Нам следовало бы активизировать работу в этом направлении.

Во вторых, мы разделили понятия «психоаналитически ориентированной терапии» и «психоанализа». Но не дистанцировали их друг от друга, а объединили их в едином континууме подготовки специалистов. В частности, психоаналитическая психотерапия и консультирование рассматриваются нами как возможный первый или переходный этап к психоанализу. При этом выбор – остановиться ли на уровне стандарта психоаналитической психотерапии или идти по пути международных стандартов психоанализа – есть у каждого специалиста. Как правило, демонстрируя наше уважение в мировому психоаналитическому сообществу, пока мы скромно именуем себя психоаналитически ориентированными терапевтами и психологами...

В 1993 году нами была получена первая государственная лицензия на ведение образовательной деятельности в области психоанализа. Действие в рамках российских законов всегда было и остается нашим принципом. И в том же году на базе нашего Института был открыт Санкт-Петербургский филиал Государственной Классической Академии, где впервые в рамках государственного высшего образования России были созданы кафедры: «Теории и истории психоанализа», «Психоаналитической терапии» и «Психоаналитической диагностики». За эти годы филиалом было подготовлено более 100 психоаналитически ориентированных психологов, которые активно работают во многих ведущих психологических и медицинских учреждениях и продолжают обучение в Институте психоанализа. Отзывы об этих выпускниках для нас очень лестны.

В том же 1993 году было учреждено издательство Восточно-Европейского Института Психоанализа, где начали публиковаться книги из серии «Библиотека психоаналитической литературы». В рамках этой серии нами были впервые переведены и изданы некоторые из ранее

не публиковавшихся в России работ Зигмунда и Анны Фрейд, работы Карен Хорни, Диноры Пайнз, Джойс МакДугалл, Чарльза Райкрофта, Ральфа Гринсона и других авторов.

К этой Конференции наше издательство выпускает три книги:

- третий том монографии «Современный психоанализ» участника нашей Конференции профессора Хорста Кэхеле и Гельмута Томэ, посвященный одной из самых актуальных проблем современного психоанализа – исследованию психоаналитического процесса,

- книгу известного немецкого специалиста профессора Аннелизе Хейгл-Эверс с соавторами, которая является, по сути, базовым учебником по психоаналитической психотерапии,

- впервые на русском языке издается книга Владимира Гранова «Филиации: Будущее Эдипова комплекса».

В 1994 году произошло событие, значение которого трудно переоценить: ведущими психоаналитическими обществами Москвы и Санкт-Петербурга совместно с нашим Институтом впервые в России был принят первый (временный) Национальный стандарт психоаналитического тренинга. Это был важный шаг к профессионализации нашего психоаналитического сообщества. Я сразу хотел бы отметить, что эта профессионализация еще, безусловно, не завершена. И понадобится еще несколько лет, а может быть – и десятилетий – для ее завершения. Всё должно вызреть. Кавалерийские атаки – это из другой области. Подтверждением этого является хотя бы тот факт, что лишь через 1,5 года после принятия Национального стандарта психоаналитического тренинга дидактический анализ и супервизии были введены в структуру психоаналитического образования Восточно-Европейского Института Психоанализа. Но на Конференции 1996 года мы об этом даже не говорили: еще нечего было обсуждать. Качественно иная ситуация сейчас: работе Тренингового центра Института будет посвящен отдельный доклад директора Центра, доктора Владимира Шамова.

С 1994 года начинают реализовываться первые культурные проекты: создается серия телевизионных и радиопередач, посвященных психоанализу, публикуются десятки популярных статей в периодических изданиях, появляется понятие «психоаналитическое кино», и первый созданный нами фильм «Не о Сталине» становится лауреатом Международного кинофестиваля (1995); организуется первый показ английского сериала «Фрейд» по российскому телевидению. Культурно-массовая работа остается одним из важных направлений нашей деятельности по настоящее время: мы понимаем важность формирования новой психотерапевтической культуры в России. Эта задача остается важнейшей для всех обществ НФП.

Чтобы сэкономить время, я сейчас лишь перечислю основные события последних пяти лет.

- 1996 г.: проведена 1-я Международная Конференция «100 лет психоанализа: российские корни, репрессии и возвращение России в мировое психоаналитическое сообщество» (Санкт-Петербург, 6–8 мая, 1996), в которой приняли участие около 30 зарубежных специалистов из Англии, Германии, Израиля, Польши и США. В процессе конференции формируются долговременные контакты и проекты с Американской Психоаналитической Ассоциацией (IPA).

- 1996 г.: состоялся первый выпуск специалистов, завершивших четырехлетний курс психоаналитического образования в нашем Институте. В настоящее время наши выпускники работают практически во всех регионах России. Мы гордимся тем, что среди них есть преподаватели, кандидаты и доктора наук, заведующие кафедрами государственных институтов и университетов, руководители и специалисты психотерапевтических отделений и психотерапевтических служб регионов России.

- 1996 г.: учреждены Почетные дипломы и Почетные призы («Русский Фрейд») за вклад в развитие российского психоанализа, которые были вручены ряду российских и зарубежных общественных деятелей, а также психоаналитическим учреждениям в России и за рубежом. Один из таких почетных призов находится в штаб-квартире IPA в Лондоне и Венском музее Фрейда.

Некоторым этот акт показался претенциозным: мало кому известная организация награждает ведущих специалистов и ведущие психоаналитические сообщества мира. Но для нас это было единственным доступным способом выразить нашу искреннюю благодарность за моральную поддержку наших начинаний. Тогда же мы постановили, что будем вручать такие почетные награды каждые пять лет. Подобная церемония пройдет и на этом Конгрессе. Новый почетный приз называется «В Россию», и его изображение вы видите на программе Конгресса.

- 1996 г.: разработан и издан Указ Президента России № 1044 от 19.06.96 «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа», который

существенно изменил отношение властных структур к ранее полулегальному психоанализу. Беспрецедентная ситуация, возникшая после издания Указа Президента, создавала ряд опасностей, которые нам удалось преодолеть. Мы уже не раз обсуждали эту тему, и я не буду на ней останавливаться.

– 1997 г.: разработана Целевая межотраслевая научная программа «Возрождение и развитие психоанализа в России», которая была утверждена Министерством здравоохранения России, Министерством общего и профессионального образования России, Министерством науки и технологий России и Российской Академией Наук. С этого времени курсы психоанализа начинают включаться в программы подготовки врачей и психологов ведущих вузов России, а сам психоанализ рассматривается как одно из направлений в российской психотерапии, наряду с поведенческой, гуманистической и интегративной. Конечно, пока эта подготовка в большинстве институтов и университетов носит ознакомительный характер (от 12 до 16 часов вводных лекций). Но будущие специалисты получают хоть какие-то представления и у них формируется уже непредвзятое мнение о психоанализе.

– 1997 г.: создан Учебно-Методический (Тренинговый) Центр ВЕИП, где уже на протяжении 4-х лет проводится около 10 000 (десяти тысяч) сессий дидактического анализа и супервизий в год. И это, возможно, одно из наших главных достижений. Тогда же было впервые введено временное положение о статусе обучающихся аналитиков и супервизоров.

– 1997 г.: нами впервые была получена лицензия Министерства образования России на деятельность в сфере высшего профессионального образования. Сейчас даже трудно представить, каких усилий это потребовало. Но в России – стране с высочайшим уровнем государственного регулирования – без такой лицензии действовать просто невозможно.

– 1997 г.: учреждена Национальная Федерация Психоанализа (НФП), первоначально объединившая 11 психоаналитически ориентированных организаций и обществ Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Новгорода и некоторых других городов. В последующем (за 1998–2001 года) под эгидой НФП учреждены и находятся в стадии формирования новые психоаналитические общества в ряде крупных промышленных и культурных центров России. В частности, в городах: Владикавказе, Волгограде, Воронеже, Калининграде, Кемерово, Краснодаре, Великом Новгороде, Новороссийске, Новосибирске, Норильске, Перми, Рыбинске, Свердловске, Смоленске, Чебоксарах, Ярославле и некоторых других. В трех городах, как я уже отмечал, на базе обществ созданы новые институты психоанализа.

– 1998 г.: сформулирована Национальная концепция возрождения и развития психоанализа. Основная стратегия концепции: ориентация на национальные российские приоритеты, ориентация на проведение психоаналитического образования и профессионального тренинга в России, ориентация на создание авторитетного психоаналитического движения в России, создание реальной системы профессиональной подготовки и профессиональной информации, создание системы общественной и государственной аккредитации психоанализа в России, последовательная интеграция психоанализа в российскую культурную, научную и психотерапевтическую практику.

– в том же 1998 году в России проведена Международная конференция «Психоанализ – Литература – Искусство». В этой конференции приняли участие более 100 специалистов по психоанализу из 17 стран: Австралии, Белоруссии, Венгрии, Германии, Израиля, Канады, Мексики, России, Соединенных Штатов Америки, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Франции и Южно-Африканской Республики. Это дало важный стимул развитию культурологического психоанализа в России.

– 1998 г.: Национальная Федерация Психоанализа начинает издавать собственный журнал, где публикуются исторические, методические и информационные материалы, работы ведущих современных западных авторов и первые обобщения клинического опыта российских специалистов. За прошедшие годы в журнале было представлено более 150 публикаций, включая ранее неизвестные в России классические работы Фрейда, Феничела, Абрахама, работы наших западных коллег и выдающихся современных специалистов, таких как Владимир Гранов, Гельмут Томэ и Хорст Кэхеле, Хэрролд Стерн, Дэвид Сакс, Хомер Куртис, Джон Кафка, Гари Голдсмит, Александр Непомящи и др. Опубликовано также более 50 работ российских авторов. Журнал получают все члены НФП, и таким образом формируется общее методическое и информационное поле, укрепляется наше единство. С 2000 года нами издается приложение к журналу «Трансфер-экспресс», которое с этого года становится межвузовским (межуниверситетским) студенческим журналом.

– 1998 г.: открыт *Web*-сайт психоанализа в сети Интернет, который затем дополнился электронной версией нашего журнала, а затем еще одним *Web*-сайтом – нашего Музея Фрейда. Мы все время активизируем и будем дальше активизировать информационную политику. И это задача не только штаб-квартиры НФП, но также и всех региональных обществ.

– В рамках этой задачи в 1998 г. учреждена первая в России Открытая Психоаналитическая Библиотека. В настоящее время фонды библиотеки включают более 4-х тысяч наименований книг и журналов и более 50 тысяч единиц хранения на магнитных носителях, включая все основные работы по психоанализу за 1924–1994 годы. Ежедневно библиотеку посещают около 30-и человек. Я хотел бы поблагодарить наших английских, американских, французских, немецких и австрийских друзей за бесценные подарки для этой библиотеки. Около половины книг иностранных фондов библиотеки имеют специальную печать на титуле: «Получена в дар от...».

– Перенимая западный опыт, в 1999 году мы провели в городе Репино первую Летнюю школу Национальной Федерации Психоанализа по теме: «Клинический и прикладной психоанализ – российская специфика». В этой Летней школе приняли участие 62 представителя региональных психоаналитических обществ и организаций НФП. Теперь эти школы стали ежегодными. 2-я летняя школа НФП по теме «Динамические и структурные модели супервизорской работы» состоялась в Ярославле в 2000 г. Участники 2-й Летней школы констатировали существенный рост методического уровня специалистов. Для этого есть много объяснений. Но я приведу лишь две красноречивых цифры: в 1999 году среднее количество часов работы с пациентами у участников Летней школы составляло 1700 часов, через год оно было уже 3600 часов, в 1999 году среднее количество часов персонального анализа у участников первой летней школы было всего 91 час, через год – уже 202 часа.

– 1999 г.: в целях организации систематической супервизорской работы (как основной формы практического тренинга) в региональных организациях НФП введен временный статус супервизора «in locus». И мы очень рассчитываем, что эта временная мера позволит существенно усилить работу супервизорских групп в регионах России.

– В том же 1999 г. НФП была аффилирована Российской Психотерапевтической Ассоциацией, возглавляемой Главным психотерапевтом России профессором Б.Д. Карвасарским, и четко идентифицировала себя как часть российского психотерапевтического сообщества.

– Значительным событием стало открытие в 1999 году Музея Сновидений Зигмунда Фрейда (автор идеи и директор – Виктор Мазин). Музей стал одним из популярных культурных центров Санкт-Петербурга. За первые полтора года его посетили более 3000 человек, в нем проведено более 50 семинаров, лекций, диспутов с участием выдающихся представителей российской и зарубежной академической науки и искусства. Последний семинар состоялся неделю назад и был посвящен 100-летию Жана Лакана.

– В 1999 году был разработан первый проект Этического Кодекса Психоаналитика, который был утвержден Правлением НФП в качестве временного. Этот проект затем был принят за основу несколькими психотерапевтическими сообществами России. Сейчас ведется работа над Положением о Комиссии НФП по этике. В сентябре оно будет вынесено на обсуждение всех региональных обществ.

– Параллельно с 1999 года мы принимаем активное участие (совместно с Российской Психотерапевтической Ассоциацией) в работе над Законом России «О Психотерапии». В основу этого закона положена Германская модель психотерапии. И я уверен, что принятие этого закона станет важным этапом в развитии российской психотерапии.

– в 1999 году в НФП начинает формироваться направление «Детский Психоанализ». Отвечая социальному запросу, этот процесс развивается чрезвычайно активно (при поддержке германских и английских детских аналитиков). Направление групп-анализа сформировалось гораздо раньше и является достаточно авторитетным.

– В 2000 году учреждается Тренинговый Комитет НФП и принимается решение о придании Восточно-Европейскому Институту Психоанализа статуса Методического центра НФП. Это налагает большую ответственность, и сейчас мы проводим работу по укреплению основных структур и кадрового состава Института, где уже сейчас работают 17 кандидатов и 7 докторов наук (я бы хотел напомнить, что ориентация на получение ученых званий в области медицины и психологии должна составлять одно из направлений в работе региональных организаций, особенно – там, где создаются или созданы институты психоанализа).

Существенное значение в формировании стратегических направлений деятельности НФП сыграл Меморандум 2000 года профессоров Г. Томэ и Х. Кэхеле «О реформе в психоаналитическом образовании». Этот меморандум был опубликован в нашем журнале и хорошо известен всем присутствующим. Сейчас, с учетом этого Меморандума перерабатывается Положение «О профессиональном психоаналитическом тренинге» в НФП и Положение «О национальных стандартах психоаналитического тренинга НФП». Мы обещали разослать его в марте этого года для обсуждения в региональных организациях, но сможем сделать это не раньше осени. И я прошу руководителей и членов региональных организаций НФП понять нас: это очень непростая работа. Я лишь обозначу основное направление реформ: снижение диктата институтов над специалистами и развитие общественного самоуправления. Но этот тезис не имеет ничего общего с попытками некоторых руководителей региональных обществ волонтеристски подходить к национальным стандартам профессиональной подготовки и тренинга. Эти стандарты могут лишь повышаться, а требования к специалистам – только усиливаться.

– В 2000 году НФП совместно с РАН и Государственным Лингвистическим Университетом приняла участие в организации и проведении Российско-Австрийской Конференции «Зигмунд Фрейд в контексте австрийской и российской культур». На этой конференции был установлен ряд новых контактов и обсуждались новые международные проекты. В том числе: публикация на русском языке полного стандартного издания сочинений З. Фрейда (в переводе с немецкого, с комментариями о разночтениях с английским изданием, примечаниями и постраничными ссылками на английское и немецкое издания), проведение в 2003 году Фрейдовского фестиваля, создание международного центра психоанализа в Санкт-Петербурге, и ряд других. 1-й том полного стандартного издания сочинений Фрейда выйдет уже в этом году.

– В 2000 году (по инициативе региональных обществ) впервые были открыты годичные специализации и курсы переподготовки для лиц, уже завершивших психоаналитического образование, находящихся на различных этапах завершения профессионального тренинга и имеющих практику. Эти циклы открыты по четырем направлениям: Клинический психоанализ, Детский психоанализ, Групповой психоанализ, Транзактный психоанализ. Как показывает наш опыт, все эти направления могут мирно сосуществовать в рамках одной структуры и взаимно обогащать друг друга.

– И в этом же, 2000 году выполнившим нормативы психоаналитического образования и профессионального тренинга (дидактический анализ, супервизорская подготовка и практика) выданы первые сертификаты специалистов НФП, а также осуществлена общественная аккредитация и сертификация первой группы персональных (обучающих) аналитиков и супервизоров НФП.

Это основные успехи.

Я не упоминаю здесь о работе Культурного киноцентра психоанализа и психоаналитического клуба «Бергассе – 19», с которыми вы сможете познакомиться в процессе работы нашей Конференции. Мы бы хотели, чтобы этот опыт культурно-просветительской и методической деятельности постоянно расширялся в регионах России. Я здесь также не говорю о ежегодно корректируемых программах психоаналитического образования, которые уточняются с учетом новых знаний и практического опыта, получаемых от наших зарубежных коллег.

Эта помощь неоценима, и о ней я не имею права не сказать.

– С 1997 года продолжается многолетняя программа по психоаналитической психотерапии под руководством Д-ра Харольда Стерна (США).

– В 1998 году она дополняется аналогичной программой под руководством Д-ра Хомера Куртиса и Д-ра Гари Голдсмита (с участием более 20-и ведущих специалистов Американской Психоаналитической Ассоциации).

– В 1999 году эти две программы дополняются аналогичной программой Мид-Манхеттенского Института Психоанализа (под руководством Д-ра Чарльза Бершадски, Национальная Американская Ассоциация по Аккредитации в Психоанализе).

– В 2000 году начинается еще одна, английская программа (под руководством Д-ров Катрин Краузер и Джен Виннер, Международная Ассоциация Аналитической Психологии).

– Накануне этой конференции в России прошел уже 10-й семинар французской программы, которую с 1997 года ведет Д-р Александр Непомнящий, в последние годы – совместно с Д-ром Натали Зальцман.

Эти программы реализуются как в Петербурге, так и в региональных ассоциациях НФП, в частности в Москве, Новосибирске, Хабаровске, Новгороде. Эти программы, в совокупности

составляющие более 200 часов дополнительных занятий в год, дают нам реальный практический опыт, и именно тот опыт, которого у нас пока мало. И я хотел бы сразу выразить нашу общую благодарность присутствующим здесь руководителям этих программ.

Должен сказать, что наша открытость для взаимодействия с представителями различных направлений психоанализа длительное время вызывала у меня тревогу. Эта тревога была связана с опасениями методической путаницы. Однако ряд ведущих западных специалистов и особенно – безвременно ушедший от нас Владимир Гранов – поддержали нас в этом подходе. Российская школа психоанализа только формируется. Поэтому, открытый характер нашего Института и нашей Федерации соответствует этому этапу. И я думаю, что этот открытый характер будет оставаться таковым и в последующем. Более того, как нам представляется, это соответствует мировой тенденции. Подтверждением этому является запланированная на июнь 2001 года конференция в Праге, где встречаются представители IPA и IAAP. На этой встрече будет и наша представительная делегация.

Я бы хотел, чтобы это было верно понято всеми присутствующими: я уже не раз говорил и писал об этом – никакой российской школы еще нет. Нам нужно иметь побольше скромности и пытаться ассимилировать все лучшее, теоретически и практически важное, что было создано нашими предшественниками и учителями. Я уже говорил, что в своем онтогенезе российский психоанализ повторяет филогенез теории и практики. Сейчас, например, можно констатировать, что структурные подходы, которые преобладали в предшествующие годы, в настоящее время все больше заменяются динамическими подходами на основе теории развития.

* * *

Фактически, то, что мы делаем в терапии, можно было бы охарактеризовать как «отделение пациента от его прошлого». Глядя в будущее психоанализа, мы также должны не забывать о его прошлом. Наши стереотипы (во многом связанные с профессиональной работой «за закрытой дверью») нередко сказываются на наших межличностных контактах и взаимодействии между обществами. Я думаю, что этот (в некотором смысле) «негативный перенос» нужно начинать прорабатывать. Нам нужно развивать контакты не только с различными направлениями в мировом психоаналитическом сообществе, но и с различными направлениями академической науки, прежде всего психологии и медицины. Это возможно только на основе последовательного развития научных исследований, включая исследования эффективности терапии и самого терапевтического процесса.

Мы знаем, что наше знание неочевидно. И нередко – непонятно для представителей других направлений психологии и медицины. Их негативизму пока, фактически, ничего не противопоставлено. Нами не противопоставлено. Длительно существовавшая нарциссическая позиция психоаналитиков явно себя не оправдывает. Нам нужно преодолевать нашу изоляцию от академической науки.

Особое беспокойство вызывает появление самодостаточной позиции у некоторых только что начавших практиковать специалистов. Причины для такой самодостаточности есть. При фактически полном отсутствии специалистов в стране, любой, кто хоть чуть-чуть научился разговаривать с пациентом или даже просто терпеливо слушать, уже может быть успешен. Прежде всего – материально успешен. И на фоне этой материальной успешности появляется ложная уверенность в своем профессионализме. Эта профессиональная иллюзия проявляется в нежелании учиться, супервизироваться и даже завершать собственный анализ. В отношении таких явлений мы должны занять самую непримиримую позицию.

Мы не можем не обращать внимание на попытки некоторых специалистов, направленные на коммерциализацию психоанализа. Как Президент НФП, я категорически заявляю, что мы никогда не допустим этого – ни в какой форме. Во всяком случае – этого не будет в Национальной Федерации Психоанализа. В проекте Положения о подготовке и переподготовке специалистов предусматриваются достаточно жесткие требования по систематическому супервизированию и систематической переподготовке специалистов, аккредитованных НФП, а также ряд других положений, включая положение о нормировании практики. Мы уже сталкивались с синдромами профессионального стгорания, и эта тема также является актуальной.

Апеллируя к опыту супервизорской работы и работе в составе Тренингового комитета НФП, я должен признать, что нам следовало бы в первую очередь обратить особое внимание на теоретические и практические аспекты таких вопросов, как: работа с сопротивлением и защитами пациента, проработка невроза переноса, вообще – среднюю часть терапии в целом, и завершение терапии. Если быть откровенным (а мы не пытаемся что-либо скрывать от наших зарубежных

коллег): пока основная масса специалистов достаточно успешно освоила методику и методологию начала терапии, научилась удерживать пациента в терапии, работать с переносом, давать пациенту поддержку, и делать это именно с точки зрения методологии психоанализа. Это большое достижение для 10 лет. Но, я еще раз повторю, это только начало. У нас есть несколько (около двух десятков) специалистов, которые блестяще применяют весь арсенал психоаналитических подходов и техник. Но – в основной массе случаев – ситуация пока такова, как было изложено выше. Поэтому мы не имеем права успокаиваться. Тем не менее, я могу констатировать, что пять лет назад мы не могли и мечтать о клинических докладах, которые могли бы быть представлены на международной конференции. И я уверен, что еще через пять лет уровень этих докладов и обобщений будет еще выше.

Другим (хотя и единично представленным негативным явлением) является попытка отдельных лиц пересмотреть методологию психоанализа, появление идей некоего «русского психоанализа», провозглашение принципов «манипулятивного психоанализа» и «психоаналитических пирамид», а также – «психоаналитический лексизм». Мы противодействовали и будем противодействовать этому всеми силами нашего психоаналитического сообщества, в том числе – используя весь свой моральный и властный ресурс.

* * *

Период иллюзий и надежд закончился. Начинается период серьезной и напряженной работы.

В заключение я хотел бы отметить, что мы последовательно ориентированы на кооперативные отношения со всеми психоаналитическими организациями России, независимо от их принадлежности (или непринадлежности) к НФП.

В соответствии с предложениями руководителей ряда региональных организаций НФП, осенью 2001 года мы вынесем на обсуждение новую редакцию Устава НФП, включая предложение о переходе от коллективного к индивидуальному многоступенчатому членству. Для этого есть много причин, которые будут подробно раскрыты в методическом письме Правления НФП.

Главные принципы НФП остаются прежними: объединение усилий психоаналитических обществ и других учреждений психоаналитической ориентации в целях:

- выработки единых стратегических подходов к проблемам психоаналитического образования и клинического тренинга, сертификации, общественной и государственной аккредитации психоаналитически ориентированных специалистов;
- создания эффективной системы подготовки и переподготовки специалистов;
- создания эффективной системы профессиональной информации;
- активного внедрения научно-исследовательских подходов в психоаналитическую практику;
- противодействия дискредитации психоанализа, попыткам деятельности вне правового поля и дикому психоанализу;
- активного взаимодействия с российским психотерапевтическим сообществом и международными психоаналитическими центрами.

Мы еще раз провозглашаем нашу открытость и идею Круглого стола представителей всех психоаналитических обществ России без каких-либо исходных условий или привилегий для тех или иных обществ.

Я не хотел бы, чтобы та уверенность, с которой мы декларируем свою позицию, сформировала у присутствующих (особенно – у наших зарубежных коллег) ощущение некой самодостаточности новой генерации российских психоаналитически ориентированных специалистов. Поэтому я еще раз подтверждаю, что мы крайне нуждаемся в методической помощи мирового психоаналитического сообщества и вообще – во всем, что касается клинической практики.

Тем не менее, психоанализ в России – пусть это покажется нескромным – уже есть. Это объективная реальность. Да, у нас пока не хватает теоретических знаний и практического опыта. Но есть только один путь для приобретения этого опыта – преподавательская, исследовательская, супервизорская и клиническая практика.

Обращаясь к присутствующим деятелям современного мирового психоанализа, мы хотели бы подчеркнуть, что были бы искренне благодарны за организацию новых и кратковременных, и – особенно – долговременных программ методической помощи.

Мы готовы к развитию сотрудничества и уверены, что оно будет перспективным и эффективным.

Я уже не раз говорил, что Россия никогда не была богатой страной, но никогда не нищала духовно. Все еще впереди

Аналитическое пространство и его границы

Доклад Президента НФП профессора М.М. Решетникова на ежегодном Общем собрании членов НФП и «Летней школе НФП – 2003» (г. Пушкин, 26 сентября 2003 года)

Дорогие коллеги и друзья, дамы и господа!

Я хотел бы еще раз приветствовать Вас на нашей четвертой Летней школе. Мой методический доклад, где я пытался обсудить вопрос: «Чему нам стоит учиться у Запада, а чего нам стоило бы избежать?» – учитывая временные ограничения нашей встречи – представлен для обсуждения в форме стендового сообщения. Один из аспектов этого дискуссионного материала можно было бы обозначить как попытку осмысления границ психоанализа как науки и практики. Поскольку этот вопрос далеко не простой и не праздный, я надеюсь, что к его обсуждению мы еще вернемся после окончания Летней школы на нашем сайте и в переписке. Главное, о чем я собирался говорить сегодня – это организационные вопросы. Проблемы, уже поднятые в докладах вице-президентов, ответственного секретаря Тренингового комитета и ответственного секретаря НФП (с обобщением деятельности Рабочей группы НФП по подготовке этого Общего собрания) существенно облегчают мою задачу.

В этом году завершается переход на индивидуальное членство. Мы предполагали, что это вызовет снижение количественного состава организации, но одновременно сделает ее более профессиональной, более авторитетной, и я бы сказал – более конкретной.

В целом, эти ожидания оправдались. Ранее, суммируя количество (в ряде случаев вообще не известных нам) членов 15-ти региональных объединений и центров НФП мы говорили о 600 членах. Сейчас, вместо гипотетических 600 членов – весьма аморфно (при коллективном членстве) включенных в деятельность НФП, мы имеем 175 индивидуальных членов, каждый из которых персонально известен и будет обозначен в реестре НФП, каждый из которых имеет конкретные права и несет персональную ответственность перед организацией.

И ранее, и уже здесь меня несколько раз спрашивали: почему до сих пор нет реестра всех членов и специалистов НФП? Думаю, что теперь понятно, что его и не могло быть при отсутствии индивидуального членства.

Естественно, что еще до этого заседания неоднократно возникал и второй вопрос: а каков теперь статус региональных организаций – институтов, обществ и центров, ранее (при коллективном членстве), автоматически входивших в НФП?

Я напомним, что в нынешний состав НФП в качестве индивидуальных членов вошли представители: Ассоциации Групп-Анализа, Восточно-Европейского Института Психоанализа, Заполярного Психоаналитического Общества, Кемеровского Психоаналитического Общества, Краснодарского Психоаналитического Центра, Московского Института Классического Психоанализа, Московского Института Клинического и Прикладного Психоанализа, Московского Общества «Катексис», Московского Общества «Психодинамика», Московского Открытого Психоаналитического Общества, Пермского Психоаналитического Общества, Новокузнецкого Психоаналитического Центра, Санкт-Петербургского Психоаналитического Центра «Альянс», Санкт-Петербургского Психоаналитического Центра на Карповке», Свердловской Региональной Общественной Организации «Центр Психоанализа», Сибирской Ассоциации Психоанализа, Украинской Ассоциации Психоанализа, Чувашского Центра Психоаналитического Образования, Юго-Восточного Украинского Психоаналитического Союза, а также индивидуальные члены из городов: Вахтан Нижегородской области, Вологды, Воронежа, Железнодорожска, Запорожья, Киева, Краснодара, Москвы, Находки, города Никольское Ленинградской области, Новороссийска, Новосибирска, Одессы, Санкт-Петербурга, Ростова, Санкт-Петербурга, Славянска-на-Кубани, Тимашевска Краснодарского края, Хабаровска. Я надеюсь, что ничего не упустил.

Теперь вопрос: входят ли названные психоаналитические организации, институты и центры в НФП? Автоматически – нет. И вновь избранному Правлению еще только предстоит разработать процедуру аффилиации при НФП обществ, институтов и центров. Эта процедура, естественно, будет разрабатываться с учетом их количественного и качественного состава, то есть – наличия специалистов, обучающих специалистов и супервизоров НФП, а также – участия в

деятельности НФП и приверженности Уставу, организационным и этическим принципам НФП. И в каждом конкретном случае этот вопрос будет решаться индивидуально. Об этом уже частично говорилось в информационном письме Президента НФП от 5 марта 2003 года. Я здесь дополню это предложение: до аффилиации или до появления аккредитованных НФП специалистов в том или ином регионе мы могли бы подумать об аффилиации инициативных групп НФП и поддерживать их более активно, чем это было в предшествующий период. Особенно нужно отметить, что это новое (и пока – не существующее положение) не снимает с повестки дня последовательное развитие отношений с уже действующими в регионах психоаналитическими организациями, при этом – как с теми, которые ранее входили в НФП в качестве коллективных членов, так и со всеми другими, деятельность которых не противоречит принципам НФП, а также и с психотерапевтическими сообществами других направлений.

Прежде чем перейти к нашим главным задачам текущего периода, я хотел бы выразить согласованное мнение старого состава Правления НФП и ТК НФП по основным позициям, сформулированным Рабочей группой (далее РГ), где все частные задачи, фактически, и были обозначены. В докладе я буду достаточно краток, но затем полный текст доклада будет разослан во все региональные организации, индивидуальным членам и размещен на нашем сайте.

Прежде чем перейти к основным вопросам, я хотел бы одобрить саму идею создания такой «неправительственной» группы и выразить личную благодарность ее инициатору – Ирине Санадзе (Норильск) и ее участникам – Сергею Авакумову (Санкт-Петербург), Вадиму Барсукову (Екатеринбург), Наталье Бондаревой (Москва), Валерии Гордиенко (Новосибирск), Станиславу Раковскому (Норильск), Сергею Санадзе (Норильск) и Светлане Светозаровой (Запорожье). Я думаю, что практику таких публичных обсуждений самых острых методических, этических и организационных вопросов нам было бы целесообразно применять и в будущем.

Поскольку доклад РГ был разослан заранее и уже представлен в выступлении Ответственного секретаря НФП С.П. Раковского, я буду краток, повторяя только суть предложений и выражая согласованное мнение Правления НФП (не в виде «вердикта», а в форме поддержки или контраргументации для последующей дискуссии):

1) Предложение РГ «о финансовых отчислениях в НФП каждым специалистом строго фиксированной суммы за каждый час работы с пациентом». Мнение Правления НФП: это было бы нецелесообразно, так как нарушает и этические принципы, и положение о деятельности общественной организации, которая становится в этом случае коммерческой.

2) «О контроле за тренинговой подготовкой и создании в этих целях региональных тренинговых комитетов». Идея поддержана Правлением НФП, так как в ряде случаев мы имеем совершенно неприемлемые ситуации. Вы знаете, что о начале тренинговой подготовки (обучающего анализа и супервизий) в соответствии с действующим «Положением...» требуется информировать ТК НФП. Но это правило исполняется пока крайне неэффективно. Иногда вдруг (при неизвестном начале и сроках прохождения профессионального тренинга) в ТК приходит представление на тот или иной статус в НФП, где о кандидате написано: *«Прошел 200 часов анализа и 200 часов супервизий, объем практики – 300 часов»*. При незаявленном начале профессионального тренинга и отсутствии ежегодных отчетов супервизоров – это, конечно, профанация, и такие заявления рассматриваться не будут. Поэтому Правление заинтересовано в создании региональных ТК для контроля за тренинговой подготовкой. Хотя пока для многих регионов это – идея будущего. Ее реализация возможна при появлении достаточного количества специалистов, обучающих аналитиков и супервизоров в регионах. На сегодняшний день такая «критическая масса» есть только в Москве. И уже есть заявление от московских коллег о создании такого регионального комитета. Это заявление будет рассмотрено новым составом Правления и ТК в ближайшее время. Но вначале нужно разработать Положение о региональных ТК с определением их организационных и контролирующих функций, при сохранении функций аккредитации за ТК НФП. Я думаю, что мы могли бы подумать о создании региональных ТК или о региональных представителях ТК НФП (с контрольно-методическими функциями) и до появления «критической массы» специалистов, так как это способствовало бы более активному формированию профессионального поля даже в инициативных группах НФП. Здесь предстоит серьезно подумать новому составу ТК НФП.

3) Предложение обсудить за круглым столом на Летней Школе НФП вопрос «О необходимости пересмотра существующих критериев оценки для присвоения профессиональных статусов общественной аккредитации членам НФП». В данном случае речь, безусловно, идет о повышении Национальных стандартов профессионального тренинга (персонального анализа,

супервизорской подготовки и объема практики в качестве стажера). Как идея для обсуждения, это принимается. И предлагается провести такое обсуждение на следующей ЛШ-НФП в 2004 году. Но мы должны помнить, что ныне действующий Национальный стандарт был принят нами же на период до 2005 года. И давайте не будем уподобляться нашим законодателям, которые вводят закон, и тут же его изменяют. То есть – пересмотр и введение нового Национального стандарта профессионального тренинга возможен, но после 2005 года. И после обсуждения его целесообразности. В 1996 году мы ввели, а затем в 1998 году подтвердили и закрепили позднее в «Положении о профессиональном тренинге» очень «мягкий» стандарт – для создания «точек профессионального роста». Вопрос о том, выполнена ли эта задача, – также нуждается в обсуждении. С политической и организационной точки зрения – для меня он пока дискуссионный, хотя мне близок очень глубокий методический тезис о том, что «никто не может пойти с пациентом дальше, чем прошел сам». Не думаю, что это стопроцентное правило, но все же.

4) Дискуссионность вопроса о повышении Национальных стандартов профессионального тренинга дополняется еще и тем, что, по моим данным, лишь около 10–20% анализантов пользуются своим правом о прекращении персонального тренинга по выполнении норматива стандарта и получении аккредитации в НФП (то есть – после 100 часов анализа и 100 часов супервизий). Остальные, реально оценив насколько это продвигает их практику, профессиональный и личностный рост продолжают и до 200, и до 300, и до 400 часов... И делают это по собственной воле, без принуждения. Поэтому, повторю еще раз – для меня вопрос о том, что мы должны «принуждать всех» – очень сомнительный. Права члена организации и власть последней над ним должно быть разумно сбалансированы.

5) Предложение Натальи Бондаревой «о создании единого стандарта психоаналитического образования в России». Ценное и важное предложение, и к этой разработке нужно приступать, но, думаю, уместнее будет говорить не о всей России, а сузить задачу – до создания стандарта психоаналитического образования в НФП. Это очень непростая задача – особенно, если учитывать сопутствующие вопросы лицензирования и аккредитации таких программ и институтов по подготовке специалистов – даже в рамках НФП, не говоря уже о таком далеком будущем как государственный стандарт (сама потребность в котором также весьма дискуссионна). Но, в целом и по сути, поставленная задача, безусловно, пионерская. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что единого стандарта психоаналитического образования пока не имеет ни одна из национальных ассоциаций в мире. В таком стандарте, вернее – в объеме часов, безусловно, должен быть предусмотрен базовый (обязательный) перечень предметов, тем и циклов, а также так называемая «вариативная часть», чтобы не уподобляться специалистам в области «раз и навсегда установленных истин». С учетом мирового опыта и нашей ориентации на развитие российского психоаналитического сообщества, такой стандарт, как мне представляется, мог бы быть также достаточно мягким. Может быть, в совокупности с объемом профессионального тренинга – не более 1000 часов, что, в принципе, близко к стандарту европейского сертификата по психоаналитической психотерапии. И близко к тому, что мы реализуем сейчас в рамках НФП. Таким образом, в первую очередь речь идет о пересмотре качественного наполнения наших образовательных стандартов.

6) Предложение о «создании в структуре НФП Программного Комитета под руководством одного из вице-президентов». Это предложение примыкает к предыдущему, и принимается – по сути. Но я еще вернусь к тезису о вице-президентах, поэтому пока только скажу, что такой комитет нужен, и нужен председатель такого Комитета.

7) Предложение о «создании в структуре НФП системы «кредитов», принятой за рубежом». То есть, речь идет о том, что все устанавливаемые статусы общественной аккредитации не являются пожизненными, и для подтверждения специалистами, обучающими аналитиками и супервизорами своих статусов (если такое положение будет введено) они будут должны набирать в течение года определенное количество семинаров и часов переподготовки, а возможно – и выполнять какие-то специальные нормативы по объему практики (в том числе: обучающие специалисты – аналитической практики, а супервизоры – соответственно, супервизорской). Предложение, в целом, одобрено. Оно органически связано с двумя предыдущими и положением о непрерывной переподготовке специалистов, и думаю, его нужно также адресовать будущему Программному и/или Тренинговому комитету. Можно согласиться с РГ, что на первом этапе таких «кредитов» – участие в конференциях, курсах повышения квалификации (по психоанализу или психоаналитической терапии) и т.д., должно быть не более 5 в год. Но качество и количественный объем каждого «кредита» должен быть еще установлен (и особенно в

отношении той части, которая касается практики: с учетом возможностей его выполнения в различных регионах России, то есть – с учетом спроса на психотерапию). Что касается еще одного предложения: «о зачете в качестве кредитов участия в общественной работе (организация ЛШ и т.д.)», то вряд ли это целесообразно. Мы могли бы ограничить объем «кредитов» для будущих президентов и вице-президентов НФП (независимо от того, кто будет избран), так как общественная работа отнимает слишком много времени.

8) Еще одно предложение Натальи Бондаревой – «об оценке качества дидактического (учебного) анализа». И Правление, и ТК НФП однозначно высказались против. Одно из ключевых правил дидактического анализа – его конфиденциальность. И любая внешняя экспертиза, чего бы она не касалась, была бы нарушением границ. Еще раз повторю: никакое вторжение в область аналитических отношений недопустимо. И дополню этот тезис примером из «стихийно» сложившейся практики: когда на ТК НФП обсуждается конкретный кандидат, претендующий на статус специалиста или супервизора, его аналитик (если он находится на заседании в качестве члена ТК), как бы давно не завершился аналитический период, не только не участвует в дискуссии, а даже не присутствует. Выходит на все время обсуждения этого кандидата. Что касается заключений супервизоров, то информационное письмо об этом также рассылалось: как минимум, два объективных заключения от постоянных аккредитованных супервизоров (с каждым из которых кандидат проработал не менее 30 сессий) должно быть.

9) Предложение Сергея Авакумова «о нахождении форм сотрудничества с людьми, практикующими психоанализ, вне рамок НФП, для расширения возможностей супервизорской подготовки кандидатов». Мы открыты для такого сотрудничества, и решением ТК НФП статус обучающего специалиста и супервизора был присвоен по его личному заявлению профессору Виду В.Д., который прошел профессиональный тренинг в Германии, но не является ни преподавателем, ни членом ни одной из действующих организаций НФП. Затем были аффилированы статусы всех зарубежных специалистов из Англии, Германии, США и Франции, которые давно и на постоянной основе сотрудничают с нами. Если такие заявления поступят и от других уважаемых коллег, в том числе – прошедших анализ и супервизорскую подготовку в других уважаемых организациях (вне НФП), мы их обязательно рассмотрим. Мы не будем следовать порочным (с нашей точки зрения) примерам «кастовости», которым все еще подвержены некоторые психоаналитические сообщества. Кстати, на Правлении Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии этим летом было зафиксировано, что нашими коллегами являются все, кто «действует в рамках психоаналитической парадигмы, работает с переносом и сопротивлением». Эта позиция «открытого (профессионально открытого) психоанализа» мне очень близка. И мы будем в своих оценках стараться всегда исходить из уровня теоретической и практической подготовки, из уровня профессионализма конкретного специалиста, а не из парапрофессиональных критериев типа: учился ли он именно в институте нашей ассоциации или прошел анализ именно у аккредитованного нашей организацией специалиста. Такие идеи «местничества» (а если точнее – «местечковости») существуют не только в психоанализе. Я недавно на встрече психологов столкнулся с таким явлением, когда заведующая кафедрой психологии одного из университетов в процессе выступления с гордостью заявила: «У меня на кафедре могут работать только выпускники московского университета!». Кто-то из зала спросил: «Всем остальным можно слушать дальше, или выйти?». Когда профессионализма или даже просто возможностей для честной соревновательности недостаточно, свой профессиональный авторитет всегда пытаются защитить каким-то иным образом, и именно тогда появляются выражения типа: «А что нам вообще может сообщить человек с таким носом?!» Давайте примем за правило исходить в качестве критериев профессионального признания не из формы носа или объема раздутых щек, а из того – что конкретный специалист представляет собой в профессиональном плане, как он демонстрирует свою теоретическую подготовку и практические знания и умения в своих публикациях и презентациях своей терапевтической деятельности перед профессиональным сообществом.

10) По запросу «о внедрении в психоаналитическую практику разработанного немецкими коллегами теста «АКВАЗИ» для объективизации оценки качества и эффективности психотерапии с помощью компьютерных технологий». В моем стендовом докладе более подробно обосновывается необходимость развивать исследования в рамках психоаналитического направления, но применение теста «АКВАЗИ» является добровольным (для членов НФП). Возможность объективизации оценки динамики и успешности терапии на основе опыта наших коллег из Ульмского Института Психоанализа, причем – в ситуации, когда независимо

объективизируются оценки и специалиста, и пациента (или анализанта), мне представляется перспективной, и для меня лично такая оценка была бы желательной и важной. Но каждый пусть решает этот вопрос самостоятельно. Безусловно, что такие подходы к объективизации, с одной стороны, будут способствовать повышению эффективности терапии, а с другой – содержат в себе угрозу всегда присутствующей нарциссической позиции конкретного специалиста, и с третьей – могут быть источником недобросовестных манипуляций. И здесь требуется тщательная проработка этических моментов проведения таких исследований. Но я хотел бы подчеркнуть, что эта методика уже применяется в десятках стран Европы, мы профинансировали ее адаптацию в России, и скоро начнем внедрение в ВЕИП. Если кто-то заинтересован в этом в регионах, мы готовы к сотрудничеству.

11) О предложении Ильи Пажильцева «о создании в ТК НФП, специализированной секции по групповому анализу». Правление считает его преждевременным. ТК – это экспертный орган, объединяющий членов нашей организации единством методических подходов и оценок. Кроме того, при индивидуальном членстве единство ТК НФП снижает вероятность местничества руководителей региональных организаций (примеры которого есть). Правление считает, что если мы пойдем этим путем, то следующим этапом стало бы создание отдельных ТК по детскому анализу, по психологическому консультированию и т.д. Не смотря на убедительность мнения Правления, я думаю, что в будущем оно так и будет. Не только в российской психотерапии появятся отдельные специализации, но они будут и в российском психоанализе. Однако, на сегодняшний день это еще преждевременно, так как, во-первых, это бы, действительно, привело к утрате единства экспертных подходов (которые только формируются, только институтируются), а во-вторых – у нас пока всего три супервизора по групповому анализу. И один из них, входит в ТК. То же самое относится и к детскому психоанализу.

12) Предложение РГ обсудить «участие членов Правления и вице-президентов НФП в создании ВАПП». Правление НФП считает это некорпоративным поведением, которое не направлено на укрепление НФП. В прошлом году, выдвинув предложение о расширении состава вице-президентов, я исходил из предположения, что это позволит укрепить региональные структуры НФП. Увы, этого не произошло. Я ошибся – и в целом, и в ряде персональных рекомендаций. Является ли эта ошибка простительной (в совокупности с возможными другими), покажут итоги перевыборов Президента НФП. Но, как еще действующий Президент, я бы не рекомендовал в новый состав Правления НФП тех, кто допустил такое некорпоративное поведение, в частности, я имею в виду – Екатерину Белокозову, Светлану Гусеву и Владимира Кривочурова, выступивших в качестве соучредителей другой организации, не согласовав это с Правлением. Я думаю, этот вопрос не возник бы, если бы упомянутые коллеги не имели особого статуса в Правлении НФП.

13) О будущем Правлении. Нам нужно избрать достаточно эффективно действующее Правление. От лица действующего Правления я вношу одобренное последним предложение Владимира Шамова вернуться к Уставным положениям, в частности, к положению о том, что у нас действует только один вице-президент.

14) О президенте. Нам нужно еще до выборов нового Президента НФП, кто бы он ни был, утвердить Общим собранием положение о перевыборах Президента НФП раз в 4 года. На прошлом Общем собрании мы изменили уставные сроки перевыборов Правления (раз в 4 года), а о Президенте забыли, оставив прежний срок – 2 года. И так как новый Президент избирается за год до истечения полномочий старого, получается, что Президент действует всего один год, а потом – начинает передавать полномочия. Как и ранее, перевыборы Президента в соответствии с Уставом будут проводиться тайным голосованием и на альтернативной основе. Хотелось бы, чтобы «альтернатив» было несколько, и чтобы реально проявились перспективные лидеры нашей организации.

15) Что касается предложений РГ «о перераспределении функций между вице-президентами», то Правление считает, что их целесообразно перераспределить не между вице-президентами, а между председателями комитетов. И Правление выносит это предложение на обсуждение и голосование. Функции комитетов достаточно хорошо сформулированы РГ, и могут быть при некотором обобщении представлены в качестве:

1. Комитета организационной работы и внешних связей (в основном – это проблемы организации конференций, школ, симпозиумов и все вопросы популяризации психоанализа);

2. Программный комитет (который будет решать все вопросы разработки, планирования и реализации профессиональных программ подготовки и переподготовки специалистов НФП: учебных, методических, клинических, групповых, детских и прикладных (вряд ли стоит выделять последние в отдельное направление), а также будет согласовывать и осуществлять планирование работы ведущих специалистов в регионах, в том числе – ведущих региональных специалистов в других регионах);

3. Комитет по членству (вся внутренняя работа и учет членства, подготовка реестра НФП и т.д., а также все вопросы внутренней информации и связей между членами НФП);

4. Тренинговый комитет – который уже традиционно будет заниматься вопросами разработки, организацией выполнения и контролем выполнения стандартов профессионального тренинга, а также рассмотрением вопросов о персональных статусах общественной аккредитации в НФП.

16) Из 4-х комитетов предлагается 3 первых формировать решением Правления (избирая из числа членов Правления и затем – назначая приказом Президента председателей комитетов), а Тренинговый комитет избирать, как и было решено ранее, – тайным голосованием в составе 10 человек, из которых (в соответствии с действующим положением о ТК) 5 избираются от Учебно-методического центра НФП – ВЕИП (хотя к последнему положению, возможно, стоило бы вернуться еще раз). Кроме 4-х комитетов предлагается избирать Общим собранием и тайным голосованием Этическую комиссию, которая будет неподотчетна Правлению и Президенту, а подотчетна только общему собранию НФП.

17) Следующее предложение РГ: «о необходимости предоставления в ТК НФП диктофонных записей сессий (то есть – записей непосредственной работы с пациентами) для кандидатов, претендующих на тот или иной статус» общественной аккредитации в НФП. Некоторые оценили его как безумное. Я так не считаю. В Ульмском центре психоанализа ведутся видеозаписи всех сессий. Но мы пока не Германия, и культура населения у нас другая. И представления о конфиденциальности – несколько иные, и у пациентов, и у терапевтов. Поэтому, если кто-то готов к такой форме предъявления материала, и имеет на это согласие пациента или анализанта, то это, безусловно, было бы интересно. Но, по общему мнению Правления, делать это общим правилом пока рано.

18) «О личном участии кандидата в «защите статуса» [общественной аккредитации] при его присвоении или подтверждении». Хорошее предложение. Но нужно учитывать, что статус – это еще и возможность работать и зарабатывать, а личное участие будет предполагать, что его присвоение (например, для специалистов действующих за Уралом) будет осуществляться не так уж часто. Думаю, мы можем обсудить это при подготовке нового положения о тренинговой подготовке (после 2005 года) как желательное или необходимое, во всяком случае – при возникновении разногласий или спорных ситуаций. Могу вас заверить, что ТК НФП старается действовать максимально корректно, и даже голосование по кандидатурам после тщательного обсуждения проводится в форме тайного, и только при наличии кворума членов НФП. Никакой «передачи» голосов при этом не допускается. Если имеются задержки в рассмотрении документов кандидатов, то в абсолютном большинстве случаев они связаны с неверно оформленными или неполно представленными отчетами кандидата или отсутствием заключений супервизоров. Еще одно примечание: в этом году мы переходим на новые образцы сертификатов, и супервизоры НФП получают их уже при закрытии этой Летней школы. Мы просто не успели разработать дизайн для других категорий специалистов, но сделаем это к следующей ЛШ НФП. Вручать сертификаты предполагается один раз в год, на очередном Общем собрании НФП, а до этого – сразу после присвоения статуса – высылать кандидату уведомление и фотокопию сертификата. Сведения о всех категориях специалистов, как и ранее, публикуются в каждом выпуске «Вестника Психоанализа».

19) Следующее предложение «о контракте между супервизантом и супервизором с установлением сеттинга по аналогии с контрактом между аналитиком и анализантом». В разосланном дополнении к Положению о супервизорской подготовке эти вопросы уже определены. Если их нужно уточнять – давайте начинать работать над этим, но изменять Положение будем только в 2005 году.

20) Предложение «об ограничении срока действия профессиональных статусов специалистов, обучающихся аналитиков и супервизоров». Правление согласно, что статус конкретного члена в НФП – это не просто почетное звание. Поэтому он должен быть ограниченным в сроке своего действия. Но, как представляется, подтверждаться он должен не «пересмотром

дела», а выполнением теоретических и практических «кредитов» переподготовки, а также определенным объемом терапевтической работы специалиста, обучающего аналитика и супервизора (именно в этих качествах за определенный период). Все эти вопросы принимаются, их проработка также нужна уже сейчас, а их решение – как уже отмечалось, следует отнести к 2005 году.

21) «О контактных реквизитах всех членов НФП» для обеспечения как «внешней» (общественной) информации, так и внутренней связи между членами организации. Как я уже говорил, Реестр членов НФП будет издан в ближайшее время и, помимо статуса того или иного лица, там будут и контактные реквизиты всех членов организации.

22) «О принципах формирования Тренингового комитета НФП». Часть предложений РГ принята и одобрена, в частности: статус общественной аккредитации члена Тренингового Комитета НФП должен быть не ниже обучающего аналитика, а еще лучше – не ниже супервизора. Что касается «принципа равенства представительства регионов», то мне он представляется несколько порочным. В ТК должны быть самые опытные специалисты из ныне имеющихся, где бы они не жили и не работали. Принцип «равнопредставленности» будет ущемлять таких людей. Я думаю, что, следуя принципам нашей профессиональной этики, мы могли бы, скорее, отказаться от особых квот для ВЕИП (см. п. 14).

Я, кажется, ничего не упустил из предложений РГ. Теперь о тех вопросах, которые РГ считает необходимым вынести на обсуждение и голосование Общего собрания НФП.

В результате своей деятельности РГ пришла к заключению, что поднятые вопросы достаточно информативно нагружены и потому РГ предлагается голосование Общего собрания НФП не по всем вопросам, а только по наиболее, с точки зрения РГ, принципиальным. Я позволю себе немного дополнить эти предложения, и предлагаю (после обсуждения) вынести на голосование следующие вопросы:

1) Одобрение деятельности РГ в целом.

2) О введении «кредитов». Предполагается одобрить это предложение и постановить, что проработка этого вопроса и разработку положения о нем будет поручена Программному комитету, который будет создан сегодня.

3) О структурах, регламенте деятельности и об управлении НФП. Сюда же примыкают вопросы и принципы формирования Правления, комитетов и комиссий НФП, поэтому обсуждение и голосование разделяются на несколько частей:

a. вопрос о подтверждении уставного положения об одном вице-президенте НФП;

b. поручение вновь избранному Правлению разработку положения о комитетах и формировании комитетов НФП – «Организационной работы и внешних связей», «Программного комитета» и «Комитета по членству», а также «Этической комиссии НФП» (в последнем случае – предполагается только утверждение положения Правлением);

c. установление положения, что Президент НФП, также как и Правление НФП, избирается сроком на 4 года. Это можно сделать только решением Общего собрания и это нужно сделать до выборов, кто бы ни был избран;

d. и последнее – нам нужно изменить уставное положение о том, что Президент избирается простым большинством голосов при участии в Общем собрании не менее 50% членов НФП, так как фактически в наших ежегодных общих собраниях участвуют не более 20% членов НФП. Другой подход – делегирование голосов – могло бы создать условия для злоупотреблений.

4) О взносах. Я не думаю, что их объем следует пересматривать, хотя наши издания и их рассылка каждому члену НФП (на что мы и расходует взносы) являются пока дотационными.

Еще несколько слов об основных задачах.

Я еще раз напомним – для чего люди объединяются? В первую очередь для решения задач, непосильных каждому из членов объединения в отдельности. И, прежде всего, для решения вопросов профессиональной идентификации и профессиональной конкуренции. Как эти задачи могут решаться в условиях весьма перегруженного профессиональными сообществами профессионального поля? Очень тезисно:

§ требуется существенная активизация и повышение уровня методической работы, включая уже традиционные ежегодные конференции НФП по актуальным проблемам психотерапии, при этом – не замыкаясь в рамках психоаналитического сообщества, а активно привлекая к совместной методической работе представителей других авторитетных сообществ, в первую очередь – РПА и ППЛ; укрепление уже активно действующей системы общественной аккредитации специалистов НФП; это одно из наших главных достижений и один из самых

мощных факторов укрепления, развития и последовательной профессионализации нашего сообщества;

§ развитие исследований в сфере таких проблем, как методологические аспекты психотерапии в целом и вопросы формирования российского психотерапевтического сообщества, исходя из единства российской психотерапии, одним из направлений которой является психоанализ и психоаналитическая психотерапия;

§ работа над популяризацией психотерапевтических и психоаналитических знаний как двуединая задача: повышение культуры населения и формирование рынка наших услуг;

§ укрепление и развитие связей с мировым терапевтическим сообществом; здесь я отмечу, что только за прошедший год мы принимали в качестве преподавателей более 40 ведущих специалистов из Австрии, Англии, Германии, Италии, Франции, США и некоторых других стран; здесь нет и тени преклонения перед Западом – нам еще многому нужно учиться, как в области теории и практики, так и в сфере самоорганизации терапевтического сообщества;

§ развитие профессиональной информации, в том числе продолжение издания профессионального журнала – «Вестника психоанализа», улучшение работы сайта НФП и регулярное издание реестра членов НФП.

Маленькое дополнение к последнему тезису: вы знаете, что российские законы никому не запрещают делать объявления в газетах, на ТВ или на заборах о том, что он является психоаналитиком, но в нашем профессиональном сообществе мы таковым считаем только тех, кто выполнил полный объем теоретической и практической подготовки в рамках Национального стандарта профессионального тренинга и признан профессиональным сообществом (в последнем случае – на основе предъявления методики и техники его работы в виде супервизий, публикаций и презентаций). В некотором смысле, прошу извинить меня за грубость, те, кто позиционирует себя в качестве аналитика без выполнения этих условий, должны относиться к телевизионным, газетным или «подзаборным» аналитикам, но они не имеют никакого отношения к нашему профессиональному сообществу. Этот тезис, безусловно, не относится к представителям других психоаналитических сообществ, даже если в них действуют иные стандарты подготовки и общественной аккредитации.

Позволю себе еще одно грубое высказывание. Некоторые из наших коллег начинают «бронзоветь» без особых на то оснований. Эту болезнь нужно лечить. Мы не сможем поддерживать статус профессионального сообщества, если не будем расти методически, и на основе достаточно строгих критериев, включая вопросы не только общественной, но и государственной аккредитации, а также – если не будем регулярно представлять нашу деятельность за пределами психоаналитических кругов. К этим важнейшим видам деятельности относятся выступления на конференциях в России и за рубежом, публикации в профессиональных изданиях, и не только аналитических, подготовка новых книг и монографий по общепсихологическим и общетерапевтическим проблемам, защита диссертаций. Мне приятно сообщить вам, что только за последний год по психоаналитической тематике были защищены диссертации хорошо всем известными специалистами С. Авакумовым, В. Мазыным и Д. Рождественским. На подходе еще несколько завершающихся исследований. За год членами НФП было подготовлено более 20 серьезных публикаций, которые вышли (что особенно приятно) в профессиональных изданиях других ассоциаций в России и за рубежом. К сожалению, пока плохо налажен учет этой работы. Об аналитической и супервизорской работе доклад сделает В.Шамов, поэтому я не затрагиваю эту тему, но скажу, что 7 лет назад мы даже не мечтали, что эта работа будет измеряться тысячами часов...

Мы прошли период экстенсивного развития, когда мы старались привлечь в НФП как можно больше членов, регионов и региональных организаций. Это, безусловно, дало свои плоды, но одновременно – не будем закрывать на это глаза – стало угрожать определенной потерей качества. Поэтому сейчас, после перехода к индивидуальному членству, нам нужно сосредоточиться именно на последовательном усилении профессионализации нашего сообщества.

Я еще больше акцентирую этот вопрос: на сегодняшний день из 175 членов НФП только 42 человека выполнили Национальный стандарт профессионального тренинга и имеют статусы специалистов, обучающихся аналитиков и супервизоров. Сразу добавлю, что примерно столько же – около 50 человек – находятся на различных этапах выполнения Национального стандарта профессионального тренинга, то есть – общее число потенциальных профессионалов составляет более 50% членов организации. С одной стороны, это свидетельствует о профессиональной привлекательности нашей организации (которая, кстати, определяется как успешностью деятель-

ности аккредитованных специалистов, так и их материальным статусом). Только в процессе этой Летней школы Федерация пополнилась еще 26 индивидуальными членами, и сейчас нас более 200. Это, безусловно, радует. Но с другой стороны, мы не должны забывать об угрозе «растворения» организации в сочувствующем, но «неквалифицированном большинстве». Поэтому, одно из моих предложений новому Правлению состоит в проработке более адекватной нашим задачам процедуры приема новых членов, возможно – включая обязательность рекомендаций двух действующих членов НФП и (опять же – возможно) обязательность того или иного уровня аналитической подготовки, а также (для обсуждения) – введение годичного испытательного срока для будущего члена НФП.

Следующий аспект. Мы несколько раз говорили о проблеме базового образования психоаналитически ориентированных специалистов. Превалирующее мнение – обязательность врачебного или психологического образования (до или наряду с психоаналитическим). Однако, как мне представляется, профессионализация специалистов в рамках НФП возможна и по направлению социальной работы психоаналитической ориентации, то есть – без наличия базовой психологической или врачебной подготовки. Я думаю, такую дифференциацию мы также могли бы обсудить и ввести, не нарушая российского законодательства о деятельности врачей-психотерапевтов, психологов-консультантов и социальных работников, действующих в области оказания психологической и психотерапевтической помощи населению. Я думаю, что было бы неверно «дискриминировать» последнюю группу в новом положении о присвоении статусов общественной аккредитации, тем более что с точки зрения процесса – их деятельность мало чем отличается, но – квалификации здесь все-таки разные. Соответственно, должны отличаться и категории, по которым присваивается тот или иной статус. Здесь же уместно напомнить о целесообразности взаимодействия с психиатрами. Мы знаем, что в ряде случаев они не склонны к такому взаимодействию. Не будем отвечать тем же, а постараемся исходить из интересов пациента и из понимания того, что есть определенные пределы психотерапевтической компетенции, и этим нельзя пренебрегать.

Еще одна проблема, требующая осмысления. К нашему удовлетворению появляется все больше новых психоаналитических центров: в Воронеже, Екатеринбурге, Запорожье, Калуге, Краснодаре, Москве, Новгороде Великом, Новокузнецке, Новосибирске, Норильске, Пензе, Санкт-Петербурге, Хабаровске и других городах. С принятием закона о частной медицине (он появится, думаю, где-то через год) их станет еще больше. Но в некоторых из созданных членами НФП центрах нет ни одного аккредитованного специалиста. Тем не менее, эти центры выступают от имени НФП, в некоторых случаях – дискредитируя нашу организацию. Поэтому нам нужно разработать положение об аффилиации региональных центров НФП (слово «региональных» в данном случае относится и к Москве, и к Санкт-Петербургу). И это еще одна новая задача для проработки Правлением НФП.

То же самое относится к институтам. Если мы хотим быть уважаемым профессиональным сообществом, то все наши институты должны выдавать аккредитованные государством дипломы, на данном этапе, как минимум, диплом психолога со специализацией в области психоанализа. Любые другие подходы поставят нас на одну ступеньку с лицами, «заборные» варианты рекламы которых хорошо вам известны: «Набираю на двухнедельные курсы парикмахеров, массажистов и психоаналитиков. Выдается международный сертификат». Поэтому нам нужно также разработать положение об аффилиации институтов и образовательных центров НФП. К этому же вопросу примыкает и уже высказанное предложение о разработке стандарта аналитической образовательной подготовки специалистов НФП (в дополнение к стандарту профессионального тренинга).

В рамках профессиональной идентификации в более выгодном положении, безусловно, находятся врачи, которые после завершения психоаналитической подготовки в Восточно-Европейском Институте Психоанализа могут позиционировать себя и как психотерапевты (при выполнении соответствующих положений Министерства здравоохранения), и как психологи-консультанты (кстати, последняя позиция избирается врачами чаще, так как не требует дополнительного лицензирования, с одной стороны, а с другой – менее ассоциируется у населения с психиатрией). Я хотел бы отметить, что за последние годы число врачей апеллирующих к полномасштабной психоаналитической подготовке выросло в 2,5 раза. И это свидетельствует о существенных переменах и в отношении к психотерапии, и в понимании ее, как самостоятельной профессии или специальности.

Мне приятно сообщить вам в заключение о росте международного авторитета нашего сообщества. Как уже отмечалось, за последний год несколько публикаций наших специалистов были переизданы на итальянском, английском и французском языках. Сейчас запланированы несколько международных изданий по актуальным проблемам психотерапии, часть из которых выйдет вначале на русском, а часть – одновременно на русском и английском языках.

Вы знаете также, что часть членов НФП одновременно входят в ППЛ и РПА, и мы будем последовательно и активно участвовать в их работе. Кроме того, часть членов НФП стали членами Европейской Ассоциации Психотерапии (ЕАР). С этого года методический центр НФП – Восточно-Европейский Институт Психоанализа аккредитован при Американской Национальной Ассоциации по Аккредитации в Психоанализе (НААР), и это можно оценить как существенное событие не столько с точки зрения возможности аккредитации наших выпускников в США без получения дополнительной подготовки (а там она стоит раз в 20 дороже), сколько с точки зрения международного признания. Я также нескромно сообщаю вам об избрании меня членом Правления Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии (ЕСРР). И это также еще один критерий роста нашего авторитета.

Развитие такого сотрудничества – не самоцель. Мы должны последовательно преодолевать международную изоляцию, оставшуюся нам в наследство от предшествующей эпохи. Успокаиваться нам рано.

2-ой Международный конгресс Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии

Одновременно с Конгрессом было проведено заседание Правления ЕКПП, в котором принял участие Президент НФП профессор М.М. Решетников. На Правлении были рассмотрены следующие вопросы:

1) Подведены итоги и доложено о реализации решений предшествующего Правления ЕКПП (Вильнюс, 7.07.2005).

2) Рассмотрены финансовые вопросы и принято решение об увеличении членских взносов до 50 евро в год (с возможностью последующей их дифференциации в зависимости от особого статуса членства в ЕКПП, имеется в виду для обучающихся специалистов и супервизоров).

3) Учреждена Французская секция ЕКПП и установлено, что единственным полномочным представителем ЕКПП во Франции является Французская Федерация Психотерапии и Психоанализа, при этом полномочный представитель ЕКПП во Франции должен являться членом этой национальной организации, но не обязательно ее президентом.

4) Рассмотрены критерии индивидуального и коллективного членства в ЕКПП, разработанные профессорами М.Решетниковым (Россия), Роберто Паррини (Италия) и Чарльзом Сас (Бельгия). Окончательное решение не принято, и предложено продолжить дискуссию по этому вопросу 16.02.2006 в Вене (преимущественно из-за разногласий по вопросу аффилированного членства, против которого возражали несколько членов Правления, считающие необходимым иметь единое членство одновременно с особыми статусами для специалистов). Было принято предложение М. Решетникова, что прием в члены ЕКПП через национальные ассоциации осуществляется на основе критериев тренинга, принятых в национальных ассоциациях, а также установлено (по предложению профессора Мишеля Мэйнарта – Франция), что в каждой стране право представительства от имени ЕКПП может иметь только одна организация.

5) Поставлена задача формирования комитета для решения задач, связанных с ЕWАО (зонтичной организации для всех признаваемых в мире терапевтических сообществ). Примечание: ЕКПП признана ЕWАО весной 2005 года.

6) Состоялась презентация первого в Австрии «Университета им З. Фрейда (The Freud University)», открытого в 2005 году в Вене под руководством профессора Альфреда Притца и получившего государственную аккредитацию Правительства Австрии. Университет построен по тому же принципу, что и Восточно-Европейский Институт Психоанализа, который является зарубежным партнером Университета, но в отличие от ВЕИП в Университете планируется вести, как минимум, 4-летнюю подготовку психотерапевтов по всем основным направлениям психотерапии: психоанализ (и психоаналитическая психотерапия), гештальт и поведенческая психоте-

рапия с выдачей государственного диплома и сертификата ведущих европейский профессиональных обществ психотерапевтов соответствующей модальности (в последнем случае – для лиц, завершивших профессиональный тренинг).

7) Утвержден состав Международного Оргкомитета для 3-го Международного конгресса ЕКПП, который состоится в России 30 июня – 2 июля 2006 года (Санкт-Петербург) в объединенном варианте с 3-ей Международной конференцией Национальной Федерации Психоанализа под общим наименованием: «Современные психоанализы» (исходя из базисного принципа создания ЕКПП: «Все, кто работают с переносом и сопротивлением – наши коллеги»). В состав Международного Оргкомитета вошли представители Австрии, Аргентины, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Литвы, Словении, США, Румынии, Украины, Франции и Швейцарии. Председатель Оргкомитета – профессор Маркус Фай, Президент ЕКПП, член IPA и SwPA. Вице-председатель – профессор Михаил Решетников, член Правления ЕКПП, НФП.

8) Утверждены основные направления Санкт-Петербургского Конгресса: «Злоупотребление и пренебрежение пациентом (анализантом) и эксплуатация его». «Клинические наблюдения и психоаналитические исследования». Полная информация о Конгрессе будет направлена российским участникам в ближайшее время.

Совещание руководителей общественных и практических структур в области психотерапии

Основные вопросы, которые были затронуты в процессе дискуссии:

1) Низкий уровень подготовки специалистов – врачей-психотерапевтов в действующих МАПО, где, по сути, осуществляется ознакомление будущих специалистов с перечнем известных в мире методов и техник психотерапии.

2) Специалисты не удовлетворены тем, что в России, в настоящее время активно формируются только две модальности современных психотерапий: психоанализ (и психоаналитическая психотерапия) и гештальт. Действует, но структурно не оформлена как модальность – терапия внушением (директивные и не директивные формы). Практически отсутствует переживающая новую и вполне обоснованную волну интереса на Западе поведенческая психотерапия.

3) Основным направлением по которому ведется подготовка специалистов в МАПО остаются интегративная и мультимодальная психотерапии (при этом последняя является компромиссом, предложенным западными сообществами для приобщения российских психотерапевтов к европейским профессиональным структурам, и также как и интегративная, не имеет западных аналогов). В силу этого контакты между российским психотерапевтическим сообществом и западными профессиональными группами, действующими в рамках общепризнанных модальностей (психоанализ, бихевиоризм, гештальт, внушение, когнитивная психотерапия) практически, не развиваются.

4) Огромное распространение получили привнесенные с Запада и не всегда имеющие достаточное научное обоснование манипулятивные и паранаучные психотехники, в ряде случаев выдаваемые за новые методы (новые модальности) психотерапии.

5) В России не сформирована система профессионального тренинга психотерапевтов, а их подготовка ведется почти исключительно как теоретическая, при этом принятые нормативы даже теоретической подготовки в десятки раз меньше, чем действующие в Объединенной Европе, что делает психотерапевтическую Россию «задворками» европейского профессионального сообщества.

6) В России (за исключением Национальной Федерации Психоанализа и Профессиональной Психотерапевтической Лиги) полностью отсутствует система общественной аккредитации специалистов, являющаяся общепризнанной во всех развитых странах. Аналогичная ситуация и с институтом супервизорства по различным направлениям в психотерапии.

7) Вопреки мировым тенденциям продолжается профессиональная дискриминация психологов, действующих в рамках психотерапевтического направления. В том числе – в государственном секторе, где врачи-специалисты, по непонятным основаниям предполагая себя специалистами-психологами, практически полностью «вытеснили» последних из отделений, поделив их ставки между собой.

8) В нарушение Конституции России продолжается профессиональная дискриминация специалистов, действующих в частных терапевтических и психологических центрах, которые в настоящее время (по различным данным) покрывают от 50 до 70% «рынка» психотерапевтических услуг, но остаются некой несуществующей частью российской психотерапии для Министерства здравоохранения (с точки зрения учета, отчетности, профессиональной информации и т.д.). Психотерапия, количество специалистов в которой уже явно превышает количество психиатров в России, по-прежнему остается субспециальностью в психиатрии, хотя такого положения уже давно нет ни в одной европейской стране (а в соответствии с Европейской Конституцией – поправка № 53 от 2005 года – психотерапия в Объединенной Европе является самостоятельной профессией).

9) Психотерапевтическая культура населения остается чрезвычайно низкой, что открывает огромные возможности для всяческих спекуляций и злоупотреблений пациентами, однако профессиональная общественность фактически ничего этому не противопоставила.

10) Действующие положение о профессиональной подготовке, профессиональном образовании, профессиональном тренинге, профессиональном (супервизорском) контроле, нормативах деятельности, сертификации и аккредитации специалистов, фактически, остались неизменными с советских времен, морально устарели и не учитывают мировой опыт и тенденции развития современной психотерапии.

11) Не определены критерии приемлемых форм целительства и не определены взаимоотношения этой сферы с психотерапией, что размывает границы между двумя последними, и (в ряде случаев) дискредитирует отечественную психотерапию.

12) Существует огромный разрыв между теми проблемами, которые обсуждаются в профессиональном сообществе и теми решениями, которые принимаются и реализуются в федеральном законодательстве и в виде подзаконных актов Министерства здравоохранения.

13) Необходимо расширять контакты психотерапевтического сообщества с гуманитарными профессиональными сообществами, действующими на «смежной» территории (педагогика, психология, философия, социология и т.д.).

14) Необходимо формировать более высокий уровень профессиональной толерантности и корпоративной этики между всеми действующими в России направлениями психотерапии, каковыми являются: интегративная и мультимодальная, психоанализ и психоаналитическая психотерапия, гештальт, когнитивная (или рациональная), внушение, а также способствовать формированию и развитию в России поведенческой психотерапии на основе установления контактов с признанными мировыми школами.

15) В связи с приближающимся юбилеем (03.02.2006) выдающегося российского психотерапевта и организатора психотерапевтической службы в СССР и России – профессора Б.Д. Карвасарского предложить региональным организациям подумать о конференции, посвященной этому событию и 20-летию введения психотерапии в перечень врачебных специальностей (1985) с привлечением к участию в ней специалистов всех модальностей.

16) Целесообразно рассылать итоговые материалы вопросов обсуждения в различных регионах до проведения итогового совещания в Москве, так как мнения высказываются разные и специалисты должны иметь возможность ознакомиться с ними заблаговременно и сформировать свою позицию.

Президент НФП проф. М.М. Решетников

Обращение

к Главному редактору Собрания сочинений Зигмунда Фрейда в 26 томах,
Ректору Восточно-Европейского института психоанализа
академику Решетникову М.М.

Уважаемый Михаил Михайлович!

С 1991 по 1996 г. Вы работали научным консультантом при Администрации Президента РФ. С 1991 г. Вы – ректор Восточно-Европейского института психоанализа. С 1992 по 1994 г. – начальник аналитического отдела Комитета по печати мэрии Санкт-Петербурга. С 1994 по 1996 г. – научный консультант и заместитель главного редактора издания Администрации Президента

РФ «Российские вести». В этот напряженный для страны период лично Вами, Михаил, и Вашими единомышленниками был разработан проект Указа Президента РФ «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа», подписанный Б.Н. Ельциным 19 июля 1996 г. и зарегистрированный за № 1044. В соответствии с третьим пунктом этого указа, в распоряжение Вашего института на льготных условиях аренды отошел огромный особняк XIX века, расположенный на Большом проспекте Петроградской стороны.

После подписания указа Б.Н. Ельциным, Вы, Михаил, и Ваш институт психоанализа взялись разрабатывать и реализовывать блок образовательных программ по психоанализу и большую целевую межотраслевую программу по «Возрождению и развитию психоанализа в России». Данные документы были утверждены в Министерствах образования, здравоохранения и медицинской промышленности, науки и технической политики РФ, а также в Российской академии наук, Российской академии образования, Российской академии медицинских наук.

Если бы не Ваша инициатива, неутомимая деятельность в Администрации Президента РФ и на посту ректора психоаналитического института, то россияне до сих пор бы не знали, кто такой Зигмунд Фрейд и чему он учил. Вам, Михаил, удалось создать в стране многочисленные психоаналитические организации и печатные органы. Вы – президент Национальной Федерации Психоанализа (НФП), аналитик и супервизор НФП, член Координационного совета Российской психоаналитической ассоциации (РПА), супервизор РПА. Вы – член Координационного совета Российской академии наук и Министерства здравоохранения по психотерапии и медицинской психологии, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ, научный консультант ряда высших государственных структур России. Вы – главный редактор журнала «Вестник Психоанализа», член редколлегии журнала «Архетип», заместитель главного редактора «Психологической газеты».

Наконец, Михаил, Вы – скромный труженик на посту заведующего кафедрой «Теории и истории психоанализа», кандидат медицинских наук (1983), доктор психологических наук (1991), профессор (1993), академик Академии гуманитарных наук (1994) и Человек года России (2003). Вы – автор полутора десятков книг и статей, видный ученый, занимающийся проблемами психопатологии, психологии массового поведения, экологических и социальных кризисов, а также вопросами истории, теории и методологии классического и современного психоанализа, научный редактор большого числа книг Зигмунда Фрейда и других классиков психоанализа.

В настоящее время Вы, Михаил, являетесь главным редактором Собрания сочинений Зигмунда Фрейда в 26 томах (ССФ), возглавляете Международный комитет, в состав которого входят: Виктор Мазин (Россия), Александр Белобратов (Россия), Сибилла Древе (Германия), Лидия Маринелли (Австрия), Майкл Молнер (Великобритания), Инга Шольц-Штрассер (Австрия). Данное издание осуществляется при финансовой поддержке Общества друзей Музея Зигмунда Фрейда (Вена), фонда Содействия развитию психоанализа им. Зигмунда Фрейда (Франкфурт-на-Майне), а также официальных спонсоров проекта Елены Титковой (Новокузнецк) и Сергея Щербакова (Антрацит).

В подготовке данного издания принимали участие Марина Миндель (Германия), Александра Гурьева (Россия), Натали Зальцман (Франция), Александр Непомнящий (Франция), Эмиль Брикс (Австрия), Франц Цеде (Австрия), Вероника Зейр (Австрия), Ганс Фолькер Вертман (Германия), Рихард Мюллер-Шмидт (Германия). В Предисловии Главного редактора, «Почему появилось это издание», Вы называете еще ряд имен российских ученых, способствовавших выходу фрейдовских произведений на русском языке. Их труд, естественно, не пропадет даром и будет использован при работе над нынешним Собранием сочинений отца-основателя психоанализа. Это – А.Г. Асмолов, В.А. Барабанщиков, А.И. Белкин, Н.Б. Березанская, А.М. Боковиков, А.В. Брушлинский, А.Л. Гройсман, П.С. Гуревич, В.М. Лейбин, В.И. Овчаренко, А.В. Рассохин, А.М. Руткевич, Б.Г. Херсонский, А.М. Эткинд, М.Т. Ярошевский и др.

В Предисловии к первому тому ССФ Вы, Михаил, пишете:

«Постепенно в российских профессиональных медицинских и психологических кругах начинает меняться отношение к психоанализу. Если в начале 90-х гг. психоанализ вообще нигде не упоминался, то, начиная с 1997 года, практически на всех научных и практических конференциях подчеркивалось его особое значение для психотерапевтической деятельности и психологического знания, а применение психоаналитического дискурса в философских, политологических и культурологических исследованиях стало обычным явлением. Тем не менее, следует признать, что современный российский психоанализ пока находится на этапе своего становления и развития. Сейчас было бы рано говорить о какой-либо российской школе психоанализа, но она, безусловно,

сформируется в течение ближайших пятнадцати–двадцати лет. И вне сомнения, это будет одна из признанных мировых школ».

Вы же понимаете, Михаил, почему «в начале 90-х гг. психоанализ вообще нигде не упоминался», а «начиная с 1997 года, практически на всех научных и практических конференциях подчеркивалось его особое значение». К чему лукавить? Причину этому следует искать, конечно же, в Вас, точнее, в подготовленном Вами указе Ельцина № 1044 от 19 июля 1996 г. Этот нерадостный, скажу я Вам откровенно, указ возвел психоанализ в ранг государственной политики и идеологии, разрешающий на самом высшем уровне вести не только «научные и практические конференции», но – что самое печальное – подготовку соответствующих молодых кадров. Только в одном Вашем институте, Михаил, на трех его факультетах сегодня обучаются около полутысячи студентов. Вы пишете, что «современный российский психоанализ пока находится на этапе своего становления и развития», но пройдет какое-то время и у нас в стране появится «одна из признанных мировых школ».

Не дай Бог, Михаил! Мое мнение, как исследователя жизни и творчества Зигмунда Фрейда, – лучше бы фрейдизм никогда не возрождался на российской земле. Я уверен, Михаил, что и Вы вместе со мной захотите этого, когда узнаете всю правду о венском «конквистадоре», учредившем тайное масонское братство и создавшем по всему миру что-то наподобие гостиничных номеров на двоих для ведения интимных бесед на кушетке. Фрейд – основатель вредной спекулятивной школы, притягивающей к себе корыстных людей, оказывающих якобы психологическую помощь в обмен на хорошее денежное вознаграждение. Душевное спокойствие – не товар; оно не продается и не покупается. Посмотрите на церковь. Все, кто ложится на психоаналитические кушетки, – жертвы обмана лжеучения, которое только с виду кажется научным и безобидным, но стоит вникнуть в написанные Фрейдом тексты, как тут же становится понятна дьявольская сущность автора. Этот плут никогда не был врачом, ученым или даже просто нормальным человеком. Отец-основатель аморальной доктрины ничего не открыл в области психиатрии и никого не вылечил, зато своими безнравственными действиями нанес колоссальный моральный урон всему человечеству.

Для Вас, Михаил, сейчас это звучит, наверное, кощунственно, поскольку Ваша кипучая деятельность на протяжении многих лет так или иначе была связана с психоанализом. Казалось бы, обличая Фрейда, я обличаю Вас, Михаил. Но это не так, я Вас ни в чем не виню. Всякий смертный имеет право на ошибку. Он может заблуждаться день, год или даже большую часть своей жизни, как в Вашем случае. Но вот однажды ошибающийся узнает правду, шоры с его глаз спадают и его взору открывается яркая, как солнце, Истина. Теперь важно не отворачиваться от ее всепроникающего света, не упорствовать в своих наваждениях.

Вы, Михаил, – великий организатор масштабных проектов, герой Афганской войны, орденоносец, кроме того, Вы просто честный и мудрый человек – я это вижу. Поэтому, Михаил, Вы не бойтесь отречься от своих заблуждений, когда ознакомитесь с содержанием книги «Правда о Фрейте и психоанализе», статьи «Анна О. – первая пациентка Фрейда» и других моих работ. Я уже представляю Вас в нашем стане антифрейдистов. Вы, некогда ярый поборник и последовательный апологет психоанализа, теперь превратились в апостола Павла, который первую половину жизни провел в глухом неведение, вторую – положил на алтарь просвещения язычников.

Да, бывшие друзья апостола сделались его врагами – не бойтесь этого, Михаил! Старая правда обернулась для апостола ложью – так и должно быть, Михаил! То, что раньше было для Вас добром, станет смертным грехом. Павел отрекся от ветхих иудейских канонов и принял новые, чистые, православные – и Вы так сделаете, Михаил! Описания славных дел Павла и обращения его к темным народам Древнего Мира вошли в сокровищницу христианской мудрости. И Ваши будущие ученые книги, развенчивающие измышления подлого авантюриста, тоже станут заучивать наизусть и распевать как молитвы. Изучая Ваши нынешние сочинения, всматриваясь в Ваш благородный лик и ясные очи, я всякий раз про себя шепчу: «Вот он, апостол Павел! Он очистит российскую землю от скверны, сделает всё, чтобы злосчастный указ президента за № 1044 был навсегда похоронен и, не медля ни секунды, остановит выпуск в свет многоотомной ереси».

Доброго пути, Михаил, да поможет Вам Бог!

Олег Акимов

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-OJAK-4	1
Олег Акимов.....	1
Статьи О ФРЕЙДЕ.....	1
Добавление	2
Острые Иглы	12
Предисловие	12
Острые Иглы	20
Кошей Бессмертный XX века?	20
За что благодарить Фрейда	21
Иван-Царевич	24
«Кто эту боль, дитя, тебе нанес?»	27
От факта к фикции, или рождение психоанализа из пены морской	31
Страдание и смерть Шандора Ференци	36
Индустрия разводов, ручные акулы и обжорство на нервной почве	39
Как назвать XX век?	43
Литература.....	46
Сущность фрейдизма.....	47
ПСИХОАНАЛИЗ	50
Почему нам нужно объединиться	50
Период иллюзий и надежд	52
Аналитическое пространство и его границы.....	63
2-ой Международный конгресс Европейской Конфедерации Психоаналитической	
Психотерапии	72
Совещание руководителей общественных и практических структур в области	
психотерапии	73
Обращение	74
Оглавление	77